

Между двух Лун

Виктория Терехова

Между двух Лун

<https://litres.ru/74232628>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Между двух лун» — трилогия о космических приключениях, любви и дружбе. О выборе из-за которого меняется все представление о жизни.

Яра заснула на лесной поляне, а проснулась в чужом мире.

Вокруг — тот же лес, но трава и деревья выше. Она пытается понять, где очутилась, но ответы ускользают: люди здесь живут сотни лет, города парят над землёй, а в ночном небе сияют две луны.

Единственный, кто предлагает помощь — охотник за реликвиями Альтаир и его верный друг — летающая сфера Шнырь, которая оказывается человечнее любого из живущих. Но у них свои причины. И свои тайны.

Просыпаются древние силы. Враг, о котором они ничего не знают. И чем дальше, тем яснее одно: они встретились не случайно. Кровь — тайна. Прошлое и будущее — загадка.

Чтобы выжить, им придётся пересечь всю Солнечную систему: от песчаных бурь Марса до подземных океанов Зены. Собрать команду из тех, кто давно потерял надежду и веру. Узнать правду, которая изменит не только жизни героев но и всё вокруг.

Виктория Терехова

Между двух Лун

Два сердца

Мои оковы тянут вниз,
Я чувствую силу притяжения.
Как хочется сорваться в высь,
Увидеть тебя на мгновение.
Моя любовь неизмерима,
Нежность застыла внутри.
Я ложусь спать, шепчу твоё имя,
Не зная снова, где ты.
Услышь мой зов...
Пусть тебе его принесёт
Свет далёкой звезды...
Он укажет путь туда,
Где были счастливы мы...
Мы — два сердца в холодной бездне,
Мы — тот самый взрыв в тишине!
Я верю — мы никогда не исчезнем,
Мы — в каждой песне на этой земле!
Нас не сломать, не стереть, не забыть,
Мы не растворимся в звёздной пыли!
Наша любовь будет жить
В этом... прошлом... и следующем мире!
Я ненавижу все чувства,
Что не касались тебя.

Я помню каждое прикосновение —
Жаркой страстью окутывало меня.
Меня не любили — и я не любил.
Сквозь миллионы прохожих
Тебя я не находил.
Ты — тот маяк, что не гаснет,
Ты — тот свет в вечной мгле.
Знай: я искал тебя в каждом пространстве,
И нашёл тебя только во сне...

Пролог

Корабль, помнивший чужие галактики, планеты, миллионы звезд, замер над Землёй безмолвной тенью. Молчали и те, кто был внутри. Слишком далеко. Слишком давно. Слишком больно.

Впереди ждал новый дом, ещё одна попытка не разрушить всё, к чему прикоснулось человечество.

Но прежде требовалось пережить эту ночь.

За прозрачной стеной смотрового отсека погибала Земля. Она не взрывалась. Не истекала лавой. Планета просто гасла — медленно, как древняя лампа, в которой кончается топливо. Океаны мелели, леса осыпались пеплом, города стояли пустыми: идеальные, мёртвые, уже никому не нужные.

Лира стояла у стены и смотрела вниз. Каждый изгиб материков она знала наизусть. Здесь она жила. Любила. Здесь потеряла все. И теперь покидала.

Или нет.

За её спиной гудел Ковчег. Миллион душ. Лучшие умы, сильнейшие гены, последняя надежда. Они улетали к новой звезде, к ещё одной попытке.

— Совет утвердил список.

Голос раздался за спиной — мужской, уставший.

— Лира. Посадочный модуль стартует через час.

Она не обернулась.

— Я остаюсь.

Пауза. Затем быстрые, тяжёлые шаги. Дэни — координатор Исхода, её бывший, вечная головная боль — встал рядом. Его отражение появилось в стекле: высокий, серебристые пряди собраны в узел на затылке.

— Ты сошла с ума. Там нечего оставлять. Через полвека атмосфера станет непригодной. Через век не выживет никто.

— Я знаю.

— Тогда зачем?!

Она молчала. Смотрела на угасающую планету и думала о том, что невозможно объяснить словами. О чувстве, которое с ней жило вечно, об уверенности: бегство — не выход. И это её долг, видеть снова одно и то же...

Но теперь, все было иначе. От неё требовалось только ждать.

— Потому что кто-то должен встретить, — проговорила она наконец.

Дэни нахмурился.

— Встретить? Кого? Там никого не будет.

Лира повернулась к нему. В глазах — ни страха, ни тени сомнения.

— Ты не поймёшь, — сказала она мягко. — Я просто... знаю.

Он смотрел на неё, не находя слов.

— Ты сумасшедшая, — выдохнул он.

— Мы все сумасшедшие. Иначе давно бы уже процветали в этом мире и в остальных.

Где-то в глубине корабля завывала сирена. Час истёк.

Дэни шагнул к ней, обнял — отчаянно, крепко, как обнимают лишь тех, кого больше не увидят.

— Я вернусь, — прошептал он. — Тихо, словно их кто-то мог подслушивать. Найду способ.

— Не надо, — отозвалась она, уткнувшись лицом в его плечо.

Он ушёл. Она осталась.

Посадочный модуль отстыковался и ушёл к звёздам — серебряная капля, уносящая последнюю надежду. Лира стояла у стекла, провожая его взглядом, пока он не растворился в темноте.

Потом опустила глаза на Землю.

Ладонь коснулась холодного стекла. Вторая легла на пока ещё плоский, ничем не выдающий тайны живот. Она улыбнулась — той особенной улыбкой, какая бывает у людей, знающих то, чего не знает никто.

— Я буду ждать, — прошептала самой себе. — Сколько бы не прошло циклов.

— Одна кровь. Одна память.

Земля помнит. И я помню.

Глава 1. Пробуждение

Яра открыла глаза и не совсем поняла, она все еще спит или уже проснулась.

Первое, что она увидела — небо, её единственная в этот момент: «Слишком синее». Нет, не так. Оно было густым, глубоким — словно нарисовано дорогими красками, которые забыли разбавить водой. Таким оно не бывало никогда на памяти девушки. Пришлось моргнуть и зажмуриться как можно сильнее.

Небо осталось на месте.

Яра села, голова кружилась, тело казалось легким и одновременно неповоротливым, словно она очень долго спала. Под ладонями чувствовалась густая, высокая трава — выше локтя. На поляне, где она задремала час назад, трава едва доставала щиколотки.

Точно — начала вспоминать она. Лес. Поход. Друзья.

Они шли и смеялись всю дорогу над Алексом, который обещал показать "место силы". Кети несла большой термос и ныла, что рюкзак натирает плечи. Егор, как обычно, плёлся последним, делая вид, что снимает документалку про «городских в дикой среде обитания».

Девушка огляделась.

Поляна была той же самой — и совершенно чужой.

Деревья стояли знакомым полукругом: дуб, две сосны,

старая берёза. Но все они стали выше. Значительно выше. Дуб, вчера казавшийся просто высоким, теперь упирался кроной в небо, как небоскреб. Сосны напоминали корабельные мачты, исчезающие в облаках. А берёза... Яра могла поклясться: ещё час назад на её коре не было этого странного серебристого отлива.

Тишина.

Не лесная с шорохом листвы, треском веток, дальним перестуком дятла. А глухая, как перед грозой. Даже ветер вел себя тихо, хотя листья очень высоко над головой заметно двигались.

— Ребята? — позвала она негромко.

Голос прозвучал глухо, будто сквозь препятствие.

— Алекс! Кети! Егор!

Звук пропадал сразу, не долетев до ближайшего ствола дерева.

Яра встала. Колени подрагивали, но держали. Она отряхнула джинсы от пыли и заметила, что трава оставляет на ткани зеленовато-золотистый след — похожий на пыльцу.

"Спокойно" — сказала она себе. Друзья просто ушли дальше. Или вернулись в лагерь.

Девушка не помнила, как заснула. Помнила только, что легла на спину, закрыла глаза, подумала: «Надо не забыть сказать Кети, что чай и правда вкусный». А потом — темнота. Без снов. Без ощущения времени.

Она сделала шаг, другой. Трава пружинила под ногами,

как мягкий ковёр. Воздух пах иначе — слаще, гуще, с незнакомыми нотами. Не хвоей, не дымом от костра. Что-то живое, тёплое. Будто сам лес дышал ей в лицо.

Она пересекла поляну и вышла туда, где вчера, точно помнила была тропинка к ручью.

Вместо узкой земляной дорожки, протоптанной туристами, перед ней пролегал широкий, почти мощёный путь из утоптанной травы и мелкого камня. Камни были гладкие, округлые, неестественно одинаковые. Яра нахмурилась, присела на корточки, потрогала один.

Затем выпрямилась и пошла вперёд, потому что идти куда-то всё равно лучше, чем стоять на месте и ждать.

— Алекс! — крикнула она громче. — Если это твой дурацкий розыгрыш, я тебя убью! Честное слово, убью и закопаю прямо здесь!

Тишина в ответ.

Тропа вывела её к ручью. К тому месту, где вчера он был. Только теперь это была небольшая, но быстрая река с водой такого прозрачно-голубого насыщенного цвета, словно кто-то растворил в ней небо.

Яра наклонилась, зачерпнула ладонью. Холодная, прозрачная и чистая.

И тут она услышала голоса.

Они доносились откуда-то из-за плотной стены кустарников, которой накануне тоже не существовало. Девушка замерла, сердце стучало.

Слов она не разбирала. Это был чужой язык совершенно незнакомый. Звуки текли плавно, с переливами и резкими щелчками. Иногда проскальзывало нечто смутно узнаваемое — но лишь на долю секунды, как будто слушаешь знакомую речь, но слова глухие, словно издалека.

Яра осторожно, стараясь не хрустеть ветками, двинулась на звук. Кусты расступились, открывая ещё одну поляну — меньше первой, но такую же странно идеальную, словно нарисованную.

На поляне стояли двое мужчин.

Высокие — очень высокие. Она не сразу осознала насколько, потому что разум отказывался верить глазам. Тот, что находился ближе, был на голову выше Алекса, а он считался самым длинным в их компании со своими метром девяносто семь. Этот же явно перешагнул за два метра.

Но не рост поразил её сильнее всего.

Они были странно одеты. Не походная форма, не то, что Яра сумела бы опознать хоть одним знакомым словом. Облегающие тёмные костюмы, поверх которых лёгкие доспехи. Пластины матового металла прикрывали плечи, грудь, предплечья. Двигались мужчины так, будто броня ничего не весила.

У каждого на поясе висело что-то, отдалённо напоминающее оружие — изогнутые рукояти без лезвий, но с тускло светящимися вставками.

Яра застыла за кустом, боясь дышать.

Мужчины переговаривались. Она напрягла слух, отчаянно пытаясь выхватить хоть что-то понятное. И вдруг одно слово прорезалось сквозь чужую речь.

— ...при-и-илетел...

Ещё через несколько секунд другое, резкое, с явным недовольством:

— ...король...

И после паузы:

— ...недоволен.

«Король недоволен»? «Кто-то прилетел»?

От этих слов, вырванных их контекста, стало только тревожнее. Один из незнакомцев жестикулировал, показывая куда-то вверх. Второй слушал, скрестив руки на груди, и хмурился.

Яра попыталась отступить — под ногой предательски хрустнуло.

Оба мгновенно замолчали и повернули головы.

У того, что стоял ближе глаза были светло-серыми, и они смотрели прямо сквозь кусты. Прямо на неё. Второй — постарше, с сединой в тёмных волосах и тонким шрамом через левую скулу, — медленно опустил ладонь на рукоять на поясе.

Девушка перестала дышать.

А потом случилось то, чего она никак не ожидала.

Из-за спины, с той стороны, откуда она только что пришла, раздался бодрый механический голос. Слова были чу-

жими, но интонация до жути универсальной.

— Ри-та-кан! Ше-ол-лар ми-ирэ! Тэ-э-энна... чай?

Яра вздрогнула, узнав последнее. Чай. Обычное слово посреди чужой тарабарщины.

Она резко обернулась.

Прямо за её плечом, в метре над землей, висела штука. Сфера размером чуть больше крупного апельсина, переливающаяся жёлтым и зелёным. Она слегка покачивалась в воздухе без всяких видимых винтов или крыльев и смотрела на Яру светящимся «глазом» — линзой, в которой отражалось её собственное ошарашенное лицо.

Сфера протараторила что-то быстрое и веселое. Снова резануло слух знакомое слово «Капитан». Или очень похожее.

Яра не стала дослушивать. Она побежала.

Страх — животный, отключающий разум — бросил её вперёд, сквозь кусты, мимо двух незнакомцев в доспехах, обратно к поляне. Ветки хлестали по щекам, трава путалась в ногах. В голове колотилось одно: «Бежать. Бежать. Бежать».

Она не разбирала дороги. Просто прочь — от летающей сферы, от чужих голосов, от неба, которое стало слишком синим, и деревьев, выросших за одну ночь.

И вдруг сильный, резкий толчок. Девушка во что-то врезалась.

Это был как удар о скалу. Только скала оказалась живой.

Яра отлетела назад, не удержалась на ногах и рухнула на землю. Затылок взорвался болью она ударилась головой о тот

самый гладкий камень, что заметила на тропе. Перед глазами вспыхнули белые искры, мир поплыл и закружился каруселью.

Сквозь звон в ушах было слышно голоса.

Один низкий, с лёгкой хрипотцой, звучал размеренно. Второй — механический, тараторящий — оправдывался. Яра не понимала слов, но интонации читались ясно: первый успокаивал, второй возмущался.

Она попыталась поднять голову. Боль прострелила от затылка к вискам. Она поморщилась и простонала от боли. Над ней нависла тень — высокая, мощная, заслоняющая небо.

Голос заговорил — медленно, осторожно. Тон был не угрожающим. Скорее таким, каким разговаривают взрослые с испуганным ребенком, боясь напугать еще сильнее.

Яра приподнялась на локтях, смахнула слёзы и посмотрела вверх.

Над ней стоял он.

Мужчина был высокий, жилистый. В нем была та крепость, что дается генетикой и движением, без излишеств, весь под стать от широкой груди до узких бедер. Короткие, хорошо уложенные серебристые волосы. Они отливались металлическим блеском в свете солнца. Лёгкие доспехи тёмно-коричневого цвета, с потёртостями на плечах и на грудной пластине. Лицо резкое, с острыми скулами, глаза — тёмного янтаря. Через левую бровь тянулся тонкий белый шрам, уходящий вниз через все лицо.

Он смотрел на неё сверху вниз — не враждебно, но без тени тепла, с холодным любопытством.

Мужчина что-то спросил. Яра покачала головой: не понимаю.

Его взгляд скользнул по её одежде — обычным джинсам, футболке, лёгкой куртке, — и в янтарных глазах мелькнуло удивление.

Нахмурившись, он бросил короткую фразу через плечо. Та самая сфера, что её напугала, подлетела ближе и зависла над Ярой. По корпусу пробежала волна синего света.

Сфера присвистнула и выдала длинную тираду. Мужчина слушал, и его брови поднимались всё выше.

Потом он снова обратился к ней — медленно, почти по слогам:

— Имя?

Яра вздрогнула. Имя. Он спрашивает, как её зовут.

— Яра, — прошептала она, кивая. — Меня зовут Яра.

Она попыталась добавить что-то ещё, объяснить, откуда взялась, но перед глазами снова поплыло, боль в затылке запульсировала мир закружился и погас.

Когда сознание начало возвращаться, слух включился раньше болевых рецепторов.

Голоса плыли сквозь тишину. Чужой язык звучал странно: Яра улавливала ритм разговора. Вопрос. Ответ. Возражение. Вдох.

— ...Орион...

Это слово прозвучало чётко, как удар колокола. Она запомнила его сразу, хотя не знала значения.

— ...должен знать...

Интонация вопросительная, почти требовательная.

Пауза. Потрескивание. Запах дыма и еды.

А потом — тишина внутри неё самой. И в этой тишине, как эхо из глубокого колодца, прорезался женский голос. Мягкий. Родной до мурашек.

«Земля помнит... и я помню».

Яра дёрнулась, как от разряда тока, и распахнула глаза.

Первое, что она увидела, — огонь. Небольшой костёр горел в паре метров, источая ровное, успокаивающее тепло.

Второе — звёзды. Яркие. Чужие. Она не узнала ни одного созвездия. Небо было перекроенным, как карта мира, нарисованная кем-то другим.

А потом она заметила луны.

Их было две.

Одна — большая, белая, почти как та, к которой она привыкла. Только кратер на боку располагался иначе, и светилась она холоднее, серебристее.

Вторая — меньше, рыжая, точно ржавчина. Висела чуть ниже и левее, источая слабое, едва заметное свечение — не отражённый солнечный свет, а свой собственный, внутренний, как у тлеющего угля.

Яра лежала на спине, на чём-то мягком — кажется, на свёрнутом плаще, — и смотрела на эти две луны, и чувство-

вала, как по щекам катятся слёзы. Слёзы текли сами, потому что глубоко внутри, под рёбрами, что-то дрогнуло.

«Небо неправильное. Всегда было неправильным. А теперь — правильное».

Мысль была чужая и одновременно родная.

Она напрягла зрение.

У костра сидел тот самый мужчина. Сейчас, когда он не нависал во весь рост, его размеры ощущались не так масштабно, но Яра помнила. Он смотрел в огонь и молчал.

Рядом в воздухе висела сфера, переливаясь мягким синим, и тихо насвистывала.

Яра не шевелилась. Притворялась спящей, лихорадочно соображая.

Они говорят на чужом языке. Они выше. В небе две луны. Это не мой мир. Это вообще не Земля — или Земля, но другая. Мне нужно бежать. Прямо сейчас. Пока они не видят.

Она осторожно, миллиметр за миллиметром, поползла в темноту.

Трава пружинила под локтями, скрадывая звуки. Яра двигалась медленно — так, как учили в тур секции, над которой она смеялась всю дорогу до злополучного похода. «Никогда не знаешь, что пригодится», — говорил инструктор. Кажется, он был прав.

Мужчина у костра не оборачивался. Сфера тоже висела к ней «спиной».

Яра отползла на пару метров, потом ещё на пару. Она

приподнялась на корточки, оценила расстояние до деревьев. Метров десять. Если рвануть сейчас...

Вдох. Выдох. Она побежала.

Десять метров превратились в вечность. Трава хлестала по ногам, кусты царапали плечи, корни подставляли подножки. Позади раздался удивлённый возглас сферы, затем окрик мужчины — глубокий, властный, — но Яра не остановилась.

Она бежала, до тех пор пока в груди не вспыхнул огонь, ноги превратились в камень. Остановилась, согнулась — упираясь ладонями в колени, ловя воздух и тяжело дыша. Начала прислушиваться.

Шаги. Тяжёлые, уверенные, приближающиеся с той стороны, откуда она примчалась. Яра рванулась дальше, споткнулась о корень и упала, ободрав ладони о камни.

Шаги замерли прямо за спиной.

Она перевернулась, готовая кричать, драться, царапаться — и увидела его. В лунном свете серебристые волосы отличали холодным металлом. Лицо оставалось спокойным, но в янтарных глазах читалось лёгкое раздражение пополам с любопытством.

Сфера над плечом переливалась зелёным и жёлтым.

Мужчина произнёс короткую фразу — медленно, с расстановкой. Яра не поняла ни слова, но интонация была ясна: «Ты закончила бегать?»

Она не ответила. Просто смотрела на него, часто дыша, и пыталась придумать, что делать дальше.

Сфера подлетела ближе и осторожно, почти нежно, прижалась к коже за ухом крошечный серебристый диск. Яра дёрнулась, но сфера уже отстранилась, а диск исчез, растворился, оставив только лёгкое покалывание и ощущение тепла, растекающегося по виску.

Мужчина скрестил руки на груди и заговорил. Теперь она понимала каждое слово.

— Ну что, набегалась?

Яра моргнула. Он говорил на её языке. Или, может быть, она слышала его речь внутри головы — с лёгкой задержкой, как перевод через наушник.

— Лес большой, но Шнырь всё равно тебя найдёт, — продолжил он, кивнув на сферу.

— У него сканер на органику. Побег был обречён с самого начала.

— Что вы сделали, почему я вас понимаю...

— Я не знаю, кто вы! — выпалила Яра, всё ещё сидя на земле. — Я не знаю, где я! Я ничего не понимаю!

— Это заметно, — спокойно согласился он. — Давай начнём с простого. Меня зовут Альтаир. Я охотник за реликвиями. Этот, — он кивнул на сферу, — Шнырь, мой помощник и главный источник шума. А теперь твоя очередь. Кто ты и откуда взялась?

— Яра, — выдавила она. — Меня зовут Яра. Я... я не знаю, как здесь оказалась. Мы были в походе с друзьями. Лес. Палатки. Обычный лес. Я легла на поляну, закрыла глаза на

минуту, а когда открыла — всё изменилось. Деревья стали выше. Трава — выше. Воздух — другой. И...

Она замолчала, подбирая слова.

— И? — подтолкнул Альтаир.

Яра подняла руку и указала на небо.

— Это. Их две. У нас была одна луна. Всегда была одна.

Альтаир замер. Медленно поднял голову, посмотрел на две луны — белую и рыжую. Потом снова на Яру.

— Одна, — повторил он. — У вас одна луна.

— Да, — прошептала она. — Одна. И деревья ниже. И трава короче. И люди... люди ниже. Вы все здесь большие. Я не понимаю, где я. Это вообще Земля?

Он молчал долго. Шнырь висел рядом и тихо переливался фиолетовым — цветом задумчивости.

— Капитан, — подал голос робот, и в нём не было обычного веселья. — может она слишком головой ударилась...

— Помолчи, — оборвал его Альтаир, не отрывая взгляда от Яры. — Я не знаю, что тут вообще происходит, откуда ты и как сюда попала. Это за пределами моего понимания. Но я знаю того, кто может знать.

— Кого?

— Старца. Его зовут Орион. Живёт далеко отсюда, в горах. Если кто-то и поймёт, что с тобой случилось, то только он.

— Орион, — повторила она. Имя отозвалось где-то внутри эхом. Она уже слышала его — в том обрывке разговора,

когда приходила в себя.

— Ты слышала о нём? — насторожился Альтаир.

— Нет. Просто... имя странное.

— И про нас ничего не слышала? — спросил он удивлённо.

— Нет.

Он хмыкнул, ничего не сказав. Затем шагнул ближе и протянул ей руку — широкую, с длинными пальцами, в мозолях и шрамах.

— Вставай. Вернёмся к костру. Ты замёрзла. Утром отправимся к Ориону.

Яра посмотрела на его ладонь. Потом на лицо — спокойное, но настороженное, как у человека, привыкшего ждать подвоха.

Она протянула руку, ухватила за его пальцы, позволила поднять себя.

А потом резко наклонилась и впила зубами в его запястье.

Альтаир охнул от неожиданности и разжал хватку. Яра рванулась в сторону и снова побежала — в темноту, в лес.

За спиной раздался странный звук — будто кто-то захлебнулся воздухом. А потом

— громкий, искренний, переливчатый хохот. Механический, но до жути человеческий.

— Она тебя УКУСИЛА! — заливался Шнырь, вспыхивая жёлтым и оранжевым. — Капитан, она тебя укусила! Как ди-

кий зверёк! Я же говорил — редкий экземпляр! Ой, не могу! Мои схемы перегреваются от восторга!

— Заткнись, Шнырь, — донёсся усталый голос Альтаира.

— Лучше сканируй, куда она побежала.

— О, она бежит на северо-восток! Очень быстро! Для такого маленького существа — впечатляющая скорость! Капитан, можно я сохраню этот момент в архив? Пожалуйста! Я назову его «Великое Укушение»!

— Шнырь.

— Всё, молчу. Сканирую. Но это было великолепно и я записал.

Яра неслась, не разбирая дороги, а за спиной всё ещё звучал довольный смех летающей сферы.

Две луны плыли над чужим лесом. И где-то в глубине её крови, в клетках, звучал женский голос.

«Земля помнит. И я помню».

Часть 2. Ветлань.

Лес кончился внезапно, без предупреждения — стволы просто расступились, обнажив край обрыва, и она чуть не перелетела через него по инерции, вцепившись в корявый корень у самой кромки. Сердце колотилось, но когда она подняла глаза, оно и вовсе остановилось.

Внизу, в широкой долине, раскинулся город. Но он не был похож ни на один фильм о будущем, которые она смотрела. Никаких серых высоток, тонущих в смоге, никаких стеклянных башен, уходящих в мутное небо. Город дышал. Это чувствовалось даже отсюда, с высоты.

Первый уровень стелился у самой земли. Идеально ровные луга переливались изумрудом, по которым, петляли прозрачные реки. Озёра, круглые, сияли такой насыщенной голубизной, что захватывало дух. По траве, неспешно, будто в вечном полуденном отдыхе, бродили люди. Никакого городского шума, никакого гула машин — только ветер, шелестящий в кронах деревьев, и далёкий, едва слышный перезвон, доносившийся откуда-то сверху.

Второй уровень - платформы, парили в воздухе. Огромные диски из матового, светлого материала висели без всякой видимой опоры — ни колонн, ни тросов, ни столбов. Они просто стояли на месте, подчиняясь законам, которые Яра не могла понять. На этих платформах громоздились до-

ма — округлые, с плавными линиями, увитые каскадами ползучей зелени.

Третий уровень уходил в небо. Но он не давил не нависал. Башни были ажурными, лёгкими, точно сплетёнными из кружева и света, соединённые друг с другом изящными висячими мостами и переходами. На их стенах росли вертикальные сады — живая, дышащая зелень, сползающая вниз, к облакам, которые уже начали подсвечиваться.

И над всем этим — небо. Глубокое, почти фиолетовое на горизонте, с двумя лунами. Они уже проступили бледными пятнами, пока солнце, ещё не спешило покидать небосклон.

Яра стояла на краю обрыва, и не могла пошевелиться. Это было красиво. Пугающе, чуждо, до дрожи в коленях, но красиво.

Тропа привела её к подножию холма. Она ступила на траву первого уровня. Разница ощутилась сразу. Подошвы её обуви проваливались в упругую зелень, которая тут же выпрямлялась, не оставляя следов. Пахло здесь иначе, чем в лесу. Слаще, чище, с едва уловимым привкусом влажного камня и цветочной пыли. Ветер нёс с собой аромат нагретой солнцем листвы и свежей воды из рек.

Яра ожидала, что все будут одинаковыми — высокими, с серебристыми волосами, как те незнакомцы. Но первое, что она увидела, — это пёстрая толпа. Вот шёл мужчина с кожей цвета тёмного шоколада и тугими кудрями до плеч, широко улыбаясь прохожей женщине. Вот, опираясь на резную

трость, медленно двигался старец с почти белой, прозрачной кожей. Девушка с миндалевидными глазами и медным отливом кожи сидела у озера, водя пальцами по воде. Все они были выше неё.

И никто не смотрел на неё так, будто она была врагом. Некоторые бросали любопытные взгляды на её странную, выцветшую одежду, но тут же отворачивались, занятые своими делами.

— ..Эй, мелкая!

Яра вздрогнула и резко обернулась. К ней широким шагом приближался парень. Ей показалось, что он её возраста, чуть старше, но в глазах его была какая-то весёлая, мальчишеская искра. Растрёпанные тёмные волосы падали на лоб, зелёные глаза лучились искренним любопытством. Смуглая кожа с золотистым отливом, на предплечье — светящаяся, едва заметная татуировка: шестерёнка, вписанная в круг. Одет он был просто, по-рабочему: лёгкая туника, свободные штаны, на поясе — кожаный набор с инструментами. Ладони в мозолях.

— Ты откуда такая? — спросил он без тени враждебности, разглядывая её с головы до ног. — Ростом не вышла, одета как... как... — он замялся, подбирая слово.

— И вид такой, будто ты призрака увидела. Из Отшельников, что ли?

Яра открыла рот, и в голове лихорадочно замелькали обрывки мыслей, придумывая легенду.

— Да, — выдохнула она, чувствуя, как горло пересохло от волнения. — Я... я из Отшельников.

Парень понимающе кивнул, не заметив её запинки. Или сделав вид.

— Ясно-ясно. У Отшельников всегда так. Без генной коррекции рост, конечно, меньше, да и живёте вы короче. Но это ваш выбор, не мне судить. Я Тарен, — он протянул руку. Рукопожатие у него было крепким и тёплым, с ощутимой мозолистой шершавостью. — Механик. Обслуживаю старые механизмы Первых на третьем уровне. А ты?

— Яра, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Красивое. Древнее имя, — он улыбнулся.

— И что же ты, Яра из Отшельников, забыла в городе? Впервые здесь, судя по глазам.

Яра решила рискнуть, вспомнив то единственное имя, которое дало ей хоть какую-то цель.

— Я ищу Ориона. Старца Ориона.

Лицо Тарена изменилось. Улыбка не пропала, но стала чуть более уважительной.

— Орион? Ученый? — переспросил он.

— Его многие знают, да. Не только в Ветлани — во всём Ориене. А зачем он тебе?

— Мои родители... — она замялась, чувствуя, как ей не нравится лгать. — Они просили передать ему одну вещь. Семейную реликвию. Они говорили, что он поймёт, что это такое.

Тарен хмыкнул, но не стал допытываться. В этом мире, видимо, такие просьбы были чем-то обычным.

— Ну, раз такое дело, — он хлопнул в ладоши. — Мне как раз на второй уровень, в мастерскую при Доме Знаний. Там старый гравитационный стабилизатор барахлит, я запчасти прихватил. Пойдём, покажу тебе дорогу. А там Наставница Илария, она точно знает, как добраться до убежища Ориона. Ей можно верить.

Яра кивнула, чувствуя благодарность к этому болтливому парню. Он не давил, не допрашивал, просто шёл рядом, и его присутствие успокаивало, заглушая страх.

Они двинулись через первый уровень. Яра не могла оторвать взгляд от города. Всё здесь казалось продуманным до мелочей.

— Как называется этот город? — спросила она, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Ветлань, — гордо ответил Тарен. — Название древнее, от слова «ветла» — дерево такое. У нас их много растёт у рек. Город небольшой, по местным меркам. В основном ремесленники, механики, учёные.

— Столица Ориена — Велеград, там всё гораздо выше и масштабнее. Но я люблю Ветлань. Тут спокойно. Много зелени, реки чистые, люди добрые. Чего ещё надо?

— Ориен? — переспросила Яра.

— Ну да. Наша часть света. Восточная. Ты что, и этого не знаешь? — Тарен удивлённо посмотрел на неё, потом хлоп-

нул себя по лбу. — Ах да, Отшельники. Вы там у себя в горах вообще от мира отрезаны. Ладно, слушай.

Земля поделена на четыре части света, — объяснил он, срывая длинную травинку и зажимая её в зубах. — Ориен, Окцид, Мерид и Септен.

— А что насчёт других... стран? — осторожно спросила она, пытаясь найти слова, чтобы описать государства.

— Отменили их очень давно, когда поняли, что границы — это только причина для войн. У каждой части свой Король. Четыре Короля. Наш, Эридан, правит уже почти триста циклов.

— Почему четыре? — переспросила Яра, переваривая информацию.

— Тарен сверкнул глазами. — Древняя цивилизация, которая заселила Солнечную систему, была сборной. Четыре расы, из разных звёздных систем. Они встретились здесь, когда искали новый дом. Сначала жили отдельно: одна на Земле, другая на Марсе, третья на Зене, четвёртая — на спутниках Сатурна. А потом осознали: вместе мы сильнее. Воссоединение. С тех пор мы один народ, но корни помним. Четыре Короля — это потомки тех, кто подписал договор.

Яра слушала, а в голове крутились обрывки. Звёздные системы. Марс. Сатурн. Это похоже на будущее?

— А языки? — спросила она. — Вы все говорите на одном?

— Да, это язык Воссоединения, всеобщий. Но у каждой

части есть свой древний. Им сейчас мало кто пользуется. Разве что ученые вроде Ориона, да Отшельники вроде вас.

— А какой сейчас год? — спросила она.

— Триста шестьдесят восьмой цикл, — ответил Тарен, потом, поймав её взгляд, поправился: — А по общему календарю — три тысячи семьсот восемьдесят девятый от Воссоединения.

У Яры перехватило дыхание. Три тысячи лет. Она провалялась не просто в будущее, а в невероятную, глубину веков.

— А профессии? — спросила она, пытаясь отвлечься. — Ты говорил, ты механик. Это... твой выбор?

— Ага, — Тарен гордо выпрямился. — Мы не ждём, пока нас кто-то назначит. Есть способности, есть желание — иди, учись, делай. Касты направляют. Я с детства знал, что буду инженером. Дед чинил механизмы Первых, отец чинит, я чиню. Семейное. — В его голосе слышалась лёгкая грусть. — Но я хочу большего. Не просто сидеть в мастерской и менять стабилизаторы. Я хочу путешествовать. Видеть руины. Настоящие, не голограммы. Понимаешь?

Яра понимала. Как никогда.

— Куда бы ты хотел отправиться?

Его глаза загорелись ярким, почти мальчишеским восторгом.

— На Зену! Или на Марс. Говорят, там есть заброшенные станции Первых, которые до сих пор работают. Но для этого нужен корабль, команда... связи. А у меня их нет, — он

вздохнул, затем понизил голос до заговорщического шёпота.

— Хотя знаешь, за кем я слежу? За Альтаиром.

Яра споткнулась на ровном месте, едва не упав.

— За кем?! — переспросила она, чувствуя, как сердце ушло в пятки.

— За Альтаиром, — повторил Тарен, не заметив её реакции. — Легендарный охотник за реликвиями. Он находит то, о чём другие боятся даже думать. Говорят, у него есть клинок, старше самой династии. Говорят, он был на Зене там от куда не возвращаются и вернулся живым! — Тарен мечтательно закатил глаза. — Я бы всё отдал, чтобы попасть к нему на корабль. Его «Стрела» может обогнать любой патруль Короны!

Он говорил с таким жаром, что Яра невольно улыбнулась.

— А ты... ты его видел? — спросила Яра.

— Нет, откуда? Он легенда, одиночка. Говорят, у него есть старый летающий помощник, робот Шнырь. Древняя модель, но он его не бросает. Это о многом говорит, да? Охотник, который верен старому роботу... — он мечтательно вздохнул.

Яра молчала. Альтаир. Охотник. Тот, кому она прокусила руку в лесу. Тот, кто смотрел на неё янтарными глазами.

— А что ещё о нём говорят? — осторожно спросила она.

— Говорят, он ищет что-то важное, — Тарен понизил голос. — Что-то, связанное с Первыми. Не просто реликвии для продажи, а настоящую тайну.

— Сколько тебе лет? — спросила Яра, переводя тему.

— Двадцать четыре цикла. По-нашему, наверное, мало. Но я из семьи инженеров, у нас с детства инструменты в руках. Отец говорил: «Неважно, сколько ты прожил, важно, сколько успел починить». Я успел много.

— Ты сказал, что король правит уже триста циклов, как такое возможно?

— Генная инженерия, люди живут дольше...

Они подошли к подъёмнику — широкой платформе, окружённой мягким голубоватым сиянием, которая парила в воздухе у края уровня. Ступив на неё, Яра почувствовала, как платформа чуть качнулась, но тут же замерла, а затем начала плавно подниматься. Земля уходила вниз, и открывался потрясающий вид на Ветлань, утопающий в зелени, с его мерцающими реками и летающими парками. Ветер ударил в лицо, свежий, солёный, пахнувший травой и водой.

Платформа замедлилась, остановившись на краю огромной парящей площади. В центре её, словно раскрывшийся навстречу небу цветок, возвышалось здание. Белые лепестки из светящегося, полупрозрачного материала расходились в стороны, открывая тёмный, гостеприимный зев входа. Над ним пульсировала мягкая надпись, выведенная золотом: «Дом Знаний. Вся мудрость Ориена».

— Мне сюда, — Тарен кивнул на боковую арку, где угадывался вход в мастерскую. — В главный зал. Спроси Наставницу Иларию. Она поможет. Удачи, Яра!

— Спасибо, Тарен, — искренне поблагодарила она.

— Пустяки, — он улыбнулся. — ... если что, я в мастерской. Если вдруг понадобится.

Яра шагнула внутрь, и её окутала тишина. Никаких шагов, ни шёпота, только лёгкий, едва уловимый гул. Свет лился не из ламп, а от стен, от потолка, даже от пола — мягкий, тёплый, как солнечный закат. Огромный зал был уставлен высокими стеллажами. Но на них лежали не книги. Прозрачные, светящиеся кристаллы, разных форм и цветов, покоились на подставках из тёмного металла.

Она остановилась, растерянно оглядываясь. Людей было мало — лишь вдалеке фигура в светлых одеждах бесшумно скользила между рядами, перебирая кристаллы.

Девушка сделала несколько шагов в центр зала и замерла. Что она здесь делает? Ищет какого-то Ориона, которого не знает, по совету незнакомца?

— Ты потерялась, дитя?

Яра резко обернулась. Перед ней стояла женщина. Высокая, с серебристой кожей и седыми волосами, убранными в строгую косу. Её одежды, струящиеся, цвета слоновой кости, стелились по полу. И глаза... молочно-голубые. Казалось, они не смотрят, а видят насквозь. С такой добротой.

— Я... да. Я ищу Наставницу Иларию.

— Ты её нашла, — женщина мягко улыбнулась.

Яра снова начала рассказывать свою легенду, но слова путались. Илария слушала молча, склонив голову. Её слепые

глаза смотрели куда-то сквозь Яру.

Когда Яра закончила, повисла долгая, тягучая пауза. Илария медленно кивнула.

— Я чувствую твою растерянность, — сказала она тихо. — И твой страх. Ты не из Отшельников, верно?

Яра застыла.

— Откуда вы... — прошептала она.

— Я чувствую то, что чувствуют другие. Иногда — даже то, что они скрывают от себя. Ты... иная, — Илария говорила медленно, будто прислушиваясь к чему-то.

Она замолчала, потом протянула руку. На её ладони засветился маленький кристалл — абсолютно прозрачный, с едва заметным голубоватым свечением.

— Возьми. Это навигатор. Он укажет путь к убежищу Ориона в горах, — сказала Илария. — Я не знаю, зачем он тебе. Но я чувствую — это важно. Не только для тебя.

Яра протянула руку. Кристалл, коснувшись её кожи, оказался почти горячим. Она ощутила слабую вибрацию, которая пробежала от пальцев по всему телу.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Будь осторожна, дитя, — предупредила Илария. — В горах беспокойно. И ещё... те двое, что ищут тебя. Доверься им. Это твое единственное решение.

— Я постараюсь, — пообещала Яра, сжимая кристалл в кулаке.

Илариya улыбнулась. Её улыбка была материнской, успокаивающей.

— Иди. Пусть твой путь будет лёгким.

Яра вышла из Дома Знаний и остановилась на краю площади. Воздух показался прохладнее. Две луны уже полностью взошли, зависнув над ажурными башнями Ветлани.

Она сделала несколько шагов и резко остановилась.

На другом конце площади, у самого края парящей платформы, стоял Альтаир. Он не двигался, просто смотрел на неё через разделявшее их пространство, залитое лунным светом.

Рядом с его плечом, переливаясь мягким синим свечением, висел Шнырь. Он что-то возбуждённо щебетал, но Альтаир не отвечал.

Яра смотрела на него, и в груди смешались страх, облегчение и паника. Бежать? Подойти? Зачем он здесь? Следил?

Она вспомнила слова Тарена: «Он — легенда», и слова Илarii: «Доверься им». Она сделала глубокий вдох, чувствуя, холодный воздух, и сделала шаг вперёд.

Альтаир не шелохнулся. Только его глаза блеснули в лунном свете, когда она начала приближаться.

Шнырь не выдержал. Он сорвался с места и, крутясь в воздухе, рванул к ней через всю площадь.

— ЯРА! ЗВЕРЁК! ТЫ ЖИВА! — застрекотал он, и его синее свечение вспыхнуло ярким, тёплым жёлто-оранжевым — цветами радости. — Я ЗНАЛ! Я ВЕРИЛ! Капитан места

себе не находил! Он сказал: «Если она опять убежит, я...»
Ну, в общем, он волновался!

— Шнырь, — раздался спокойный, низкий голос сзади.

Альтаир подошёл. Остановился в нескольких шагах, смерив её взглядом с головы до ног. Его лицо оставалось невозмутимым.

— Нашлась, — сказал он безо всякого выражения, но это было не обвинение. Констатация факта.

— Нашлась, — эхом повторила Яра, чувствуя, как дрожат руки.

Повисла долгая, напряжённая пауза. Шнырь замер, перебиваясь тревожным синим, переводя взгляд с одного на другого. Ветер шевелил волосы Альтаира.

— Ты голодна? — спросил он внезапно, нарушая тишину.

Яра опешила. Из всех вопросов, которые она ждала — «Ты меня укусила», «Как ты посмела?», — этот был самым неожиданным.

— Что? — переспросила она, хлопая глазами.

— Голодна, спрашиваю, — повторил он терпеливо. — Шнырь говорит, твоя биометрия показывает истощение. И обезвоживание. У тебя руки трясутся, — он чуть заметно кивнул на её сжатые в кулаки пальцы.

Яра взглянула на свои руки и поняла, что он прав. Её трясло не только от страха, но и от слабости. Она не ела почти сутки.

— Я... очень, — призналась она.

— Тут есть место на втором уровне. Кормят прилично. Пойдём, — он развернулся и пошёл к подъёмнику, даже не обернувшись, чтобы проверить, идёт ли она.

Шнырь тут же полетел за ним, но задержался рядом с Ярой, подталкивая её в плечо.

— Идём-идём, зверёк! У них там пироги с ягодами, я слышал! Вкуснятина!

Яра, чувствуя, как ноги сами несут её вслед за этой странной парой, догнала Альтаира.

— Альтаир.

Он слегка повернул голову, не останавливаясь.

— М?

— Спасибо...

Он чуть помедлил и, не оборачиваясь, ответил:

— Я не бросаю загадки на полпути.

Шнырь тут же захихикал, переливаясь смешливым розовым:

— Он это специально! Чтобы казаться суровым! А на самом деле он рад! Я точно знаю! Я с ним шестьдесят циклов!

— Шнырь, — голос Альтаира прозвучал с лёгкой угрозой, но без злости.

— Молчу, капитан. Абсолютно молчу!

Они подошли к краю платформы. Ветлань внизу казалась игрушечным городом, усеянным огнями. Яра глубоко вздохнула. Рядом был этот странный охотник и его болтливый робот. И, несмотря ни на что, она чувствовала себя в безопас-

ности.

— Идём, — сказала она, делая шаг на парящую платформу.

Глава 2. Старые знакомые

Часть 1. Руда.

Они сидели в небольшой закусочной на краю второго уровня Ветлани. Место было простым, без изысков — несколько столиков под навесом из материала похожего на шёлка, за которым тихо шелестел ветер, донося запах жареного мяса. Внизу, за прозрачным краем платформы, город искрился сотнями огней, похожий на россыпь светлячков в траве.

Яра ела молча, с жадностью, почти не чувствуя вкуса — только тепло, разливающееся по пустому желудку. Она украдкой разглядывала Альтаира через стол. Он почти не притронулся к своей порции — отодвинул тарелку, откинувшись на спинку стула и смотрел куда-то в ночь, в огни проплывающих мимо платформ. Капитан сидел с каменным лицом. По нему невозможно было ничего прочитать. Ни беспокойства, ни усталости. Только тихая, настороженная внимательность, как у зверя, который не расслабляется даже во сне.

Шнырь, напротив, не мог усидеть на месте ни секунды. Он порхал над столом, замирал у плеча Яры, проверяя, ест ли она, потом срывался к краю платформы, разглядывая все происходящее вокруг, и тут же возвращался, переливаясь

всеми цветами сразу. Когда он замер в воздухе, зажужжав и вспыхнув ярко-оранжевым, Альтаир не выдержал.

— Шнырь. Ты можешь успокоиться хоть на минуту?

— Не могу! — радостно отозвалась сфера, оранжевый сменился жёлтым, почти искрящимся. — У меня переполнен буфер эмоций! Мы нашли Искру! Она жива! Она ест! Она не убегает!

С этими словами Шнырь исполнил замысловатую петлю в воздухе, оставляя за собой след из радужных искр, которые гасли через мгновение.

Яра невольно улыбнулась, чувствуя, как ледяной страх в груди отступает. — Искра? Это ты меня так называешь?

— Да! — Шнырь замер прямо перед её лицом, его корпус пульсировал мягким, тёплым оранжевым. — Потому что ты появилась из ниоткуда — раз! — и всё вокруг загорелось! Капитан забегал как ненормальный! Стражи засуетились! Даже старый Орион наверняка закопошился в своей берлоге! Ты — Искра! Маленькая, но очень... искристая!

— Шнырь, — снова подал голос Альтаир, и в его тоне слышалось с трудом сдерживаемое раздражение.

— Всё, молчу! — сфера метнулась к потолку, но, помедлив, добавила уже почти шёпотом: — Но ты согласен, капитан.

Яра посмотрела на Альтаира. Он чуть усмехнулся.

— Искра, — повторила она, пробуя слово на вкус. — Мне нравится. Лучше, чем «объект» или "зверек".

— О! — робот спикировал вниз, закружив вокруг девушки стремительным золотистым вихрем. — «Объект» — это было временное обозначение! Рабочее! А теперь ты — Искра! Официально! Я запишу это в свой постоянный архив!

Яра отложила остатки лепёшки и спросила:

— Слушай, а почему тебя вообще зовут Шнырь? Это какое-то сокращение?

Сфера замерла на мгновение, задумчиво переливаясь глубоким фиолетовым. Потом медленно опустилась на стол, прямо перед Ярой.

— О! Это... целая история. Ты уверена, что хочешь слушать? Там есть драма! И немного трагедии! И счастливый конец! Всё, как любят девушки!

— Уверена, — Яра подперла подбородок рукой, чувствуя приятную тяжесть в теле после еды. — Рассказывай.

Шнырь приосанился, насколько это вообще возможно для сферы, и начал. С выражением, с театральными паузами, с переливами цвета под каждое настроение. Он поведал о своём создании на Третьей орбитальной верфи в Секторе Вега, о том, как был разведывательно-аналитическим компаньоном. О том, как слово «шнырь» на языке Первых означало «ищущий». О падении цивилизации, о долгих циклах скитаний от хозяина к хозяину, о свалке на окраине Велеграда, где он почти отключился навсегда, потеряв последнюю искру энергии и памяти. Кроме своего создания и последних 100 лет. Он ничего не помнил.

— А потом пришёл он, — Шнырь качнулся в сторону Альтаира, и его корпус загорелся тёплым, глубоким золотым. — Проходит мимо, останавливается, смотрит на меня и говорит: «Ты ещё живой, что ли?» А я ему: «Формально — нет. Но если у тебя есть энергоячейка...» И он достал ячейку. Вставил в мой разъём. И сказал: «Шныряй за мной». Так я стал Шнырём вдвойне. И с тех пор я всегда с капитаном, — робот чуть потускнел, став мягким синим. — Потому что он не бросает. Даже старую, бесполезную, болтливую сферу со свалки.

Яра перевела взгляд на Альтаира. Тот смотрел куда-то в ночь, но в его напряжённой спине и взгляде, она увидела, что он видимо пытался скрыть, старую боль?

А потом на его запястье вспыхнул тонкий браслет. Короткая, резкая вибрация. Шнырь мгновенно замер, свечение стало тревожным, почти фиолетовым.

— Капитан. Это герб Короны.

Альтаир нахмурился, коснулся браслета. Над его запястьем развернулась крошечная голограмма — солнце с четырьмя лучами, пульсирующее холодным белым светом. Голос, механический и официальный, произнёс:

— Охотник Альтаир. Король Эридан желает видеть вас немедленно в Зале Совета. Подтвердите получение.

Альтаир помолчал. Потом коротко ответил.

— Подтверждаю.

Голограмма погасла. Повисла тишина, нарушаемая только

отдалённым гулом города.

— Капитан! — Шнырь заметался по закусочной, вспыхивая то оранжевым, то фиолетовым. — Это странно! Король никогда не вызывает лично! Особенно тебя! Что нам делать? Искра, скажи ему!

Яра смотрела на Альтаира. Он стоял, глядя на погасший браслет, и его лицо все так же оставалось непроницаемым.

— Что это значит? — спросила она тихо.

Капитан поднялся. — Это значит, что меня вызывают ко двору. — Шнырь, возвращаемся на «Стрелу».

— Но капитан!..

— На «Стрелу», — повторил он твёрже. — Там будете ждать меня.

Мужчина бросил на стол несколько светящихся монет и, не оборачиваясь, направился к выходу.

«Стрела» стояла на окраине Ветлани, на посадочной платформе для кораблей дальнего следования. Корабль был небольшим, но хищным — обтекаемый, тёмно-серый, с заметными потёртостями на обшивке и следами ручного ремонта. Воздух вокруг него пах нагретым металлом.

Альтаир оставил Яру и Шныря в рубке. У шлюза он задержался на мгновение, не оборачиваясь.

— Если я не вернусь к утру, — сказал он, и голос его был ровным, — Шнырь знает, что делать. Слушайся его. Он старше, чем выглядит и говорит.

— Что может случиться? — спросила Яра, чувствуя, как

в груди разрастается тяжесть. — Ты же просто идёшь к Королю.

Альтаир помолчал.

— Король не вызывает лично без причины, — ответил он и шагнул за шлюз.

Дверь закрылась с тихим шипением. Яра осталась в рубке, залитой тусклым зелёным светом приборов. Она мерила отсек кругами, сжимая и разжимая кулаки, чувствуя, как под пальцами пульсирует кровь. Внутри было тесно, душно, и этот запах — металла и машинного масла — начинал давить.

Шнырь метался от пульта к шлюзу, то замирал, сканируя эфир, то начинал бессвязно бормотать, переливаясь тревожным фиолетовым с вкраплениями оранжевого.

— Где он? Почему так долго? Это неправильно! Капитан никогда не задерживается без предупреждения! А если не предупреждает, значит, не может! А если не может... Искра, ты понимаешь?! Я не знаю, что делать!

— Шнырь, — Яра остановилась, чувствуя, как от собственного голоса становится легче. — Ты можешь успокоиться?

— Не могу! — сфера подлетела к ней, зависла прямо перед лицом, часто-часто мигая. — У меня аварийный режим! Капитан ушёл и не вернулся! Это никогда не случилось!

Яра протянула руку и осторожно коснулась гладкого, тёплого корпуса сферы. Тот был горячим, почти обжигающим.

— Ты — его друг, Шнырь. И ты знаешь его лучше всех. Если он сказал ждать — значит, у него был план. Он вернётся.

Сфера замерла, её свечение стало мягким, спокойным сиянием.

— Ты правда так думаешь, Искра?

— Правда.

Робот тихо загудел, прижимаясь к её ладони.

— Спасибо, — прошептал он. — Ты хорошая, Искра. Я рад, что ты с нами.

Он не договорил. На пульте управления вспыхнул сигнал входящего сообщения — резкий, пронзительный звук, от которого у Яры зазвенело в ушах.

Шнырь рванул к пульту.

— Сообщение! От навигационного контроля Ветлани!

Он развернул голограмму. На экране всплыл официальный интерфейс, герб Короны и текст, бегущий ровными строками. Механический голос, лишённый эмоций, произнёс:

— Корабль «Стрела», регистрационный номер 774-Альтаир-Ориен. Ваш вылет временно запрещён до выяснения обстоятельств. Причина: административная проверка. Любая попытка несанкционированного взлёта будет расценена как нарушение и повлечёт задержание. Ожидайте дальнейших указаний. Конец сообщения.

Голограмма погасла. В рубке повисла тишина — только

тихое гудение систем жизнеобеспечения.

Шнырь медленно повернулся к Яре. Его корпус пульсировал тревожным цветом.

— Административная проверка? — произнёс он шёпотом, которого Яра никогда у него не слышала. — У капитана все документы в порядке. Все разрешения. Это не просто так. И капитан не возвращается. Это связано. Я знаю.

Он заметался по отсеку, оставляя за собой тёмные следы тревоги. — Нам запретили вылет! Капитан пропал! Что делать?!

— Успокойся, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Альтаир говорил что-нибудь на такой случай? Если он не вернётся? Он сказал слушать тебя.

Сфера замерла, задумчиво переливаясь синим. Потом её цвет стал глубже, увереннее.

— Ирис. Капитан говорил: если всё пойдёт совсем не так и он не сможет вернуться, найти Ирис. Она старый друг, работает пилотом на Третьей Лунной Колонии. Он сказал, что она поможет. Если захочет.

— Тогда летим туда, — сказала Яра, чувствуя, как в груди разгорается маленький огонь решимости.

Шнырь закружил под потолком, переливаясь тревожным оранжевым.

— Я не могу! Я — навигатор, а не пилот! Я могу проложить курс, рассчитать траекторию, даже спеть песню! Но взлететь, посадить, уйти от патруля... — Он замер, став

грустным, тусклым синим. — У меня нет рук, Искра. Я просто сфера.

— Я тоже не умею управлять, — тихо сказала Яра, чувствуя, как решимость сменяется на волну отчаяния.

Она замолчала, переводя дыхание. И в этот момент в голове вспыхнуло лицо. Зелёные глаза, растрёпанные волосы, татуировка.

— Тарен, — выдохнула она.

Шнырь резко развернулся.

— Что — Тарен?!

— Механик из Ветлани. Он мечтал попасть на корабль к Альтаиру. Говорил, что разбирается в старых механизмах. Может, этот парень сможет... вести корабль?

Сфера замерла, переливаясь фиолетовым — цветом раздумий. Потом вспыхнула зелёным, надеждой.

— Теоретически... если у него есть базовые навыки пилотирования... я могу направлять. Но это огромный риск, Искра! Нас поймают — нарушение прямого запрета! Нас задержат, а капитана некому будет спасать!

— Альтаир в беде, мы не можем сидеть и ждать.

Шнырь замер. Медленно, очень медленно, его свечение сменилось на тёплое, решительное золото. Он рванул к шлюзу.

— Где его искать?

— Мастерская при Доме Знаний. Второй уровень.

— Я засёк его биометрию! — застрекотал Шнырь. — За

мной! У нас мало времени!

Они вышли, на улице стояла глубокая ночь. Воздух был прохладным, пахло сырой травой и речной водой. Город спал.

Мастерская находилась сбоку от Дома Знаний, в небольшой пристройке, увитой серебристым плющом, который слабо светился в темноте. Изнутри доносился ритмичный стук — кто-то работал, несмотря на поздний час.

Яра подошла к двери и постучала. Сердце колотилось.

Стук прекратился. За дверью послышались шаги, и она распахнулась. На пороге стоял Тарен — взъерошенный, с увеличительным стеклом на лбу, в руках он держал какой-то сложный инструмент, похожий на гибрид отвёртки и сканера. Увидев Яру, парень расплылся в улыбке, которая тут же померкла, когда заметил парящую у её плеча сферу.

— Яра! Ты вернулась! Я уж думал... — он осёкся, глядя на Шныря. Глаза его расширились. — Это... это что?

— Это Шнырь, — сказала Яра. — Можно войти? У нас разговор, который не терпит отлагательств.

Тарен молча посторонился, не сводя глаз со сферы.

Внутри мастерская оказалась уютным хаосом. Детали механизмов, светящиеся кристаллы, инструменты, свитки с чертежами — всё лежало в каком-то одном Тарену понятном порядке. Пахло маслом, пылью. Шнырь немедленно начал кружить по комнате, разглядывая всё с живейшим интересом, но останавливаясь лишь на мгновение.

— Гравитационный стабилизатор серии «Орбита»! Редкая модель! А это импульсный регулятор? Ему же триста циклов! И ты его починил? Сам? — в голосе Шныря слышалось искреннее восхищение.

Тарен переводил взгляд со сферы на Яру и обратно.

— Это правда Шнырь? Тот самый? С корабля Альтаира? Легендарный?

— Тот самый, — подтвердила Яра и перехватила инициативу. — Тарен, слушай. У нас мало времени, поэтому я скажу прямо. Альтаир в беде. Его вызвал Король, он ушёл и не вернулся. Навигационная служба заблокировала «Стрелу». Мы должны найти его старого друга, пилота Ирис, на Третьей Лунной Колонии. Но мы не можем улететь, потому что никто из нас не умеет управлять кораблём.

Она замолчала, глядя ему в глаза, и чувствуя беспокойство, что он не поверит.

— Ты говорил, что мечтаешь попасть на корабль к Альтаиру. Что хочешь путешествовать. Вот твой шанс. Помоги нам. Полети с нами.

Тарен молчал. Потом медленно снял увеличительное стекло, положил инструмент на стол и опустился на табурет, запустив пальцы в волосы.

— Ты понимаешь, о чём просишь? — спросил он тихо, не поднимая глаз. — Нарушить запрет навигационной службы — это не просто штраф. Я потеряю лицензию. Может, и свободу. У меня здесь мать, сестра. Я не могу просто взять и...

Он замолчал, глядя на свои руки, на мозолистые пальцы, сжимающие край стола.

Шнырь подлетел и завис прямо перед ним. Сфера стала медленно разгораться золотым — торжественным, глубоким, каким она светилась, когда рассказывала свою историю.

— Тарен, сын инженера, внук инженера, — произнёс Шнырь низким, проникновенным голосом. — Ты не просто механик. Ты — избранный.

Тарен моргнул, поднял голову.

— Что?

— Избранный! — повторил Шнырь, вспыхивая ярче. — Сама судьба привела нас к твоей двери! Ты думаешь, это случайность, что Искра встретила тебя? Нет! Звёзды сошлись! Древние механизмы пробудились!

— Шнырь, — прошептала Яра, чувствуя, как внутри начинает закипать смех пополам с отчаянием.

— Я вдохновляю! — отмахнулась сфера и снова повернулась к Тарену. — Ты следил за капитаном всю жизнь! Знаешь каждую заклёпку на «Стреле»! И теперь, когда он в беде, ты откажешься?!

Тарен открыл рот, но Шнырь не дал ему сказать ни слова.

— Ты думаешь, это просто так? Нет! Я пришёл к тебе, потому что ты — тот самый! Тот, кто поведёт «Стрелу»! Тот, кто спасёт капитана!

Тарен смотрел на них. Его лицо медленно озарялось улыбкой — недоверчивой, но живой, настоящей.

— Вы серьёзно? «Избранный»? Это твой главный аргумент?

Шнырь чуть потускнел, став смущённо-розовым.

— Ну... у меня есть версия про кармический долг...

— Нет, не надо, — Тарен покачал головой, но улыбка не исчезала. Потом он вдруг замер, и в его глазах зажглось то самое пламя, которое Яра видела, когда он говорил о звёздах. — Подождите. Вы сказали, навигационная служба запретила вылет именно «Стрелы». Они ориентируются на идентификатор?

— Да, — подтвердил Шнырь. — Стандартная процедура. Заблокировали конкретный регистрационный номер.

— А что, если... — Тарен вскочил и начал рыться в куче деталей на верстаке, отбрасывая в стороны какие-то платы и кристаллы. — Что, если мы подменим идентификатор? Перепрошьём навигационный модуль. Для службы мы станем другим кораблём.

Шнырь замер, задумчиво переливаясь фиолетовым.

— Теоретически — да. Нужно изменить сигнатуру в главном навигационном блоке. Но это сложно. Коды доступа зашифрованы по протоколу Короны.

— У меня есть инструменты, — Тарен вытащил из кучи прибор с множеством тонких проводов, похожий на спутанного металлического осьминога. — И я как-то чинил старый навигационный блок на патрульном катере. У них коды доступа хранились в открытом виде — никто не ожидал, что

механик полезет. Я скопировал пару алгоритмов. На всякий случай.

Шнырь медленно разгорелся золотым — глубоким, теплым.

— Тарен... ты гений.

— Я знаю, — скромно ответил тот, уже запихивая инструменты в сумку. — Я согласен. Полетели.

Яра выдохнула — так сильно, что закружилась голова.

— Спасибо, Тарен.

— Не за что, — он улынулся, закидывая сумку на плечо. — В конце концов, когда ещё представится шанс угнать корабль легендарного Альтаира с его собственной командой? Это будет лучшая история в моей жизни. Или последняя, — он хмыкнул. — Но будем оптимистами.

Шнырь радостно закружил под потолком, оставляя за собой искрящийся след.

— Да! Команда собрана! Искра, Тарен-Избранный, и я, легендарный Шнырь! Мы спасём капитана!

Они выбежали из мастерской.

На посадочной платформе «Стрела» ждала их — тёмная, хищная, чуть покачивающаяся на гравитационных опорах. При виде корабля Тарен замер, как ребёнок перед гигантским праздничным тортом.

— Модифицированный «Корсар-7», — прошептал он, проводя пальцами по обшивке. — Усиленные двигатели... дополнительная броня... а это гравикомпенсатор старой се-

рии! Я читал о них! Они капризные, но если настроить...

Он тряхнул головой, отгоняя восторг, и направился к креслу пилота. Уселся, положил руки на панель управления. Его лицо изменилось — ушла мальчишеская мечтательность, появилась сосредоточенность. Он стал механиком. Инженером. Тем, кто отвечает за корабль.

— Шнырь, — сказал он, не оборачиваясь. — Вот коды для подмены идентификатора.

— Уже! — сфера метнулась к навигационной панели, от неё потянулся тонкий, пульсирующий луч света, который вплёлся в разъём управления. — Я меняю наш идентификатор на «Вечерний Странник», грузовой транспорт, регистрация Окцид. Старый, никому не интересный кораблик. Навигационная служба увидит его и зевнёт от скуки!

— Отлично. — Тарен пробежался пальцами по сенсорам, и по всей рубке пробежала дрожь. — Двигатели прогреты. Системы в норме. Яра, пристегнись. Кресло второго пилота.

Яра опустилась в соседнее кресло, вцепившись пальцами в холодные подлокотники. Сердце выпрыгивало из груди.

«Стрела» задрожала, по корпусу пробежал глубокий, низкий гул, от которого завибрировали все внутри завибрировало. За иллюминатором огни Ветлани начали медленно проваливаться вниз.

— Взлетаем! — объявил Тарен, и в его голосе звенел чистый восторг.

Корабль рванулся в небо. Яру вдавило в кресло с такой

силой, что перехватило дыхание. За бортом пронеслись огни башен, потом облака разорвались серой пеленой, потом небо потемнело, стало густо-фиолетовым, а затем — абсолютно чёрным. И в этой черноте, острой и бесконечной, зажглись звёзды. Настоящие звёзды. Холодные, далёкие, неподвижные.

Яра снова забыла, как дышать.

— Красиво, правда? — тихо сказал Тарен, и в его голосе слышалось благоговение.

— Я всегда мечтал это увидеть и честно признаться не верила, что это возможно.

Шнырь, переливающийся спокойным глубоким синим, подлетел к иллюминатору и замер рядом с Ярой.

— Я видел это тысячи раз, Искра, — сказал он тихо. — Но каждый раз — как первый.

Они вышли на орбиту. И тут Яра увидела её.

Вторая луна висела в пустоте, огромная и рыжая, как ржавчина, разьевавшая металл. Вблизи стало видно то, что скрыто с поверхности. Она была не круглой, а слегка вытянутой, сплюснутой, и на её поверхности, в тусклом, собственном свечении, угадывались правильные структуры — линии, геометрические узоры.

— Что это? — прошептала Яра, чувствуя, как по спине пробегает холод.

Она смотрела в иллюминатор, и этот взгляд был не просто взглядом — он был падением. Она падала в эту черноту,

и не было дна. Только бесконечность, такая огромная, что разум отказывался её вмещать. Она вдруг почувствовала себя крошечной, ничтожной песчинкой, случайно занесённой ветром в бескрайнюю пустыню.

Тарен проследил за её взглядом, и лицо его стало серьёзным.

— Вторая луна. Руда. Никто не знает точно, что это. Говорят, её построили Первые. Говорят, она — корабль. Древний, спящий. Но никто ничего до сих пор не нашел.

Шнырь подлетел ближе к иллюминатору, его свечение стало фиолетовым.

— Я пытался её сканировать. Один раз. Давно. Она не пускает. Стоит приблизиться

— и все системы глохнут. Как будто она живая и не хочет, чтобы её беспокоили.

— Боже мой... — выдохнула Яра, прижимаясь лбом к прохладному стеклу иллюминатора. — Это... это Луна...

Она чувствовала, как по щекам катятся слёзы — горячие, солёные, совсем не подходящие этому холодному миру.

Первая луна встретила их совсем иначе. При подлёте Яра увидела купола — огромные, прозрачные, раскинувшиеся на сотни километров. Под ними зеленели сады, блестели каналы с голубой водой, светились огни городов, а над ними, в прозрачной вышине, проплывали медленные, ленивые облака. Яра подумала обо всем, что с ней происходит. Как так получилось, что всего пару дней назад, она ходила по Земле,

где не летали к Луне, а сейчас она сама находится в космосе, видит вживую Луну...

— Третья Лунная Колония, — сказал Шнырь. — Дом для десяти тысяч человек. Или чуть больше.

«Стрела» пошла на посадку. Мягкий толчок, едва заметная вибрация — и они на месте.

За прозрачной стеной купола раскинулся город — узкие, извилистые улочки, вырубленные в лунном камне, с домами, уходящими в скалы. Гравитация была ниже земной, и движения людей за стеклом казались плавными, почти танцующими. Воздух в шлюзе, когда они вышли, пах металлом, сухим камнем и чем-то сладковатым.

Они двинулись через город. Тарен крутил головой, не в силах скрыть любопытства.

— Не могу поверить, что я здесь, — бормотал он. — Луна! Я на Луне! И на корабле Альтаира! Вместе с...

Он осёкся и посмотрел на Яру.

— Кстати, о тебе. Ты ведь не Отшельник, да?

Яра вздохнула, чувствуя, как тяжесть лжи давит на плечи.

— Нет. Прости, что обманула. Я не из этого мира. Вообще не из этого. Я не знаю, как сюда попала. Проснулась в лесу, и всё вокруг было чужим.

Тарен замедлил шаг, потом и вовсе остановился, уставившись на неё. Несколько секунд он молчал, переваривая, а потом его лицо озарила широкая, мальчишеская улыбка.

— Это... это самое невероятное, что я слышал! Другой

мир! — он тряхнул головой, как пёс, стряхивающий воду.
Кем ты была в своем мире?

— Обычной девушкой. С обычной жизнью.

— Необычной, — поправил её Шнырь. — Ты — Искра.
В этом вся суть.

Таверна называлась «Ржавый Шлюз» — приземистое здание, втиснутое между двух скальных выступов, с тусклой вывеской, мигающей неровным красным светом. Внутри было полутемно, пахло терпким напитком, похожим на горелый хлеб, и дымом, который вился к потолку.

Ирис Яра заметила сразу — она выделялась даже в этом полумраке. Женщина сидела в углу, спиной к стене, откуда можно было видеть весь зал и вход. Лениво крутила в пальцах стакан с тёмной жидкостью, из которой поднимался пар. Короткие, ярко-рыжие волосы, острые скулы, глаза цвета грозового неба — холодные, оценивающие. Одежда была простой, лёгкой, на поясе — импульсник в потёртой кобуре.

Она подняла взгляд на вошедших, и её глаза сузились, став двумя лезвиями.

— Шнырь, — произнесла она низким, чуть хриловатым голосом. — Давно не виделись. А где твой капитан? И кто эти... люди?

Шнырь рванул к ней, заливаясь тревожным оранжевым.

— Ирис! Капитан в беде! Его вызвали к Королю, он ушёл и не вернулся! Навигационная служба заблокировала «Стрелу»! Мы сбежали, подменив идентификатор! Это Яра — Ис-

кра, она из другого мира, капитан её нашёл в лесу! Это Тарен, механик, он нас вёл! Нам нужна твоя помощь!

Ирис перевела взгляд на Яру — долгий, тяжёлый, оценивающий. Она изучала её, как изучают противника перед схваткой. Потом перевела взгляд на Тарена, на его руки в масле, на его взволнованное лицо. И снова на Шныря.

— Из другого мира, — медленно повторила она. — Альтаир нашёл её в лесу. И теперь он в беде. Совпадение?

— Мы не знаем! — Шнырь заметался перед её лицом, почти касаясь его своим свечением. — Но капитан в опасности! Ирис, ты должна помочь!

Ирис откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. Её лицо стало застывшим, твердым.

— Должна? — переспросила она, и в голосе послышались злобные нотки. — Я ничего никому не должна. Особенно ему. Мы давно идём разными дорогами.

— Ирис!..

— Нет, Шнырь, — отрезала она, и в этом коротком слове было столько боли, что Яра вздрогнула. — Я ушла из той жизни. Если он влип — пусть сам выкручивается.

Она поднялась, схватив стакан.

— Мне нужно ещё выпить, — бросила она через плечо и направилась к стойке.

Яра смотрела ей вслед, чувствуя, как в груди нарастает отчаяние. Она перевела взгляд на Тарена, который стоял, растерянно теребя лямку сумки, и на Шныря, медленно опуска-

ющегося на стол, его свечение стало тусклым, почти серым.

— Она серьёзно? — прошептала Яра, чувствуя, печаль.
— Просто так, ни слова?

Шнырь поднялся, его свет стал глубоким, грустным синим.

— Искра, не суди её. Она многое пережила. Из-за капитана. Вернее, вместе с ним. Ты хочешь узнать, что случилось? Яра села рядом, чувствуя, как ноги отказываются держать.
— Расскажи.

Шнырь помолчал, переливаясь задумчивым фиолетовым. Потом начал — тихо, без обычной суетливости, как старый воин, рассказывающий о былом.

— Давно, до того, как капитан стал одиночкой, у него была команда. Альтаир, Ирис, его младший брат Кай и Джакс. Они работали на Короля — искатели реликвий. Альтаир тогда был другим. Живым, весёлым. Он смеялся, зажигал всех вокруг. Ирис была его правой рукой. Они были не просто командой, они были семьёй.

Сфера стала темнее, её свет сжался до тонкого контура.

— А потом была Зена. Они нашли что-то в древнем храме, глубоко под поверхностью. Что-то пошло не так. Кай погиб. Джакс тоже остался там. Альтаир выжил, но вернулся другим. Молчаливым, как камень. Он распустил команду. Сказал, что больше никого не поведёт за собой. Ирис предлагала остаться. Она была готова идти с ним куда угодно. Но он отказался. Сказал, что так будет лучше. Она ушла. И с тех

пор они не виделись.

Шнырь замолчал, и в тишине таверны слышно было только тихое гудение энергетических ламп.

Яра смотрела на стойку, где Ирис стояла спиной к ним. Её прямая спина, напряжённые плечи говорили о том, что она не пьёт. Она просто стоит, удерживая себя от того, чтобы обернуться.

Тарен тихо кашлянул.

— Может, ей просто нужно время?

— У нас нет времени, — ответила Яра.

Она поднялась и пошла к стойке.

Ирис стояла, облокотившись о деревянную поверхность, и смотрела в темноту за мутным окном. Перед ней стоял стакан, но она не притронулась к нему.

— Ирис, — позвала Яра, останавливаясь в шаге.

Та не обернулась.

— Я не знаю, кто ты, — сказала она тихо, не поворачивая головы. — Шнырь сказал, ты из другого мира. Я не знаю, что это значит. Но я знаю Альтаира. Если он тебя взял, значит, ты ему зачем-то нужна.

Яра молчала, чувствуя, как слова Ирис вонзаются в грудь.

— Я знаю, что случилось на Зене, — сказала она наконец, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но тот Альтаир, о котором рассказал Шнырь — тот, каким он был раньше, — он, наверное, всё ещё там. Где-то глубоко. И сейчас он в беде.

Она замолчала, переводя дыхание. В горле пересохло.

— И есть ещё кое-что, — продолжала она, чувствуя, как слова путаются. — Я прошу помочь не только ему. Помоги мне. Если бы ты могла представить как мне страшно. Два дня назад у меня была нормальная жизнь. Дом. Родные. Друзья. А теперь меня выкинуло в чужой мир, я ничего не понимаю. Альтаир — мой единственный шанс что-то понять. И если он не вернётся... я никогда не узнаю, как попасть домой.

Ирис медленно повернулась. Её серые глаза встретились с глазами Яры, и в них, на мгновение, мелькнула тень узнавания. Боли.

— Ты правда веришь, что его можно вернуть? От него не было вестей почти 40 циклов. Он просто распустил всю команду и бросил нас. — взорвалась Ирис.

Яра выдержала её взгляд, чувствуя, как по спине пробегает холод.

— Я знаю его всего несколько дней и верю, что стоит попробовать, — сказала она просто.

Долгая пауза. В таверне кто-то засмеялся, где-то звякнул стакан, но Яра не слышала ничего, кроме биения собственного сердца.

Ирис взяла стакан, залпом выпила и стукнула его о стойку с такой силой, что он треснул.

— Ладно, — сказала она хрипло. — Ты мне нравишься. Ты — не такая, как все. В тебе есть... огонь. Помогу.

Она развернулась, не глядя на Яру, и пошла обратно к столу. За ней потянулся слабый запах старого вина.

— У меня есть связи, — бросила она через плечо, садясь и раскрывая старый планшет. — Есть должники. Я узнаю, куда его увезли и кто за этим стоит. Мне нужно время.

Яра вернулась к столу. Её руки дрожали.

— Договорились, — сказала она.

Ирис уже не смотрела на неё. Она быстро водила пальцами по экрану, и её лицо было сосредоточенным, как у хищника, взявшего след.

— Идите на «Стрелу» и ждите. Я свяжусь со Шнырём, когда будут новости. Не раньше. И не лезьте никуда.

— Спасибо, Ирис, — тихо сказала Яра.

Та не ответила. Только её пальцы на мгновение замерли над экраном, и она перевела дыхание.

Яра и Тарен вышли из таверны, оставляя Ирис за столом. Вокруг них шумела лунная станция — негромко, как спокойное море. Шнырь летел рядом, тихо переливаясь спокойным синим.

— Искра, — сказал он, когда они отошли на достаточное расстояние. — Ты молодец. Я в тебя верил. С самого начала верил.

Яра остановилась, глядя на чужое небо, на огромную голубую планету, которая медленно поднималась над краем кратера.

— Спасибо, Шнырь, — сказала она устало. — Я тоже в тебя верю.

Сфера вспыхнула тёплым золотым, как маленькое солнце

в лунной ночи.

Часть 2. Зов.

Душ на «Стреле» оказался крошечным — узкая кабинка, в которой едва можно было повернуться, не задевая локтями холодные, влажные стены. Но Яру это не волновало. Она стояла под струёй горячей воды, чувствуя, как та смывает с её тела грязь двух дней — липкий пот, сухие ветки, кровь, которая уже успела вьестись в поры. Вода пахла металлом и чем-то похожим на запах цемента, как и всё здесь, но Яра уже начинала привыкать к этому запаху. Вместе с грязью уходило напряжение.

Когда она вышла, на койке её ждала одежда. Шнырь, который патрулировал отсек, замер и загорелся довольным оранжевым.

— Ирис раздобыла! — сообщил он с гордостью. — Я сказал, что ты мелкая, но не слишком, и она притащила это!

Яра провела рукой по тёмно-зелёному комбинезону. Ткань была мягкой, но плотной, с приятной шершавостью, как у хорошо выделанного хлопка. Рядом лежала куртка — потёртая кожа, с парой заплаток на локтях, но всё ещё крепкая. Она пахла чем-то слабым и приятным — не духами, а скорее сухими травами и старой кожей, как старый книжный переплёт.

— Передай ей спасибо, — сказала Яра, натягивая комбинезон. Он сел идеально — Ирис не промахнулась с разме-

ром.

— Обязательно! — сфера загорелась тёплым золотым. — Ты в этом выглядишь... как член команды. Очень по-нашему. Даже куртка тебе идёт, хотя она старая и потёртая.

Тарен, который копался в навигационной панели, обернулся. Он уже переоделся во что-то более подходящее — тёмный лётный комбинезон с множеством карманов, который он нашёл в одном из шкафчиков. Увидев Яру, он одобритительно кивнул.

— Тебе идёт, — сказал он просто.

Яра усмехнулась, закатывая рукава куртки — те были чуть длинноваты. Ей было всё равно, как она выглядит. Главное — чистая, в сухом и не в той рваной одежде, в которой она очнулась в лесу.

Девушка села в кресло второго пилота, поджав ноги. Шнырь и Тарен продолжали возиться с настройками — подменяли идентификаторы, заматали следы, проверяли системы. Тарен тихо бормотал технические термины, Шнырь вставлял комментарии, иногда споря и переливаясь возмущённо-красным. Их голоса сливались в успокаивающий фон, и Яра почувствовала, как веки тяжелеют.

Она смотрела на Руду через иллюминатор — на тусклую рыжую поверхность, испещрённую правильными линиями, которые не могли быть созданы природой. И внутри неё что-то отзывалось .

Она не заметила, как задремала.

Во сне перед её взором открылась поляна.

Та самая, с которой всё началось. Она узнала её сразу — тот же изгиб ручья, те же камни у старого дуба. Но теперь всё было иначе. Трава, которая в первый раз была зелёной и сочной, теперь стала серой, хрупкой, как пепел. Деревья стояли чёрные, обугленные, без листьев, их ветви тянулись к небу. Небо было багровым, низким, тяжёлым, и в нём клубился дым.

Всё горело.

Яра стояла в центре поляны, и жар обжигал её лицо, сушил губы, заставлял щипать глаза. В воздухе пахло гарью — горько, кисло, так, что хотелось кашлять. Где-то далеко, за чертой леса, кричали люди. Голоса были высокими, отчаянными. Яра попыталась позвать на помощь, но вырвался только хрип.

И тут она увидела её.

Женщина стояла на краю поляны, там, где начинался чёрный лес. Высокая, с белыми волосами, струящимися на ветру, которого Яра не чувствовала. Одежды её — светлые, почти прозрачные — колыхались, хотя вокруг было безветренно. Она протягивала руку к Яре. Губы её шевелились, но сквозь треск огня и крики Яра не могла разобрать слов.

— Не слышу! — закричала Яра, пытаясь шагнуть вперёд. Но ноги словно приросли к земле — серая трава держала её, как корни. — Кто ты?!

Женщина начала отступать, исчезая в дыму. Её силуэт та-

ял, как мираж. Но последние слова пробились сквозь шум — чёткие, ясные, как удар колокола.

— Земля помнит. И я помню. Помни.

И поляна исчезла.

Яра распахнула глаза. Сердце стучало, часто, так что она слышала его стук в ушах. В груди горело, как будто она и правда бежала сквозь пожар. Она сидела в кресле второго пилота, на «Стреле». За иллюминатором всё та же Руда висела в пустоте.

Тарен и Шнырь замолчали и смотрели на неё.

— Искра? — осторожно позвал Шнырь, становясь тревожным фиолетовым. — Ты кричала.

Яра перевела дух, провела ладонью по лицу. Ладонь была влажной — она вспотела во сне.

— Сон, — сказала она хрипло. — Опять сон.

— Расскажи, — попросил Тарен, откладывая инструменты. Он подошёл ближе и присел на корточки рядом с её креслом.

И она рассказала. Про поляну, которая горит. Про серую мёртвую траву. Про женщину с белыми волосами. Про слова, которые преследуют её с того самого момента, как она очнулась в лесу: «Земля помнит. И я помню. Помни.

— Эта фраза, — Яра покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна. — Я слышала её, когда в первый раз очнулась. Слышала во сне. И теперь снова. Откуда она? Почему она меня преследует?

Тарен и Шнырь переглянулись. В рубке повисла тишина. Тарен и Шнырь переглянулись. Яра потёрла виски, чувствуя, как в голове пульсирует боль.

— Ладно, — сказала она, потрянув головой, чтобы прогнать остатки сна. — С этим разберёмся позже.

— Согласен, — кивнул Тарен. — Сначала капитан. Шнырь загорелся решительным золотым.

— Тогда ждём Ирис. Она обещала выйти на связь, как только узнает что-то новое. Она не подведёт. И словно в ответ на его слова, на пульте вспыхнул сигнал входящего сообщения — резкий, короткий, как удар по стеклу. Шлюз открылся, впуская внутрь холодный воздух лунной станции, пахнувший сухим камнем. На борт «Стрелы» поднялись двое. Ирис прошла первой — всё та же пилотская куртка, всё тот же импульсник на поясе, всё те же огненно-рыжие волосы. Она двигалась с той же уверенностью, что и раньше, но Яра заметила: в уголках её глаз залегла усталость, которой не было в таверне. За ней шёл человек, которого Яра раньше не видела. Он был невысоким — для местных. Плотный, с седыми висками и тёмными, глубоко посаженными глазами, которые смотрели на мир с холодной, оценивающей настороженностью. Одет в неприметную серую одежду. На плече висела потёртая сумка, из которой торчал край какого-то прибора. Он двигался тихо, почти бесшумно, и от него веяло чем-то опасным.

— Это Корвус, — коротко представила его Ирис. — Кон-

трабандист. Работает по всему Ориену. Знает то, чего не знают другие. И умеет то, чего не умеют другие. Корвус молча кивнул, разглядывая корабль. Его взгляд скользнул по панелям, по обшивке, по креслам, и Яра поняла: он всё запоминает, всё оценивает, всё взвешивает.

— Что узнала? — спросила Яра, поднимаясь из кресла.

Ирис прошла к центру отсека и оперлась о пульт, скрестив руки на груди.

— Во-первых, Короля Эридана нет на планете, — сказала она. — Он улетел на Зену три дня назад. Официально — с дипломатической миссией. Неофициально — никто не знает, зачем. Но факт: когда Альтаира «вызывал Король», Короля во дворце не было. Повисла тишина.

— Значит, его вызвал кто-то другой, — медленно произнес Тарен. — Кто-то, кто использовал герб Короны.

— Именно, — кивнула Ирис. — И этот кто-то имеет доступ к системам дворца. А это значит — кто-то очень высокопоставленный.

— Лорд Кассиан, — тихо сказал Шнырь, становясь тёмно-фиолетовым. — Советник Короля. Я слышал о нём. Капитан... он говорил, что Кассиан интересуется древними технологиями. Опасными. Запрещёнными. Технологиями, которые лучше не трогать, что он скользкий тип.

— Кассиан, — повторила Ирис, и в её голосе прозвучали нотки волнения. — Если это он, то всё серьёзнее, чем я думала. Он имеет доступ ко всему. К Стражам, к архивам, к

тюремному блоку.

Корвус, до этого молча стоявший у стены, негромко кашлянул — сухой, короткий звук, привлёкший внимание.

— Альтаир всё ещё в городе, — сказал он. — В здании Совета, нижние ярусы. Охрана усилена, но не гарнизоном — частной стражей. Те, кто его держит, не хотят, чтобы об этом знали даже во дворце. Я проверил. Мои люди видели, как его вводили туда вчера вечером. Живым.

— Что подтверждает: Король не при делах, — подытожила Ирис. — Тот, кто захватил Альтаира, действует тайно. И зная его, так просто не схватить. Поэтому взяли обманом. Яра выдохнула — медленно, глубоко.

— Мы можем его вытащить?

Ирис переглянулась с Корвусом. Тот чуть заметно кивнул.

— Можем, — сказала Ирис. — Но это будет тихо. Никакой стрельбы, никаких взрывов. Проникаем через старые туннели Первых, которые идут под зданием Совета. Корвус знает вход. Выводим Альтаира, уходим обратно. Никто не должен знать, что мы там были.

— Если Король не при делах, — добавил Корвус, и его голос был ровным, — то после спасения вам нужно будет скрыться до его возвращения на планету. Тот, кто захватил Альтаира, будет искать. И он не остановится.

— Тогда будем думать на ходу, — твёрдо сказала Яра, чувствуя, как слова даются с трудом. — Сначала вытащим его. Потом — к Ориону. Он знает ответы. Ирис посмотрела на

неё долгим взглядом. В серых глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошо. Тогда готовьтесь. Через час выступаем.

Ирис выложила на стол три предмета. Один — компактный импульсный пистолет, тёмно-серый, с матовой поверхностью, которая не отражала свет. Второй — такой же, но меньше, явно для скрытого ношения. А третий... Яра взяла его в руку, и по телу пробежала дрожь.

Рукоять была тяжёлой, из матового тёмного металла, слегка изогнутой, с углублениями для пальцев. Когда её ладонь сомкнулась вокруг неё, рукоять завибрировала — едва заметно, как будто внутри проснулось что-то живое. По пальцам пробежало покалывание, тёплое и странно приятное.

— Что это? — спросила она, не отрывая взгляда от оружия.

— Волновой клинок, — ответила Ирис. — Или просто «волна». Оружие, которое подстраивается под хозяина. Смотри. Она взяла рукоять из рук Яры, и лезвие, которое только начало формироваться — мерцающая полоса дрожащего воздуха, — погасло. Когда Ирис сжала пальцы, лезвие возникло снова, но другой формы — длиннее, уже, с лёгким изгибом, который подходил её руке. Казалось, что лезвие собирается из мелкого песка.

— Каждый владелец уникален, — пояснила Ирис. — Волна чувствует хватку, длину руки, даже пульс. Подстраивается. Может быть с одной стороны, с двух, может удлиниться

или укорачиваться. В бою это решает.

Она нажала на едва заметную кнопку у основания, и лезвие исчезло. Рукоять стала просто куском металла.

— А это, — Ирис коснулась другой кнопки, — импульс. При ударе волна испускает кинетический заряд. Врага отбрасывает. Доспехи гнутся. Даже щит не всегда спасает. Она протянула рукоять Яре.

— Держи. Это тебе.

Яра взяла оружие, и по её пальцам снова пробежало покалывание — только теперь сильнее, увереннее. Рукоять нагрелась, пульсируя в такт её сердцу. Из неё вырвалось лезвие — мерцающее, переливающееся, как воздух над раскалённой землёй. Оно было короче, чем у Ирис, но шире — под её хватку, под её руку. Цвет лезвия был не синим и не белым — тёплым, золотистым, как свет заката. Она смотрела на него, и внутри разливалось странное чувство. Не страх. Не удивление. Что-то другое — как будто этот кусок металла и света был частью её самой, которой она не знала.

— Она тебя приняла, — заметила Ирис, и в её голосе слышалось лёгкое удивление. — Обычно волна привыкает к хозяину не сразу. Несколько дней, а то и недель. А эта... как будто ждала. И цвет лезвия золотистый, я давно такого не видела.

— Что это значит? — спросила Яра, не отрывая взгляда от золотистого сияния.

— Не знаю, — Ирис покачала головой. — Но это хороший

знак. Если волна тебя приняла — она будет защищать тебя. Как друг. Как часть тебя. Яра выключила лезвие. Рукоять остыла, но в ладони всё ещё пульсировало тепло. Она сунула её в петлю на поясе, и волна легла у бедра, тёплая и живая.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари, — ответила Ирис. — Ты идёшь в бой. Ты должна быть защищена.

Тарену она протянула второй пистолет. Тот взял его с благоговением, чувствуя тяжесть в руке. Видно было, что оружие он держал в руках не часто — его пальцы сжались на рукояти чуть слишком сильно, но он справился.

— Это на всякий случай, — сказала Ирис. — Если дойдёт до стрельбы — значит, план провалился. Но лучше иметь и не использовать, чем наоборот. Корвус, проверив свой собственный импульсник, кивнул в сторону шлюза.

— Пора. Туннели ждут.

Ночная Ветлань встретила их тишиной. Огни на верхних уровнях ещё горели — сотни маленьких окон, парящих в темноте, — но на первом, среди лугов и серебристых деревьев, было пусто. Только ветер шелестел листвой, сухой и тёплой, и где-то вдалеке журчала вода в каналах — тихо, как лёгкая музыка.

Корвус вёл их к окраине города, туда, где платформы Второго уровня нависали над землёй, создавая длинные тени. Он двигался быстро и бесшумно, несмотря на плотное телосложение. Яра едва поспевала, стараясь не шуметь, чувствуя,

как под ногами пружинит трава. Тарен был рядом, его дыхание было ровным, хотя он явно напряжён. Шнырь летел впереди, бесшумно сканируя пространство и переливаясь тёмно-синим — цветом маскировки.

— Вход здесь, — сказал Корвус, останавливаясь у основания одной из опорных колонн.

На первый взгляд здесь не было ничего, кроме гладкого камня, увитого плющом, который слабо светился в темноте. Но Корвус провёл рукой по стене, и панель бесшумно ушла в сторону, открывая тёмный проход. Изнутри повеяло холодом и древностью — запах камня, и чего-то ещё, чему Яра не могла подобрать названия. Что-то живое.

— Технический ярус Первых, — пояснил Корвус, зажигая фонарь. — Зброшен пять тысяч циклов назад. С тех пор здесь мало кто бывал. Только такие, как я.

— А зачем ты сюда спускался? — спросила Яра, чувствуя, как по спине пробегает холод.

Корвус усмехнулся — коротко, безрадостно.

— Люди прячут вещи в местах, куда боятся заходить. А я не боюсь.

Он шагнул в темноту первым. За ним — Ирис, потом Яра, Тарен, и последним — Шнырь, чей корпус разгорался мягким синим, освещая стены.

Туннель уходил вниз под углом. Стены здесь были не каменными — они были сделаны из того же светлого материала, что и платформы Ветлани. Только здесь он потускнел, по-

крылся паутиной трещин, похожих на сеть старых вен. Местами на стенах проступали узоры — спирали, волны, символы, похожие на звёздные карты, выгравированные сотни поколений назад. Яра провела по ним пальцами, и ей показалось, что камень на мгновение потеплел. По коже пробежала слабая вибрация, как будто кто-то откликнулся на её прикосновение.

— Ты чувствуешь? — прошептала она.

— Что? — спросил Тарен, оглядываясь.

— Оно... живое.

Тарен посмотрел на неё с сомнением, но ничего не сказал. Он просто шагнул ближе, прикрывая её спину. Команда спускалась всё глубже. Воздух становился холоднее, в нём появилась влажная тяжесть. Звуки города исчезли — теперь только шаги отдавались эхом от стен да тихое гудение Шныря. Туннель расширился, превратился в коридор, а потом — в огромный зал.

Здесь Яра остановилась.

Зал был круглым, с куполообразным потолком, уходящим в темноту. Стены покрывали те же узоры, но здесь они были ярче — некоторые линии слабо светились, пульсируя. В центре возвышалось нечто — конструкция из тёмного металла и кристаллов, похожая на алтарь. Или на пульт управления. Кристаллы были тёмными, мёртвыми. Но когда Яра подошла ближе, один из них — самый маленький, у основания — слабо засветился.

— Что это? — спросила она, её голос обрывался от сильного волнения.

Корвус подошёл ближе, светя фонарем. Его лицо в тусклом свете стало сосредоточенным.

— Не знаю. Я здесь был раз десять, и никогда оно не светило.

Шнырь тоже подлетел ближе, сканируя конструкцию. Его корпус стал задумчивым фиолетовым — глубоким, почти чёрным.

— Это... это древний навигационный узел, — сказал он медленно. — Очень древний. Ещё до Воссоединения. С его помощью Первые прокладывали курсы между планетами. Он был частью сети, которая охватывала всю систему. Я читал о таких, но никогда не видел вживую. Они все были уничтожены.

— Почему? — спросил Тарен, придвигаясь ближе.

— Потому что они хранили карты, — ответил Корвус. — Карты мест, которые кто-то очень хотел скрыть.

Яра протянула руку к светящемуся кристаллу. Пальцы дрожали, но она не могла остановиться.

— Не прикасайся, — предупредила Ирис. — Мы не знаем...

Но было поздно. Яра коснулась кристалла. И мир взорвался. Перед глазами вспыхнула карта — не плоская, а объёмная, парящая в воздухе, как голограмма. Яра видела всю Солнечную систему: Земля, Луна, Марс, какая то планета за

Марсом — все планеты, о которых она слышала. Они вращались, медленно, величественно, как в планетарии. Но дальше, за ними, что-то огромное мерцало в темноте. Станция? Корабль? Яра не могла понять — координаты пульсировали, но само место оставалось размытым, скрытым, как будто кто-то намеренно стёр его. И голос. Тихий, далёкий, но отчётливый — как шёпот, который она слышала во сне.

— Земля помнит. Цивилизации гибнут от забвения!

Не просьба. Не приказ. Мягкое, печальное напоминание. Как будто кто-то знал, что она забыла что-то важное, и хотел, чтобы она вспомнила. В голосе была боль, но и надежда. Яра почувствовала, как внутри неё что-то откликается. Тепло разлилось по груди, по рукам, по кончикам пальцев. Слезы выступили на глазах — она не знала, от чего. От страха? От тоски? От странного, почти забытого чувства, что она здесь не случайно. Видение погасло. Кристалл перестал светиться, став холодным и мёртвым. Девушка отдернула руку, часто дыша. В ушах звенело. Все смотрели на неё.

— Что ты видела? — спросила Ирис, и в её голосе не было обычной стальной твёрдости — только настороженность.

— Карту, — прошептала Яра, чувствуя, как слова застревают в пересохшем горле. — Всю Солнечную систему. И что-то ещё. Что-то огромное за ней. Но я не увидела, где именно. И голос. Тот же, что во сне.

— Что он сказал? — Продолжила Ирис

— «Помни»

— Это не просто так, — сказал Корвус, глядя на Яру. Его глаза в темноте казались почти чёрными. — Обычный человек не смог бы его разбудить. Он бы даже не почувствовал. Шнырь, который всё это время молча сканировал кристалл, вдруг заговорил — очень тихо и быстро, как будто боялся, что его услышат.

— Я скопировал данные. Все, что были в узле. Координаты, карты, остаточные сигналы. Это очень ценная информация. Но она... она не для всех. — Он на мгновение замер, став тёмно-синим.

Ирис прищурилась. — Ты что-то скрываешь, Шнырь?

— Я ничего не скрываю! — сфера стала ярко-жёлтой, почти оранжевой. — Я просто... проявляю осторожность! Это не мои тайны. Это тайны Первых. И они не должны стать тайнами Короны. Ирис переглянулась с Корвусом, но настаивать не стала. Она знала Шныря достаточно долго, чтобы понимать: если он что-то скрывает, значит, у него есть причина.

— Ладно, — сказала она. — Потом разберёмся. Нам нужно двигаться. Мы уже близко.

Они пошли дальше. Яра задержалась на мгновение, глядя на погасший кристалл. «Помни». Она не знала, что должна помнить. Но теперь была уверена: ответы существуют. И она их найдёт. Даже если придётся пройти через всё это снова. Туннель снова сузился, потом резко ушёл вверх. Корвус остановился у очередной панели — такой же, как у входа.

— Мы под зданием Совета, — сказал он тихо. — За этой дверью — нижний ярус. Охрана через каждые двадцать метров. Но в это время суток они расслаблены — смена караула только через час. Ирис повернулась к команде.

— Значит так. Идём тихо. Никаких разговоров. Шнырь глушит камеры и сканеры. Корвус ведёт. Яра и Тарен — в центре, я замыкаю. Если встретим охрану — Корвус и я снимаем. Вы не вмешиваетесь. Всё понятно?

— Понятно, — ответила Яра, чувствуя, как дрожат колени. Она сжала рукоять волны на поясе — та отозвалась коротким импульсом.

— Альтаир в камере на этом ярусе, — продолжала Ирис. — Точное местоположение неизвестно — мы найдём его.

Она коснулась панели, и дверь бесшумно ушла в сторону. За ней был коридор. Серый, холодный, освещённый тусклыми лампами, которые давали ровный, безжизненный свет. Пахло, плесенью и чем-то кислым — как в старом подвале. Где-то далеко, в глубине, ритмично капала вода — кап-кап-кап, как тиканье часов. Корвус скользнул вперёд. Ирис двинулась за ним, и команда потянулась следом. Они миновали первый пост — двое охранников во что-то играли за столом, не глядя по сторонам. Их голоса эхом разносились по коридору — смех, лёгкая брань. Шнырь погасил камеру над ними одним импульсом. Второй пост — спящий стражник, привалившийся к стене. Третий — пустой. Камеры тянулись вдоль стен — тёмные, холодные, с тяжёлыми дверями, за которыми

царила тишина. Большинство были пусты. Но из одной, примерно в середине коридора, доносился тихий, прерывистый стон. Ирис подняла руку, останавливая группу. Прислушалась. Стон повторился — слабый, едва живой, как у раненого зверя.

— Это не он? — прошептала Яра.

Шнырь подлетел ближе к двери, просканировал и стал тревожным фиолетовым.

— Нет, — ответила Ирис, покачав головой. — Альтаир дальше. Но...

— Мы не можем просто пройти мимо, — сказала Яра. Это был звук человека, которого ломали. Ирис посмотрела на неё, потом на Корвуса. Тот пожал плечами.

— Лишний груз, — сказал он ровно. — Но дело ваше.

— Открывай, — решила Ирис.

Шнырь взломал замок за считанные секунды. Дверь открылась с тихим, протяжным скрипом. В камере, на голом холодном полу, лежал человек. Он был в лохмотьях — остатках одежды, которая когда-то могла быть лёгкой курткой или комбинезоном. Лицо было так избито, что черты едва угадывались — распухшие губы, заплывшие глаза, сплошной синяк вместо. Но самое странное было не в этом. На его руках и шее, проступая сквозь кожу, пульсировали тонкие тёмные вены. Не естественные сосуды — что-то иное. Как будто чернила текли под кожей, медленно, ритмично, подчиняясь какому-то внутреннему ритму. Глаза, которые он с тру-

дом приоткрыл, были мутными, но в глубине зрачков мелькал слабый, неестественный синий свет.

— Что это?.. — выдохнул Тарен, и его голос дрогнул.

— Запрещённые технологии, — мрачно сказал Корвус, и его голос был тихим. — Следы экспериментов. Над ним работали.

Человек повернул голову на голос. Его губы шевельнулись, но звука не вышло — только слабый хрип.

— Забираем, — приказала Ирис. — Тарен, помощи.

Тарен и Корвус подхватили его с двух сторон. Он был лёгким — слишком лёгким для такого роста. Голова упала на плечо Тарена, и тот вздрогнул, чувствуя, как кожа под его пальцами неестественно холодна.

— Дальше, — скомандовала Ирис. — Альтаир ещё ждёт.

Они двинулись в конец коридора. Капли воды стучали где-то в тишине. Яра шла за ними, сжимая рукоять волны, чувствуя, как её пальцы дрожат. Камера Альтаира была последней — усиленная дверь с дополнительным замком, которую не взял бы обычный взлом. Шнырь подлетел, на мгновение завис, и дверь открылась с тихим шипением.

Альтаир сидел на полу, привалившись спиной к холодной стене. Одежда на нём была разорвана, на лице — синяки и запёкшаяся кровь, которая уже начала темнеть. Одна рука была прикована цепью к стене — короткой, не позволяющей двигаться дальше метра. Но когда он поднял голову и увидел их, в его янтарных глазах вспыхнула знакомая искра.

— Долго же вы, — сказал он хрипло. Губы разбиты, но он всё равно усмехнулся — криво, с болью. — Я уж думал, вы забыли про меня.

— Капитан! — Шнырь метнулся к нему, закружил вокруг, вспыхивая всеми цветами разом. — Ты жив! Ты ранен! Но жив!!!

— Тише, — Ирис уже снимала цепь отмычкой, и в её пальцах чувствовалась дрожь, которую она не могла скрыть. — Уходить надо. Быстро.

Яра шагнула в камеру и опустилась на колени рядом с Альтаиром. Вблизи раны выглядели ещё хуже — разбитые костяшки пальцев, следы ударов по рёбрам, синяки, покрывающие его торс. Она на мгновение замерла, встречаясь с ним взглядом.

— Жив, — сказала она, и голос её прозвучал тихо, почти шёпотом.

— А ты сомневалась? — Прохрипел Альтаир.

— Нет. Он хмыкнул и попытался встать. Тело не слушалось, пришлось опереться о стену. Яра и Тарен подхватили его с двух сторон, чувствуя, как он тяжело опирается на них. Но Альтаир замер, заметив человека, которого несли Ирис и Корвус.

— Кто это? — спросил он, и в его голосе слышалась тревога.

— Не знаем, — ответила Ирис. — Нашли в камере. Он... Она замолчала, потому что Альтаир вдруг замер. Он смот-

рел на человека — на его избитое лицо, на тёмные вены, на слабое синее свечение в полузакрытых глазах. Его взгляд изменился. Яра не могла понять, что именно — страх, ярость, боль, — но его лицо побледнело, и он сжал зубы.

— Альтаир? — позвала Яра.

— Потом, — сказал он, отводя взгляд. Его голос был ровным, как будто он изо всех сил держал себя в руках. — Уходим. Сейчас.

Они двинулись обратно по коридору. Шнырь летел впереди, сканируя пространство. Яра слышала, как тяжело дышит Альтаир, как его шаги иногда сбиваются, как он сжимает зубы, чтобы не застонать.

Но когда группа почти дошла до туннеля, за спиной раздался крик.

— ТРЕВОГА!

Кто-то из охранников проснулся. Тяжёлые шаги эхом разнеслись по коридору.

— Бегом! — рывкнула Ирис.

Они побежали. Сзади уже слышались шаги — тяжёлые, множественные. Стражи. Корвус рванул панель, открывая вход в туннель. Ирис втокнула туда Тарена и Корвуса с незнакомцем. Альтаир, преодолевая боль, шагнул сам.

Яра обернулась, выхватывая волну. Мерцающее лезвие вспыхнуло в её руке, залив коридор тёплым золотистым светом. Первый Страж вылетел из-за угла — высокий, в чёрной форме, с оружием в руках — и тут же отлетел обратно. Ки-

нетический импульс отбросил его, как тряпичную куклу, с глухим стуком о стену. Второй замешкался, и этого хватило.

— Яра, уходим! — крикнула Ирис.

Яра нырнула в туннель последней. Панель закрылась за ней, отрезая крики Стражей и гул тревоги. Тишина. Темнота. Только их дыхание — частое, прерывистое, эхом разбивающееся о древние стены.

— Все целы? — спросила Ирис.

— Да, — ответил Тарен, сжимая в руках пистолет, который он так и не использовал.

— Капитан?

— Живой, — отозвался Альтаир, и в его голосе прорезалась боль.

— А он? — Ирис кивнула на незнакомца.

Корвус приложил пальцы к его шее.

— Живой. Еле-еле. Пульс слабый. Нужен срочно регенератор.

— На «Стреле» есть, — сказал Шнырь. — И я могу просканировать его. Но не здесь. Надо уходить.

— Кто он? — не унималась Яра, глядя на незнакомца. Его лицо в тусклом свете Шныря казалось бледным, почти прозрачным. Альтаир, привалившийся к стене туннеля, смотрел на избитое лицо, на тёмные вены, на то, что осталось от человека, которого он когда-то знал. Его глаза были пустыми.

— Я не уверен, — сказал он наконец тихо. — Но если это то, что я думаю... мы спасли не просто кого-то. Мы спасли

призрака. Ирис перевела взгляд с Альтаира на незнакомца и обратно. Её лицо побледнело.

— Ты думаешь, это...

— Потом, — оборвал Альтаир, — Сначала выберемся. Потом я расскажу.

Они двинулись вверх по туннелю. В темноте шаги звучали гулко, как удары сердца. Яра шла последней, сжимая в руке остывающую рукоять волны, и чувствовала, как внутри неё растёт какое-то странное предчувствие.

Часть 3. Орион.

Альтаир открыл глаза.

Первое, что он услышал, был смех. Не тревожный, не нервный — тёплый, искренний, которого ему не хватало очень долгие годы. Он лежал на койке в своём отсеке. Одежда, в которой его спасали, была безнадёжно испорчена — разорвана, в запёкшейся крови, в грязи катакомб. Рядом с койкой лежала чистая — кто-то позаботился. Тёмно-синяя футболка, мягкая, как вторая кожа. Простые, но добротные штаны. Никаких доспехов, никакой брони. Просто одежда. Он надел её. Ткань пахла чистотой и чем-то слабым, травяным — как сушёные цветы. Давно он не чувствовал себя так... по-человечески.

За стенкой, в главном отсеке, продолжали смеяться. Он узнал голоса — Шнырь, Тарен, Яра. И Ирис, которая, судя по звуку, сидела в стороне и не вмешивалась.

Альтаир поднялся и вышел в главный отсек. Разговор оборвался на полуслове. Шнырь замер в воздухе, застыв ярко-жёлтым пятном. Тарен открыл рот, не договорив. Яра моргнула. Даже Ирис, сидевшая на своём ящике у стены, чуть приподняла бровь.

— Капитан! — выдохнул Шнырь, нарушая тишину, и его цвет стал тёплым золотым.

— Ты... ты оделся! Без доспехов! Я не видел тебя без до-

спехов уже... даже не помню сколько! Ты выглядишь как... как...

— Как кто? — сухо спросил Альтаир, скрестив руки на груди.

— Выглядит... иначе, — осторожно сказал Тарен, явно не зная, как реагировать. Он переглянулся с Ярой, ища поддержки.

— Хорошо выглядит, — поправила Яра, и в её голосе слышалась улыбка. — По-человечески.

— Вот! — Шнырь вспыхнул золотым, счастливым, как щенок, который нашёл хозяина. — По-человечески! Капитан, тебе идёт! Тебе очень идёт! Ты такой красавчик — Люди точно перестанут шарахаться от тебя в тёмных переулках! Они будут просто... любоваться! И бояться! Альтаир медленно перевёл взгляд на Ирис. Та всё так же сидела, скрестив руки с легкой усмешкой. Она смотрела на него так, как смотрят на старого друга, который наконец-то перестал быть дураком.

— Видишь, — тихо сказал он, подходя и останавливаясь рядом с ней. — С кем мне приходится иметь дело.

— Ты сам их выбрал, — ответила Ирис, и в её голосе прозвучала мягкая, почти незаметная теплота.

Альтаир опустился в кресло капитана. Оно скрипнуло под его весом — привычно, по-домашнему. Он откинулся на спинку и обвёл взглядом команду: Тарен и Яра сидели на полу, скрестив ноги, Шнырь парил над ними.

— Ладно, — сказал он, и голос его стал деловым. — Шнырь, сканируй. И рассказывайте, что я пропустил. Всё. С самого начала.

Робот тут же принялся за дело — суетился вокруг, сканировал, бормотал медицинские термины, вспыхивал то зелёным «Заживает! Быстро! То жёлтым «Питательных веществ не хватает! Ты опять не ел, да?».

— Все в порядке! — объявил он наконец, отлетая на безопасное расстояние. — Почти. Нужно больше питаться и отдыхать. И не лезть в передряги.

— Постараюсь, — сухо сказал Альтаир.

— Ты всегда так говоришь! — возмутился Шнырь. — И никогда не стараешься!

— Шнырь.

— Понял... — сфера чуть потускнела, но через мгновение снова загорелась. — Но я записал «Обещал стараться».

— А теперь рассказывайте, что я пропустил.

Сфера удовлетворившись результатами, устроился на спинке кресла Альтаира, переливаясь спокойным, глубоким синим. Остальные расселись вокруг.

Первым говорил Тарен. Он рассказывал сбивчиво, с горящими глазами, часто жестикулируя. Про то, как навигационная служба заблокировала вылет «Стрелы», как Яра нашла его в мастерской посреди ночи, как он подменил идентификатор, превратив «Стрелу» в безобидный грузовой транспорт «Вечерний Странник».

— Ты взломал навигационный код? — Альтаир поднял бровь.

— Ну... — Тарен замялся, потупив взгляд. — Там была старая система. Я когда-то чинил патрульный катер и запомнил пару кодов доступа. На всякий случай. Просто... ну, я подумал, что когда-нибудь это может пригодиться. И этот случай настал.

— Молодец, — коротко сказал Альтаир.

Тарен улыбнулся. Потом заговорила Яра. Её голос был тише, спокойнее. Она рассказала про полёт на Луну, про встречу с Ирис в «Ржавом Шлюзе», про катакомбы и навигационный узел Первых. Про то, как коснулась кристалла, и он засветился золотым. Альтаир нахмурился.

— Узел активировался? Просто от прикосновения?

— Да, — Яра пожала плечами, и в этом жесте чувствовалась неловкость. — Шнырь сказал, что это древняя технология. Что обычно они не работают.

— Я скопировал данные, — добавил Шнырь, не отрываясь от панели. — Карты. Координаты. Остаточные сигналы. Очень ценные. Те, которые лучше не показывать никому, кроме нас.

Альтаир сделал в мыслях заметку — расспросить Шныря позже, когда они останутся вдвоём.

Ирис рассказала о Корвусе, о том, как выяснили, что Короля не было на планете, и о том, что вызов пришёл от кого-то другого.

— Кассиан, — сказал Альтаир сжав зубы. — Это он.

— Он тебя допрашивал? — спросила Ирис.

— Да. — Альтаир помолчал, вспоминая. — Спрашивал про находки. Про последние рейды. Был уверен, что я что-то нашёл и скрываю. Какую-то конкретную реликвию.

— Какую?

— Не сказал. Говорил загадками. — Он усмехнулся — горько, безрадостно. — «Ты знаешь, о чём я. Оно было у тебя в руках. Верни его, и я отпущу тебя». Но я не знаю, о чём он. В последнее время я не находил ничего стоящего — обычный мусор Первых. Так что, — он обвёл команду взглядом, — Кассиан ищет какой-то предмет. Древнюю технологию. И думает, что она у меня.

— Значит, он не знает о Яре? — уточнил Тарен.

— Про девушку он спрашивал, — ответил Альтаир. — «Кто был с тобой в лесу? Где она?» Я сказал, что это была случайная Отшельница, которая уже ушла своей дорогой. Не думаю, что он поверил. Но и не думаю, что он связывает её с тем, что ищет. Яра выдохнула.

— Тогда у нас есть время, — Яра смотрела на Альтаира не отводя глаз.

— Есть. Но немного. Задумчиво ответив.

Когда все рассказали свои истории, Альтаир перевёл взгляд на Тарена. Тот замер, чувствуя на себе его взгляд.

— Ты угнал мой корабль. Подменил идентификатор. Провёл его через патрули. Посадил на Луне. И помог вытащить

меня из катакомб, — перечислил Альтаир, и каждое слово звучало как награда. Тарен застыл, ожидая продолжения.

— Спасибо, — сказал Альтаир. — Нам повезло, что Яра тебя нашла.

Тарен расплылся в такой широкой улыбке, что, казалось, осветил весь отсек.

— Спасибо, капитан! Я... я просто делал то, что умею.

— То, что ты умеешь, спасло нам жизнь.

Тарен переглянулся с Ярой, и она кивнула ему — поддерживая, одобряя.

— Капитан, — заговорил он, немного запинаясь и теребя край комбинезона, — я хотел сказать... Я не против остаться. С вами. Если, конечно, вам нужен механик. Я знаю, что у вас нет постоянной команды, но... я бы хотел. Летать. Искать реликвии. Помогать. Я не подведу. Обещаю. Альтаир долго смотрел на него. В его янтарных глазах промелькнуло что-то — может быть, воспоминание о другой команде, о других людях, которые тоже когда-то обещали не подвести.

— Ты уже не подвёл, — сказал он наконец. — Оставайся. Ему было тяжело принять решение, Альтаир не хотел снова собирать команду, но обстоятельства складывались по другому. Тарен чуть не подпрыгнул на месте, сжав кулаки в победном жесте. Шнырь закружил над ним, вспыхивая радостным жёлтым.

— Да! Новый член команды! Официально! Я так рад! У нас теперь есть механик! Настоящий! А не просто кто-то, кто

умеет менять лампочки!

— А я кто? — спросила Ирис, скрестив руки на груди, но в её голосе слышалась усмешка.

— Ты — пилот! — объявил Шнырь, подлетая к ней. — Ирис, ты очень нужна! Капитан без тебя как без крыльев!

— А я? — спросила Яра, и в её голосе послышалась лёгкая, почти робкая надежда.

— Ты — Искра! — Шнырь закружился вокруг неё, оставляя след из радужных искр. — Это вообще уникальная должность! Ни у кого такой нет! Ты — самая особенная!

Яра улыбнулась, но улыбка вышла чуть рассеянной, будто она всё ещё не до конца верила, что это происходит с ней по-настоящему. И тут по кораблю разнёсся сигнал. Короткий, резкий — не тревога, а оповещение из медицинского отсека.

— Он очнулся, — сказал Шнырь, становясь ярко-жёлтым.

Все переглянулись и двинулись в отсек, где лежал раненый. Мужчина был без сознания, но тело его дёргалось — не в конвульсиях, а так, как дёргается человек, пытающийся вырваться из кошмара. Тёмные вены на руках пульсировали быстрее, поднимаясь от запястий к локтям. Губы шевелились, издавая невнятные звуки — не слова, а скорее стоны, полные боли.

— Он зовёт, — тихо сказала Ирис, приближаясь. — Слушайте.

Все замерли. Сквозь шум корабельных систем, сквозь тихое гудение Шныря, прорывался шёпот — хриплый, срыва-

ющийся.

— Альтаир... где же ты...

Альтаир замер.

— Альтаир... мы ждали... ты обещал... Кай... Кай не выходил... ты обещал вернуться...

Ирис опустилась на колени рядом с койкой и приложила ладонь к его лбу. Незнакомец дёрнулся и затих, снова провалившись в беспамятство.

— Он горячий, — сказала она, убирая руку. — Но это не лихорадка. Это что-то внутри него. Регенератор не определяет. Я не знаю, что с ним сделали. Тарен, стоявший в дверях, тихо спросил, сжимая в руках инструмент:

— Вы его знаете?

Альтаир подошёл к койке. Он стоял, глядя на избитое, обезображенное лицо, на тёмные вены, на то, что осталось от человека, которого он когда-то знал. Его дыхание стало глубже, ровнее — он брал себя в руки.

— Знали, — сказал он наконец. — Когда-то. Это Джакс. Мой друг. Точнее... был другом. Мы вместе прошли через многое. Яра подошла ближе, остановившись в шаге от него.

Альтаир опустился на край соседней койки, ссутулив плечи. Ирис осталась рядом с Джаксом, придерживая его руку. Все смотрели на Альтаира. Он заговорил — тихо, глядя не на них, а на Джакса, на его неподвижное лицо.

— Джакс был самым молодым в команде. Самым энергичным. Самым везучим. — Альтаир усмехнулся — коротко,

безрадостно. — Он пришёл к нам через Кая — моего младшего брата. Кай учился в Королевской Академии — лучшее военно-космическое заведение в Ориене. Джакс был с ним на одном курсе. Не самый сильный, но очень быстрый и ловкий. Ему всегда везло. Всегда. Если кто-то находил выход там, где его не было — это был Джакс. Если кто-то выживал там, где не должен был — это был Джакс. Мы шутили, что у него есть личный дух-хранитель. Он замолчал, переводя дыхание.

— Кай привёл его к нам, когда мы ещё служили Королю. Исследователи. Мы искали технологии Первых, составляли карты, изучали руины. Джакс с первого дня вписался. Он был... живым. Понимаешь? — он посмотрел на Яру. — Всегда в движении. Всегда что-то придумывал. Если мы сидели на месте больше двух дней, он начинал лезть на стены. Он хотел приключений. Хотел видеть всё. Мы отправляли его в разведку просто чтобы он выпустил пар.

— А потом была Зена, — глухо сказал Альтаир.

Повисла пауза. На койке Джакс снова застонал — тихо, жалобно. «Альтаир...»

— Мы нашли там храм. — Альтаир сжал зубы. — Древний, глубже всех, что находили раньше. Подземный комплекс Первых, нетронутый тысячами циклов. Внутри были технологии, которых мы никогда не видели. Кай... Кай думал, что это наш шанс. Что мы станем легендами. Он хотел активировать центральный реактор — думал, что это даст

нам доступ ко всей системе. Мы спорили. Я кричал на него. Но он не послушал.

Альтаир замолчал. Ирис продолжила за него, в её голосе слышалась боль и потеря:

— Реактор запустил цепную реакцию. Храм начал рушиться. Мы бежали. Альтаира ранило. Кай... он был в эпицентре. Джакс пытался его вытащить. Мы кричали им, звали, но своды падали. Последнее, что мы видели — Джакс тащит Кая, а потом потолок рухнул. Мы думали, что они оба погибли.

— Я должен был, — сказал Альтаир. — Проверить. Убедиться. Но храм ушёл под землю. Мы едва выбрались сами. Потом были годы... Я распустил команду. Сказал, что больше никого не поведу за собой. Я возвращался туда постоянно, искал...

— Он винил себя, — сказала Ирис. — За Кая. За Джакса. За всё, что случилось. Он думал, что если бы настоял на своём, если бы был сильнее, всё было бы иначе.

— Но Джакс жив, — тихо сказала Яра. Она смотрела на лежащего человека, на его шрамы, на тёмные вены, и в груди разливалась жалость.

Альтаир поднял глаза и посмотрел на друга.

— Жив. Только это уже не тот Джакс, которого я знал. Прошло почти сорок циклов — Он покачал головой. — Кассиан... он что-то с ним сделал. Эти вены. Это свечение. Это — запрещённые технологии. Я не знаю, зачем Кассиану по-

надобился именно Джакс. Может, он просто попался под руку. А может... Кассиан что-то искал в нём. Что-то, связанное с Зеной. С тем храмом. С тем, что мы там нашли.

— Он кричит про Зену, — заметил Тарен. — Просит забрать его оттуда. Может, он до сих пор там? В смысле — в своих воспоминаниях?

— Возможно, — кивнула Ирис. — Эксперименты Кассиана могли повредить его память. Или он застрял в том моменте. В моменте, когда всё рухнуло.

Джакс снова застонал, и на этот раз его веки дрогнули. Все замерли.

— Альтаир... — прошептал он. — Где ты...

Альтаир склонился над ним, положив ладонь на его плечо. — Я здесь, Джакс. Я здесь. Слышишь?

Веки затрепетали — и он открыл глаза. Мутные, с неестественным синим свечением в глубине зрачков. Он посмотрел на Альтаира, и на его изуродованном лице что-то дрогнуло — не улыбка, но тень узнавания.

— Ты... жив, — выдохнул он хрипло.

— Жив, — ответил Альтаир. — И ты жив. Мы вытащили тебя.

— Зена... я думал... ты не придёшь...

— Я пришёл. Поздно. Но пришёл.

Джакс закрыл глаза, и по его щеке скатилась слеза — единственная, прозрачная, чистая. Секунда — и он снова провалился в беспамятство.

Ирис проверила пульс, приложив пальцы к его шее. — Спит. Уже не бредит.

Альтаир поднялся. Лицо его было каменным, но в глазах, если присмотреться, горела печаль.

— Орион, — сказал он. — Если кто и знает, что с ним делать — то только он. Он обвёл команду взглядом.

— Всею командой лететь нельзя. «Стрелу» ищут. Если за-светимся, Кассиан поймёт. Пойдём втроем: я, Шнырь и Яра. На модуле.

— Почему я? — спросила Яра, чувствуя, как внутри под-нимается дрожь.

— Потому что у тебя навигационный кристалл. И потому что Орион должен тебя увидеть. — Альтаир смотрел на неё в упор. — Твои сны, голос, то, что случилось в узле — он должен знать. Он единственный, кто может понять, что это значит. Яра кивнула.

— Ирис, Тарен и Корвус останутся на «Стреле» с Джак-сом. — Альтаир перевёл взгляд на остальных. — Если что-то пойдёт не так — уходите. Никаких геройств.

— Дождусь, — кивнула Ирис, скрестив руки.

— Я тоже, — добавил Тарен, сжимая в руках инструмент. — Присмотрим за ним. И за кораблём.

— Тогда готовимся, — сказал Альтаир. — Вылетаем че-рез час.

Модуль отделился от «Стрелы» и ушёл в темноту. Ма-ленький, юркий, он был рассчитан на двух-трёх человек и

использовался для коротких вылазок — невидимый для ска-
неров, быстрый, но тесный.

Яра сидела позади Альтаира в узком кресле. Шнырь рас-
положился на приборной панели, транслируя карту с нави-
гационного кристалла — того самого, что дала Илария в До-
ме Знаний. Кристалл пульсировал мягким голубым светом,
указывая путь в горах.

За иллюминатором проплывали звёзды. Настоящие. Бес-
конечно далёкие. Яра смотрела на них и вдруг поймала себя
на мысли, что ей совершенно не страшно. Странно. Совсем
не страшно.

— У вас все так летают? — спросила она, не отрывая
взгляда от звёзд.

Альтаир, не оборачиваясь, ответил: — Что значит «так»?
— Ну... просто. — Яра замялась, подбирая слова. — Сели
в модуль, взлетели, и через минуту ты уже в космосе. Без
подготовки. Без перегрузок. Без страха.

— А должно быть иначе?

— В моём мире люди летают в космос — но это было со-
бытием. — Она покачала головой. — Я читала про астронав-
тов, которые годами ждали своего шанса. Про то, как дрожит
корабль при взлёте, как невесомость пугает и завораживает
одновременно. Никогда не думала, что сама окажусь здесь
— в маленьком модуле, летящем сквозь черноту, и даже не
замечу перехода. Просто вдох — и ты уже в космосе. Как
будто это обычное дело. Как будто так и должно быть.

Альтаир помолчал.

— Это технологии Первых. Мы их не создавали — мы их нашли. И приспособили. Большинство людей даже не задумываются, как это работает.

— А ты задумываешься?

Шнырь, не удержавшись, встрял, переливаясь хитрожёлым:

— Капитан задумывается чаще, чем говорит! Он просто не любит признавать, что ему тоже иногда бывает интересно! Но я-то знаю! Однажды он просидел три часа, разбирая старый гравитационный компенсатор, просто чтобы понять, как Первые добились такой плавности хода! Три часа! Молча! Я думал, он уснул с открытыми глазами!

— Шнырь.

— Молчу! — сфера чуть потускнела, но через мгновение снова вспыхнула. — Но это правда!

Яра улыбнулась и снова посмотрела в иллюминатор. Земля приближалась — огромная, голубая, красивая, с белыми прожилками облаков. Такая знакомая. И такая чужая.

— Странно, — сказала она тихо. — Мне не страшно. Вообще. — Она покачала головой. — Космос, чужой мир, всё это. Как будто я всегда здесь была. Как будто это место знало меня до того, как я пришла.

Альтаир ничего не ответил, но в зеркале заднего вида Яра увидела, как его глаза на мгновение задержались на ней.

Горы вырастали из тумана — серые, покрытые редкой зе-

ленью, которая цеплялась за камни. Модуль опустился на каменную площадку перед входом, мягко коснувшись поверхности. Вход выглядел как обычная скала — серая, потрескавшаяся, поросшая мхом. Но когда они приблизились, камень дрогнул и разошёлся в стороны, открывая коридор, залитый мягким, золотистым светом.

Орион ждал их внутри. Яра ожидала увидеть дряхлого старика — сгорбленного, с трясущимися руками, и потухшим взглядом. Но реальность оказалась совершенно иной.

Орион был высок. Почти ростом с Альтаира. Седые волосы, густые и блестящие, убраны в небрежный, но стильный пучок на затылке. Аккуратная борода, короткая и ухоженная, обрамляла лицо с острыми скулами и живыми, ярко-голубыми глазами, которые смотрели на мир с любопытством, почти детским. Одет он был в лёгкую тунику из ткани, похожей на шёлк, переливающуюся в тусклом свете, поверх которой был накинута жилетка с множеством карманов, набитых инструментами и кристаллами. На носу сидели очки с тёмными стёклами — хотя в пещере было не так уж светло. Он выглядел как человек, который только что вернулся из творческой мастерской, а не из многолетнего заточения в горах. Живой. Энергичный. С лёгкой, чуть ироничной улыбкой на губах.

— Альтаир, — произнёс он глубоким, звучным голосом, который разносился по каменному залу. — Сорок циклов. Сорок. Ты пропадаешь и являешься только тогда, когда тебе

что-то нужно. Я уже начал думать, что ты мёртв. Или, что ещё удивительнее, завёл семью и остепенился.

— Орион, — Альтаир скрестил руки на груди, но в его голосе не было злости. — Ты всё такой же.

— А ты всё такой же ворчливый. — Орион перевёл взгляд на Яру, и его глаза на мгновение расширились. — О! Какая прелесть. Девушка! В твоей компании, Альтаир? Невероятно. Мир точно катится к концу.

— Яра, — представилась она, чувствуя, как её лицо начинает теплеть.

— Яра, — повторил Орион, — Красивое. Древнее. И тебе очень идёт эта куртка. Ирис отдала? Сразу видно её стиль. Она всегда одевалась лучше всех нас.

— Ты и Ирис знаешь? — удивилась Яра.

— Я всех знаю, — Орион лучезарно улыбнулся, и его глаза засветились. — Особенно прекрасных девушек. Проходите, не стойте на пороге. У меня есть чай. Не тот, что в городах — настоящий. Он развернулся и пошёл вглубь пещеры, жестом приглашая их следовать за собой. Яра переглянулась с Альтаиром. Тот лишь покачал головой — мол, я предупреждал, что он странный.

Шнырь, который до этого молча висел у плеча Яры, вдруг ожил и метнулся вслед за Орионом, переливаясь возбуждённым жёлтым.

— Орион! Ты... ты выглядишь иначе! Я помню тебя более... более...

— Старым? — подсказал Орион, не оборачиваясь.

— Я не хотел обидеть! — сфера стала смущённо-розовой.

— Я не обижаюсь, Шнырь. Я просто хорошо сохранился.

В отличие от некоторых, — он покосился на Альтаира. — Ты, кстати, всё ещё таскаешь с собой эту сферу? Я думал, она развалится ещё десяток циклов назад.

— Я не разваливаюсь! — возмутился Шнырь, вспыхивая ярко-жёлтым. — Я в отличной форме! Капитан за мной следит!

— Да? Альтаир следит за тобой? — Орион поднял бровь. — Раньше он не следил даже за собой. Помню, как он однажды три дня ходил с дырой в рукаве, потому что «некогда было поменять». Три дня, Шнырь!

— Я помню! — радостно подхватила сфера. — Я пытался ему сказать, а он говорил: «Отстань».

— Отстань, — Орион хмыкнул. — Классический Альтаир.

— Я всё ещё здесь, — сухо напомнил Альтаир, но в его голосе послышалась едва заметная усталость.

— Мы знаем, — Орион даже не обернулся. — Поэтому и говорим.

Яра не смогла сдержать улыбку. Ей нравился этот странный старик. Он был... настоящим. Не таким, как большинство в этом мире — серьёзные, сдержанные, вечно настороже. Он шутил, подкалывал, и от этого становилось легче. Они вошли в круглую комнату, заставленную стеллажами с

кристаллами, свитками и древними артефактами. В центре стоял низкий столик, окружённый подушками. Орион опустился на одну из них и жестом пригласил остальных.

— Чай, — сказал он, разливая дымящийся напиток в глиняные чашки. — И рассказывайте. Всё. Особенно про тебя, Яра.

Он снял очки, протёр их краем туники и водрузил обратно на нос. Его ярко-голубые глаза смотрели на неё с интересом — не враждебным, не оценивающим, а искренним, почти детским.

— Ты пахнешь иначе, — сказал он, принюхиваясь. — Как поляна после дождя. Как трава на рассвете. Очень древний запах. Я такие вещи чувствую. Давно не встречал.

— Чувствуете? — уточнила Яра, сжимая тёплую чашку в ладонях.

— Не просто эмоции. — Орион покачал головой. — Я чувствую... эхо. Отголоски. Очень интересно.

Альтаир опустился на подушку рядом с Ярой и взял чашку с дымящимся чаем. Его пальцы сжались на обжигающей глине, но он не поморщился.

— Рассказывай, — сказал он Яре. — С самого начала.

И она рассказала. Про свой мир — серый, шумный, с его смартфонами и интернетом, с его суетой и одиночеством. Про лес, в котором очнулась. Про поляну, на которой стояла. Про то, как закрыла глаза в одном месте, а открыла — в другом. Про женщину с белыми волосами, которая прихо-

дит во сне и говорит: «Земля помнит. И я помню». Про волну, которая приняла её, как будто ждала. Про узел, который активировался от её прикосновения. Орион слушал молча, не перебивая, не задавая вопросов. Когда она закончила, он долго сидел, глядя в свою чашку, где дымка поднималась к потолку.

— Интересно, — сказал он наконец, поднимая глаза. — Очень интересно.

— Что? — спросила Яра с нетерпением.

— Всё. Твой мир. Твои сны. То, что технологии Первых реагируют на тебя. — Он посмотрел на неё поверх очков, и его глаза стали серьёзными. — Ты не просто попаданка, Яра. Это ясно. Но кто ты — я пока не понимаю. Ты связана с Первыми — это несомненно. Но как именно — загадка.

— Загадка, которую мы разгадаем, — сказал Альтаир, и в его голосе послышалась уверенность.

— Разгадаем, — согласился Орион. — Но не сегодня. Сегодня — чай. И отдых. Вы проделали долгий путь. Он отпил из чашки и посмотрел на Альтаира.

— А ты Расскажи мне про себя. Что случилось? Почему ты пропал на сорок циклов? Я уж думал, ты забыл старика.

— Я не забывал, — буркнул Альтаир, отводя взгляд. — Просто... не хотел беспокоить.

— Беспокоить? — Орион поднял бровь. — Альтаир, я живу один в пещере. У меня единственное развлечение — старые кристаллы и голограммы. И ты думаешь, что мог бы

меня побеспокоить? Ты серьёзно? Альтаир промолчал, сжав челюсть.

— Он винил себя, — тихо сказала Яра, чувствуя, как слова даются с трудом. — За то, что случилось на Зене. За брата. За Джакса, которого мы нашли.

Орион перевёл взгляд на Альтаира, и его улыбка погасла. — Джакс? Джакс жив?

— Да, — ответил Альтаир. — Мы нашли его в катакомбах под зданием Совета. Кассиан держал его там. Он... он не в себе. Тёмные вены, синее свечение в глазах. Запрещённые технологии. Регенератор не берёт. Мы не знаем, что с ним.

Орион помолчал. Потом медленно снял очки и потёр глаза.

— Кассиан, — сказал он, и в его голосе послышалась глухая ярость. — Я знал, что он опасен. Но чтобы такое... — Он поднял взгляд на Альтаира. — Ты правильно сделал, что пришёл. Я посмотрю на Джакса, когда вы привезёте его сюда. Может быть, смогу помочь. Но эти технологии... они древнее, чем всё, с чем я работал. Я ничего не обещаю.

— Я знаю, — сказал Альтаир. — Но попробовать стоит.

— Стоит, — согласился Орион. — Обязательно стоит. Он снова надел очки и отпил чай.

— А теперь, — сказал он, — расскажи мне про Кассиана. Что он спрашивал? Чего хотел?

— Он ищет какой-то предмет, — ответил Альтаир. — Древнюю технологию. Я не знаю, что именно. Он говорил

загадками.

— Предмет, — задумчиво повторил Орион. — Интересно, какой именно. У Первых было много технологий. Некоторые — опасные. Очень опасные. Если Кассиан ищет одну из них... — он покачал головой.

— Мы должны найти её первыми, — закончил Альтаир.

— Именно, — кивнул Орион. — Но для этого нужно знать, что именно он ищет. И зачем. Он посмотрел на Яру, и в его глазах мелькнула какая-то мысль — быстрая, неуловимая. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом передумал.

— Ладно, — произнёс он, поднимаясь и отряхивая тунику. — На сегодня хватит разговоров. Вы устали. Я покажу вам комнаты. Завтра продолжим.

Яра и Альтаир поднялись. Шнырь, который всё это время тихо парил под потолком, оживился и закружился вокруг Ориона.

— Комнаты? У тебя есть комнаты? Настоящие? С кроватями?

— С кроватями, — подтвердил Орион. — С подушками и одеялами. Я не дикарь, Шнырь.

— Он меня удивляет! — прошептал Шнырь Яре, переливаясь изумлённым синим. — Каждый раз удивляет!

Орион провёл их по коридору, стены которого были покрыты гобеленами с древними узорами — спиралями и звёздами, — и остановился у двух дверей, вырезанных в скале.

— Это тебе, Яра, — он указал на одну. — Это тебе, ворчливый охотник, — на другую.

— Спасибо, — сказала Яра, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Отдыхайте, — Орион улыбнулся и пошёл обратно, но у входа в главную комнату остановился и добавил: — Кстати, Яра. Твоя волна. Она золотистая?

— Да, — ответила она, касаясь рукояти на поясе. — Откуда вы...

— Я чувствую, — сказал он. — Золотой цвет — это редкость. Очень большая редкость. — Он помолчал, глядя на неё поверх очков. — Спокойной ночи.

И скрылся за поворотом. Яра осталась стоять в коридоре, чувствуя, как её сердце бьётся чуть быстрее обычного. Альтаир, уже взявшийся за ручку своей двери, обернулся. В его взгляде висела недосказанность...

— Не думай об этом. Просто отдыхай.

— Легко сказать, — ответила она, чувствуя, как в голове появлялись один вопрос за другим.

— Знаю. Но попробуй. Он скрылся в своей комнате. Яра постояла ещё мгновение, потом вошла в свою и закрыла дверь.

Комната была небольшой, но уютной. Кровать, покрытая мягким одеялом, которое пахло травами и древностью. Маленький столик с кристаллом-светильником, излучающим тёплый, золотистый свет. На стене — гобелен с древним узо-

ром: спирали и звёзды, вышитые серебряной нитью. Она легла на кровать и уставилась в потолок, где играли тени от кристалла. Завтра они продолжат. Завтра будет новый день. Закрыла глаза и провалилась в сон — без сновидений, без голов. Просто в темноту. Спокойную. Тихую. Долгожданную.

Яра проснулась рано. Девушке потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, где она. Не на «Стреле». Не в лесу. В комнате — маленькой, уютной, вырезанной в скале. Стены мягко светились, как будто в них был вплетён свет.

Она оделась, сунула рукоять волны в петлю на поясе и вышла в коридор. В главной комнате горел свет, пахло чаем и чем-то сладким, похожим на мёд и сухие травы. Орион уже сидел за низким столиком, скрестив ноги. Перед ним стояли две чашки, из которых поднимался пар.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь. — Я чувствовал, что ты проснёшься первой. Альтаир всегда спит дольше, чем нужно. Особенно, когда был моложе.

Яра опустилась на подушку напротив него. Подушка была мягкой, тёплой, как будто её только что согрели. — Вы не спите?

— Я сплю мало, — Орион пододвинул к ней чашку. — Возраст. Или привычка. Или и то, и другое. Пей. Это мой особый сбор. Из трав, которые растут только на одной горе в этой части Ориена.

Яра взяла чашку. Чай был горячим — обжигающим пальцы, — терпким, с нотками незнакомых специй, которые щи-

пали язык. Но вкус был приятным, глубоким.

— Вы расскажите о Первых, — сказала она, отпивая глоток. — Вчера вы говорили, что они были развитой цивилизацией. Но почему все только о них и говорят? Почему всё, что есть у вас — технологии, оружие, города — всё от них? Вы не создали ничего своего?

Орион отпил чай и задумчиво посмотрел на неё.

— Первые были не просто развитой цивилизацией. Они были вершиной. Они научились путешествовать между звёзд, когда мы, нынешние, ещё не умели добывать огонь. Они строили города, которые жили в гармонии с природой — не разрушали, а встраивались в неё. Они создали технологии, которые мы до сих пор не понимаем — мы только находим их, чиним, приспособливаем. Они победили болезни. Старость. Саму смерть, в каком-то смысле. Они жили сотни циклов. Некоторые — тысячи Представляешь?

Яра кивнула, чувствуя, как по спине пробегает холод. — А потом они исчезли. Почему?

Орион тяжело вздохнул. — Ты когда-нибудь слышала о зОлах?

— Нет.

— Неудивительно. О них не любят говорить. — Он помолчал, глядя в чашку. — Это древняя раса. Очень древняя. На равне, а возможно древнее Первых. И они... они были другими. Не просто врагами. Паразитами. Он поднял глаза на Яру, и в них была глубокая, давняя боль.

— Представь существо, которое выглядит почти как ты. Две руки, две ноги, лицо. Кожа серая, пепельная, как зола. Кровь чёрная, густая. Зола не нападала в открытую — нет. Они проникали. Медленно. Незаметно. Они могли жить в чужой цивилизации сотни циклов. Вступать в браки. Рожать детей. Их потомство было неотличимо от местных — ни по виду, ни по крови. Только где-то глубоко внутри, в генетическом коде, оставалась частица Золов. Ждущая. Дремлющая. Орион сделал глоток чая, и его голос стал тише.

— А потом они начинали действовать. Не оружием. Не войной — по крайней мере, не своей. Они умели провоцировать. Манипулировать. Нашёптывать. Две могущественные семьи ссорились. Два государства начинали конфликт. Две планеты втягивались в войну. А Зола стояли в стороне и питались. Энергией. Хаосом. Разрушением. Это была их пища, Яра. Война, ненависть, страх — они поглощали это, становились сильнее, жили веками, передавали свою сущность из поколения в поколение. Так гибли цивилизации.

Яра слушала, чувствуя, как внутри всё холодеет, как пальцы сжимают горячую чашку, но не чувствуют тепла.

— Первые боролись с ними. Они создали системы обнаружения. Но те возвращались. Меняли облик. Проникали снова. Бесконечная война, которую нельзя было выиграть.

— И что случилось? Почему Первые исчезли?

Орион долго молчал, глядя вперед.

— Никто не знает точно, — сказал он наконец. — Четверо

Королей-Основателей — Ориен, Окцид, Мерид и Септен — собрали остатки своих народов и бежали сюда, в Солнечную систему. Пустую. Ничью. Они построили то, что у нас есть сейчас. Создали законы. Касты. Мир без войн. Они правили долго — очень долго. А потом... пропали. Просто исчезли. Никто не знает, почему. Может, Золы добрались и до них. Может, что-то другое. Но после их исчезновения всё пошло не так. Он снял очки и потёр глаза.

— Знания стали уходить. Медленно, но неумолимо. Все храмы Первых, все их центры, все записи — кто-то уничтожил. Не просто стёр — именно уничтожил. Как будто кому-то было важно, чтобы мы забыли. Кто это сделал? Золы? Или кто-то из нас самих? Я не знаю. Я искал ответы всю свою жизнь — пятьсот с лишним циклов. И нашёл только обрывки. То, что ты видела в узле. То, что я храню здесь, в этих кристаллах. Обрывки.

Яра смотрела на него, ей стало печально.

— Но ты не случайно здесь, — сказал Орион, глядя ей прямо в глаза. — Твоя кровь, твои сны. Это не совпадение. Ты — часть разгадки. Может быть, самая важная часть. И мы узнаем, почему ты здесь. Обещаю.

Повисла тишина. Чай остывал в чашках. Где-то в коридоре раздались шаги — тяжёлые, уверенные. Альтаир проснулся.

Альтаир остановился в коридоре, не доходя до входа в главную комнату. Он слышал голоса — Яры и Ориона — и

не хотел прерывать. Не потому, что подслушивал. А потому, что разговор был... важным. И личным.

Он прислонился плечом к стене, чувствуя холод камня сквозь ткань, и слушал.

— А какой была твоя жизнь до этого? — спросил Орион.

Пауза. Потом голос Яры — спокойный, но казалось, что она вот вот расплачется:

— У меня была семья. Родители. Друзья. Я не знаю, что они думают сейчас. Может, считают, что я погибла. Может, ищут меня до сих пор. Я не могу им даже сообщить, что жива.

— Ты скучаешь по дому? Долгая пауза.

— Я скучаю по маме. Это самое трудное. Не космос, не чужие люди, не опасность. А то, что она не знает.

Альтаир замер. Что-то в её голосе — сдержанная боль, которую она не позволяла себе показать, — зацепило его. Он тоже потерял близких. Он тоже помнил и вспоминал их каждую ночь.

Капитан оттолкнулся от стены и вошёл в комнату. Яра подняла на него глаза — слегка покрасневшие, но сухие. Он опустился на подушку рядом с ней, чувствуя тепло плеча девушки.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила она.

Они смотрели друг на друга, и секунда растянулась в нечто большее — тишина наполнилась теплом и понимани-

ем...

И тут между ними, буквально втиснувшись в пространство, возник Шнырь. Он вылетел откуда-то из-за спины Альтаира и завис ровно посередине, на уровне их глаз. Сфера была ярко-розовой.

— Ой, — сказал он, медленно переливаясь. — Вы так смотрите... мне как-то неловко.

Яра моргнула и слегка покраснела. — Шнырь, мы не...

— Нет-нет, я понимаю! — перебил он, загораясь золотым. — Я прекрасен. Я умён. Я переливаюсь. Трудно ответить взгляд.

Альтаир медленно прикрыл глаза и глубоко вздохнул. — Шнырь.

— Да, капитан?

Яра не выдержала и рассмеялась — легко, искренне, чувствуя, как напряжение уходит из плеч. Орион за её спиной откровенно хохотал, даже не пытаясь скрыть веселья.

— Ты испытываешь мое терпение, — сказал Альтаир, и слегка улыбнулся.

Яра, всё ещё смеясь, покачала головой. — Ладно, Шнырь. Ты нас поймал.

— Я знал! — сфера вспыхнула ярко-жёлтым и закружила под потолком, оставляя след из радужных искр. — Я всегда знал! Я неотразим! Орион, ты слышал? Они подтвердили!

— Я слышал, — ответил Орион, вытирая слезу. — И я горжусь тобой.

— Спасибо! — Шнырь уселся на подушку между Альтаиром и Ярой, гордый и счастливый, переливаясь тёплым золотым.

Альтаир посмотрел на Яру поверх сферы. Она всё ещё улыбалась, и эта улыбка делала её лицо мягче. — Ладно, — сказал он. — Чай ещё остался?

— Остался, — ответил Орион, всё ещё посмеиваясь. — И истории тоже.

— Тогда продолжаем.

Смех ещё не успел утихнуть, а Шнырь всё ещё переливался гордым золотым, когда на запястье Альтаира вспыхнул браслет связи. Короткий сигнал — срочный вызов.

Капитан мгновенно стал серьёзным. Он коснулся браслета, и над ним развернулась голограмма — лицо Ирис. Она была напряжена. В глазах — тревога, которую она пыталась скрыть за деловым тоном, но Яра видела: она боится.

— Альтаир. У нас ситуация.

— Что случилось?

— Джакс очнулся. Час назад. — Ирис говорила быстро, отрывисто. — Он говорил — бессвязно, но осмысленно. Назвал меня по имени. Спросил, где ты. А потом... затих. Сидит на койке и смотрит в одну точку. Не двигается. Почти не дышит. Но его глаза...

— Что с глазами?

— Синее свечение стало ярче. Пульсирует в такт сердце-

биению. Корвус говорит, это похоже на активацию — технология Кассиана начала работать. Мы не знаем, что будет дальше. Может, он просто уснёт. А может...

Она не закончила. Альтаир переглянулся с Орионом. Старик уже не улыбался — он был собран и серьёзен.

— Вы в безопасности? — спросил Альтаир.

— Пока да. Он не агрессивен. Просто сидит.

— Тогда слушай меня. — Не приближайтесь к нему. Тарен знает, как заблокировать медотсек — пусть сделает это сейчас. И... Ирис, если он начнёт представлять угрозу — отключите его. У вас есть препараты в аптечке. Вколите двойную дозу. Пусть поспит до нашего возвращения.

Ирис помолчала. — Ты уверен?

— Уверен. Мы не знаем, что с ним сделали. Если это активация — лучше, чтобы он был без сознания, пока Орион его не осмотрит.

Поняла. Сделаем.

— Мы возвращаемся. Орион с нами.

— Орион? — Ирис на мгновение потеряла свой деловой тон, и в её голосе послышалось удивление. — Старик всё-таки вылез из своей пещеры?

— Я не старик, — раздался голос Ориона, который заглянул в кадр, его лицо появилось рядом с лицом Альтаира. — Я Орион. И я в прекрасной форме. Ты все еще носишь тот прекрасный браслет, который выторговала в Велеграде?

Ирис моргнула, и в её глазах мелькнула тень улыбки.

— Ты помнишь это?

— Я помню всё. Особенно прекрасных девушек, которые умеют торговаться.

— Орион, — перебил Альтаир. — Сейчас не время.

— Для воспоминаний всегда время, — невозмутимо ответил тот, поправляя очки.

— Мы вылетаем через десять минут, — сказал Альтаир в браслет. — Держитесь.

— Держимся, — ответила Ирис. — Поторопитесь.

Голограмма погасла. Альтаир повернулся к Яре и Ориону. — Собираемся. Быстро.

Орион поднялся. — Я возьму кое-какие приборы. Если Кассиан действительно вживил в твоего друга запрещённые технологии, нам понадобится всё, что у меня есть.

Он скрылся в соседней комнате. Яра подошла к Альтаиру, чувствуя тревогу — Думаешь, Кассиан знает, что мы здесь?

— Нам нужно убраться отсюда до того, как... Он не договаривал.

Где-то снаружи, за толщей скалы, глухо ухнуло. Пол под ногами дрогнул, по стенам пробежала дрожь. С потолка посыпалась каменная крошка, ударив по плечам. Второй удар — ближе, сильнее, так что чашки на столе подпрыгнули. Третий — совсем рядом.

Шнырь взвился под потолок, становясь тревожно-красным. — Капитан! Это взрывы! Боевые заряды! Кто-то атакует убежище!

Альтаир уже был на ногах, его рука сжалась на рукояти волны. — Кассиан, — сказал он сквозь зубы. — Нашёл. Быстрее!

Орион выскочил из соседней комнаты с сумкой, набитой кристаллами и приборами, которые звенели и переливались. На нём теперь был плотный дорожный плащ поверх жилета.

— Защитное поле пока держит, — сказал он быстро, подходя к ним, — но оно не рассчитано на прямой обстрел. У нас есть минута, может, две.

— Уходим через запасной выход, — Альтаир схватил Яру за руку — крепко, горячо — и потянул за собой. — Орион, веди.

Старик кивнул и двинулся вглубь пещеры — не наружу, а в противоположную сторону, в узкий коридор, который Яра раньше не заметила. Стены здесь были грубее, пол неровный, каменный, с острыми выступами. Коридор петлял и уходил куда-то в темноту, откуда тянуло холодом и сыростью.

— Куда он ведёт? — спросила Яра, стараясь не отставать, чувствуя, как сердце колотится в груди.

— К старой посадочной площадке, — ответил Орион на ходу, не оборачиваясь. — Ею не пользовались. Но она ещё работает. Надеюсь.

Сзади снова ухнуло — на этот раз громче, ближе. Часть потолка в главной комнате обрушилась с глухим рокотом. Яра оглянулась и увидела, как в дыму мелькают лучи фона-

рей. Стражи. Они проникли внутрь.

— Быстрее! — крикнул Альтаир, сжимая её руку.

Они побежали. Шнырь летел впереди, освещая путь тревожным синим, и его свет выхватывал из темноты неровные стены, покрытые паутиной. Коридор кончился внезапно — массивной дверью, которая открылась сама, едва Орион коснулся панели.

За дверью была площадка — небольшая, скрытая в скале, с ржавыми опорами. Модуль стоял там же, где они его оставили. Целый. Ждущий.

— В модуль! — скомандовал Альтаир.

И тут рвануло.

Ударная волна ударила в спину — горячая, плотная.. Яру оторвало от земли и швырнуло вперёд, к стене. Она даже не успела вскрикнуть — только увидела, как стремительно приближается каменная поверхность, а потом вспышка боли в затылке — и темнота.

Последнее, что она запомнила — как чьи-то руки подхватили её, сильные, надёжные. Альтаир. Он что-то кричал, но слов она уже не разбирала. Только голос. Только тепло.

А потом — ничего.

Шнырь, висевший над ней в модуле, продолжал что-то встревоженно тараторить, но Яра уже не слышала. Модуль рванулся в небо, уходя от погони, его двигатели взвыли на предельной мощности. Орион склонился над ней, проверяя пульс, его лицо было сосредоточенным. Альтаир вёл корабль

— молча, сжав зубы, не оборачиваясь. Его пальцы сжимали штурвал так, что вот-вот сломается.

Глава 4. Марс

Первое, что почувствовала Яра — головную боль. Тупая, пульсирующая, зарождающаяся где-то в затылке, и волнами расходилась к вискам. Девушка попыталась вспомнить, что случилось, но память отвечала обрывками: оглушительный взрыв, крик Альтаира, падение... темнота. Она лежала в небольшом медицинском отсеке на койке. Тусклый свет лился с потолка — мягкий, голубоватый. В воздухе витал запах антисептика, смешанный с ароматом трав, которые Орион использовал для своих настоек. Где-то вдалеке монотонно гудели корабельные системы.

— Альтаир? — едва слышно произнесла она, чувствуя, как пересохло в горле.

Ответа не последовало. Тишина нарушалась лишь мерным гулом оборудования и периодическим писком прибора, фиксирующего сердечные ритмы.

— Шнырь? — снова окликнула Яра, но безрезультатно.

Никто не отозвался. Только тихое гудение корабельных систем да мерный писк какого-то прибора, отсчитывающего удары сердца. Яра осторожно села, поморщившись от боли. Мир вокруг на мгновение закружился. Ей пришлось крепко вцепиться в край койки, чтобы не потерять равновесие. Она огляделась. Медотсек был небольшим: две койки, стеллаж с медикаментами, приборы на стенах. На соседней койке кто-

то лежал. Неподвижно.

Джакс.

Сердце Яры забилося чаще, она замерла на мгновение, а затем, стараясь двигаться бесшумно, приблизилась к нему.

Орион явно поработал над ним. Лицо, которое раньше было сплошным кровоподтёком, теперь выглядело... человеческим. Черты проступили: высокий лоб, прямой нос, волевой подбородок. Но шрамы остались — несколько тонких, рваных по краям лица, уходящих к вискам, и один, самый заметный, ровный, пересекающий щёку от скулы до подбородка. Словно кто-то провёл линию скальпелем.

Девушка перевела взгляд на его руки, лежащие поверх одеяла. От запястий к локтям тянулись тёмные вены — не выпуклые, но заметные, неестественно тёмные, пульсирующие медленным, ритмичным биением. Чёрная кровь? Или что-то иное? Протянув руку, сама не зная зачем. Пальцы коснулись тёмной линии на его предплечье. Кожа была прохладной, но под ней чувствовалось движение — живое, чужое. И в тот же миг глаза Джакса открылись.

Синее свечение в зрачках вспыхнуло ярче, заполнив их целиком, как два маленьких солнца. Его рука сжалась на запястье Яры — быстро, сильно, неожиданно для человека, который только что лежал без сознания. Хватка была сильной, пальцы ледяные.

— Кто ты? — голос был хриплым, низким, чужим — не человеческим.

Яра застыла, ощущая, как учащённо бьётся сердце, но из всех сил старалась сохранить самообладание, не выдать своего страха.

— Моё имя — Яра, — произнесла она ровным голосом, хотя внутри всё трепетало. — Я друг Альтаира.

Джакс не сводил с неё взгляда. В его глазах, словно в глубине океана, пульсировало синее свечение — размеренно, неторопливо. Вдруг в чертах его лица что-то дрогнуло: промелькнули отголоски узнавания, смешанные с нотой страдания. Он разжал пальцы, высвобождая её руку, и неторопливо опустил на койку.

— Альтаир, — повторил он глухо, и голос его стал более человеческим. — Друг Альтаира...

Мужчина потёр лицо ладонями, — и вдруг усмехнулся. Хрипло, невесело, с горечью.

— Друг Альтаира — значит, и мой друг. Так у нас было. Когда-то. В другой жизни.

— Это и сейчас так, — сказала Яра, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнула тень — то ли благодарности, то ли сожаления.

— Добрая, — сказал он. — Зря. Не все друзья Альтаира — хорошие люди.

— Ты хороший.

— Ты меня не знаешь.

— Узнаю, — ответила она, глядя ему прямо в глаза.

Он замер, вглядываясь в её лицо, и синева в его глазах постепенно утрачивала резкость, становилась более приглушённой. Но внезапно его облик исказился, словно от внутреннего потрясения: синее сияние вспыхнуло с новой силой, наполнив пространство пронзительным холодным светом. Кулаки непроизвольно сжались, а под кожей запульсировали, вздуваясь, тёмные вены.

— Нет, — прошептал он, и голос его изменился — стал жёстким, чужим, как у того, кто не принадлежит себе. — Ты не понимаешь. Друг Альтаира — это враг. Альтаир бросил меня. Оставил там. На Зене.

— ОН БРОСИЛ МЕНЯ! — закричал мужчина, вскакивая с койки, и Яра отшатнулась, но не успела.

Джакс железной хваткой вцепился в горло Яры. С лёгкостью, которая пугала своей неестественностью, он оторвал её от пола и припёр к стене. Яра отчаянно вцепилась в его запястье, пытаясь освободиться, но его пальцы казались стальными — никак не получалось их разжать.

— Джакс... — прохрипела она, задыхаясь, чувствуя, как воздух уходит из лёгких. — Ты... не такой... Альтаир... искал тебя...

— Ложь! — выкрикнул он, и синее свечение заполнило его глаза целиком, превратив их в два холодных, безжизненных камня. — Все вы лжёте!

Перед глазами Яры поплыли тёмные пятна, в ушах зашумело. Она пыталась позвать на помощь, но из горла выры-

вался только хрип — слабый, беспомощный.

И вдруг дверь медотсека с оглушительным грохотом распахнулась

Альтаир влетел в отсек. Одно мгновение — оценить ситуацию. Второе — удар. Точный, в висок, с такой силой, что голова Джакса мотнулась в сторону.

Мужчина обмяк и рухнул на пол. Яра сползла по стене, хватая ртом воздух, чувствуя, как лёгкие разрываются от жадных глотков. Горло горело, во рту был металлический привкус. Перед глазами всё ещё плыло.

Альтаир уже был рядом. Он опустил на колени, взял её за плечи — крепко, но осторожно.

— Не пострадала? — коротко спросил он, пристально глядя ей в глаза.

— Нет, — прохрипела Яра, потирая горло. — Почти.

В дверях появился Орион. Он быстро оценил обстановку: Джакс без сознания на полу, Яра с синяками на горле, Альтаир на коленях рядом с ней. Старик вздохнул, поправляя очки.

— Ну вот, — закачав головой. — А я только начал приводить его в порядок. Теперь придётся начинать заново. И, кажется, нам нужно серьёзно поговорить о технике безопасности на корабле.

— Позже, — отрезал Альтаир, поднимаясь. — Помоги мне перенести его на койку. И зафиксируй. Надёжно. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Орион кивнул и склонился над Джаксом, достав из сумки какие-то приборы. Яра смотрела на лежащего без сознания человека — на его шрамы, на тёмные вены, на лицо, которое только что было искажено яростью, а теперь казалось почти мирным.

— Он не виноват, — тихо сказала Яра, чувствуя, как в груди разливается жалость. — Это не он. Это то, что с ним сделали.

Альтаир помолчал, глядя на друга. — Знаю. Но это не делает его менее опасным.

Капитан поднялся и протянул руку. Яра взялась за его ладонь — тёплую, мозолистую, — и встала. Колени всё ещё дрожали, но она держалась.

Девушка пришла в себя быстро. Орион осмотрел — сотрясения нет, просто ушиб. Синяк на затылке будет болеть пару дней, но ничего серьёзного. Старик нанёс какую-то прохладную мазь, пахнущую травами и мятой, и велел больше отдыхать.

Яра не послушалась. Через час она уже стояла в грузовом отсеке «Стрелы» — небольшом, но достаточно просторном, чтобы двигаться. Ирис, скрестив руки, прислонилась к стене, наблюдая. Альтаир стоял чуть поодаль, удивленный её решимостью.

— Ты уверена? — спросила Ирис, приподняв бровь.

— У меня нет сотрясения, — ответила Яра, чувствуя, как на лбу выступает пот. — Орион сказал — просто ушиб. Я в

порядке. Вы все умеете сражаться, а я такая слабая... Не могу постоять за себя и не выдержу и пяти минут в бою...

Ирис усмехнулась и покачала головой. — Ладно. Если ты такая упрямая — начнём. Доставай волну.

Яра вытащила рукоять из петли на поясе. Волна привычно завибрировала в ладони, — и через секунду в воздухе вспыхнуло золотистое лезвие, мерцающее. Ирис оттолкнулась от стены и вытащила свою волну. Её лезвие было синим, холодным, с резкими краями. Она встала напротив Яры, чуть согнув колени.

— Базовое правило: волна — не просто меч. Это продолжение тебя. — Ирис говорила спокойно, но внимательно. — Она чувствует твой страх. Твою неуверенность. Она знает, когда ты сомневаешься. Не давай ей повода.

Яра кивнула, сжимая рукоять. Внутри неё дрожал страх — мелкий, противный, но она заставила себя сделать вдох.

— Рукоять держи крепко, но не сжимай до побеления — пальцы должны быть живыми, — продолжала Ирис. — Готова?

— Готова.

Ирис атаковала.

Быстро. Резко. Без предупреждения. Яра едва успела блокировать — золотое лезвие встретило синее, и от удара по руке прошёл осязаемый импульс, заставивший её отступить на шаг.

— Неплохо, — сказала Ирис. — Но ты опаздываешь. Вол-

на чувствует атаку раньше, чем ты её видишь. Доверяй ей. Не думай — чувствуй.

Она атаковала снова. И снова. Яра блокировала, отступала, уклонялась. Пару раз пропустила лёгкие касания — Ирис была не в полную силу, но чувствительно, оставляя красные полосы на руках. В груди горело, в висках стучало, но она не останавливалась.

— Стоп, — раздался голос Альтаира. Он подошёл ближе уверенными шагами.

— Ты держишь её как инструмент, — сказал он Яре, глядя на её руки. — Как будто это что-то отдельное от тебя. Это ошибка.

— А как надо? — спросила она, чувствуя, как пот заливает глаза.

— Дай сюда.

Она протянула ему волну. Рукоять в его ладони на мгновение потускнела, но потом снова загорелась — волна признала его, хоть и не так охотно, как Яру. Золотистое лезвие стало длиннее, уже, приобрело более резкие очертания.

— Смотри. — Он встал в стойку — плавно, естественно, как будто волна всегда была частью его тела. — Это часть твоего тела. Как рука. Как дыхание. Ты не думаешь, как сделать вдох. Ты просто дышишь. Так же и с ней. Когда ты перестаёшь думать — она начинает слушаться по-настоящему.

Он сделал плавное движение — лезвие описало дугу, оставляя в воздухе золотистый след. — Попробуй.

Яра взяла клинок обратно. Закрыла глаза на секунду. Почувствовала тепло рукояти в ладони. Мерцание лезвия, которое было словно продолжением её собственного дыхания. Она сжала пальцы — не слишком сильно, как учили, — и сделала шаг вперёд. Лезвие двинулось вместе с ней — не как инструмент, а как часть движения, как её собственная тень.

— Лучше, — сказал Альтаир, и в его голосе послышалось одобрение.

Ирис хмыкнула, скрестив руки. — У тебя талант, Яра. Обычно на это уходят недели. А у тебя — два часа.

— У меня хорошие учителя, — ответила она, слегка улыbnувшись.

Шнырь, который всё это время висел под потолком и наблюдал, не выдержал и спикировал вниз, закружив вокруг Яры:

— Это было прекрасно! Искра, ты сражалась как настоящий воин! А капитан сказал «лучше» — это высшая похвала! Обычно он говорит «неплохо» или «сойдёт». «Лучше» — это прорыв! Я запишу это в архив!

— Шнырь.

— Молчу! — сфера отлетела к потолку. — Но я записал!

Альтаир смотрел на Яру, с видимым равнодушием, однако её улыбка и взгляд пробуждали в нём странное волнение, от которого сердце начинало биться быстрее. Это ощущение было ему чуждо и вызывало почти беспокойство, словно тень тревоги и потери омрачала душу.

— Продолжай тренировки. Через пару дней будешь готова к настоящему бою.

— Я уже была в настоящем бою, — напомнила девушка с нотками гордости в голосе.

— Это была удача. — Он покачал головой. — А удача имеет свойство заканчиваться. Умение — остаётся.

Он развернулся и вышел из отсека.

Такие тренировки стали ежедневными для Яры. Им пришлось прятаться несколько месяцев, скрываясь в поясе астероидов, пока всё не уляжется. Каждый день она выходила в грузовой отсек, брала волну в руки и училась. Училась доверять себе. Училась не бояться.

Через час после очередной тренировки команда собралась в главном отсеке. Яра сидела на полу, скрестив ноги, чувствуя, как ноют мышцы. Альтаир стоял у пульта, его лицо было сосредоточенным. Ирис и Тарен сидели на ящиках. Корвус стоял в углу. Орион — на подушке, которую принёс с собой.

— Итак, — начал Альтаир. — Что мы знаем? Кассиан ищет нас. У него есть Стражи, ресурсы Короны и доступ к технологиям Первых. Он нашёл убежище Ориона — значит, у него есть способы отслеживания, о которых мы не знаем. Мы не можем просто вечно прятаться — он найдёт. Нам нужно что-то, что даст преимущество. Информация. Союзники. И время.

— Где мы можем найти ответы? — спросила Яра?

Орион задумчиво посмотрел в иллюминатор. — Есть два места, где сохранились древние центры Первых. Один — на Марсе. Другой — на Зене.

— Марс, — повторила Яра. — Марс обитаем?

Тарен удивлённо посмотрел на неё, но тут же вспомнил всю историю.

— В моём мире — Красная планета. Пыльные бури. Ни воды, ни жизни. Мы отправляли туда роботов — они присылали снимки. Камни. Песок. Холод.

Тарен покачал с пониманием головой — У нас иначе. Марс — водная планета. Три больших материка, остальное — океаны и пустыня. Там есть города колонистов — потомков первых заселивших. Они живут там уже тысячи циклов. У них свои законы, свои традиции. Они не слишком любят Корону — держатся особняком.

— Живой Марс, — прошептала Яра, пытаясь представить. — С океанами. С городами. В это трудно поверить.

— Поверишь, когда увидишь, — усмехнулась Ирис. — Я там была много раз. Красиво. Особенно закаты — в небе два солнца, большое и маленькое, и вода отражает оба. Местные называют маленькое Искра или Маяк.

Шнырь оживился, закружив под потолком: — Как тебя, Искра! Слышишь? У тебя есть тёзка на Марсе! Звезда!

— Это искусственное светило, — пояснил Орион. — Первые создали его, когда терраформировали планету. Оно меньше настоящего Солнца, но даёт достаточно тепла. Без

него Марс был бы холодной пустыней — возможно, такой, как в твоём мире.

Яра невольно улыбнулась, ей нетерпелось это увидеть.

— Итак, — продолжил Альтаир. — Марс. Там мы можем спрятаться на время. Колонисты не слишком жалуют Корону — у них свои порядки. А заодно поищем древний центр.

— Я знаю, где он, — сказал Орион. — Приблизительно. Старые карты указывают на восточный материк, в глубине континента. Там должен быть храм. Или лаборатория. Что-то, связанное с исследованиями.

— Исследованиями чего? — спросила Яра.

— Золов, — ответил Орион, и его голос стал серьёзным. — Первые искали способ противостоять им. Изучали их. Возможно, там сохранились записи. И возможно, там мы найдём ответ — почему ты здесь, Яра.

— И как нам туда попасть? — спросил Тарен. — У нас нет связей на Марсе.

— У меня есть, — неожиданно подал голос Корвус.

Все повернулись к нему. Контрабандист сидел в своём углу, как обычно — тихо, незаметно, — но теперь его глаза блестели в полутьме.

— Я работал с марсианскими колонистами, — сказал он, и его голос был ровным, без эмоций. — Перевозил грузы. У меня есть... контакты. Люди, которые могут провести нас через границу без лишних вопросов. И люди, которые знают, где искать древние руины. Два брата близнеца, они популяр-

ны среди своих кругов и знают на планете каждый угол.

— Почему ты не сказал раньше? — спросил Альтаир, прищурившись.

— Не спрашивали, — пожал плечами Корвус.

— Ладно, — сказал Альтаир. — Значит, у нас есть план. Летим на Марс. Корвус связывается со своими контактами. Орион ищет точные координаты, занимается Джаксом. Ирис и Тарен ведут корабль. Яра... — он на мгновение задержал на ней взгляд, и в его голосе появилась едва заметная мягкость, — поможет Ориону с Джаксом.

Он сказал это без каких-либо особенных интонаций — сухо, по-деловому. Но Яра поймала себя на том, что греет руки о чашку, глядя на него, хотя чай уже остыл.

— Хорошо, — сказала она. — Я в деле.

— Не сомневаюсь, — ответил капитан слегка улыбнувшись.

Шнырь, ожил, закружившись и переливаясь всеми цветами:

— Марс! Мы летим на Марс! Это будет потрясающе! Я давно там не был! Капитан тогда сказал, что мы больше туда не вернёмся, потому что там дикие песчаные животные, но это было в пустыне, а мы летим к океану, да? Там есть рыба?

— Всё есть, Шнырь, — ответил Орион, — И рыбы, и чудовища, и красивые закаты с марсианками.

Яра улыбнулась. В груди — впервые за долгое время — поселилось что-то, похожее на предвкушение. Не страх. Не

тревога. А ожидание. Ожидание нового мира.

— Значит, решено, — сказал Альтаир. — Курс — на Марс.

— А Джакс? — спросила Яра. — Мы оставим его здесь? Альтаир покачал головой. — Он летит с нами. Орион будет работать с ним в пути. И... — он помедлил, — я хочу, чтобы он был рядом.

Яра кивнула. Она понимала.

— Тогда готовимся, — сказал Альтаир.

«Стрела» взяла курс на Марс.

Яра стояла у иллюминатора в главном отсеке. Где-то позади остались Ветлань, Велеград, убежище Ориона и разрушенные катакомбы. А впереди был новый мир. Живой Марс. Океаны, материки и ответы, которые они так долго искали. Рядом с ней висел Шнырь, переливаясь спокойным глубоким синим.

— Искра, — сказал он тихо. — Ты не боишься?

— Нет, — ответила она, чувствуя, как слова даются легко. — Нет, Шнырь. Не боюсь.

— Почему?

Яра улыбнулась, глядя на бесконечную черноту за стеклом. — Потому что, теперь я знаю, что не одна. В отсек вошёл Альтаир. Он остановился рядом с ней, глядя в иллюминатор. Его плечо почти касалось её плеча. Они помолчали. За стеклом проплывали звёзды — холодные, далёкие, но теперь уже не такие чужие.

— Ты готова? — спросил он, не оборачиваясь.

— Еще как, — ответила она.

Альтаир кивнул и направился к креслу капитана. «Стрела» неслась сквозь черноту, унося свою странную команду навстречу неизвестности, навстречу Марсу, навстречу ответам.

Часть 2. Колонисты

Джакс очнулся через несколько часов после совета. На этот раз спокойно. Никаких вспышек, гнева, криков. Он просто открыл глаза и тихо позвал Альтаира.

Орион, дежуривший в медотсеке, немедленно послал сигнал. Через минуту в отсек вошли Альтаир, Яра и Ирис. Шнырь висел под потолком, тихо переливаясь синим. Тарен остался в главном отсеке — следил за приборами. «Стрела» уже легла на курс к Марсу, и полёт проходил спокойно.

Джакс сидел на койке. Его руки больше не были привязаны — Орион принял решение, что в этом нет необходимости. Тёмные вены всё ещё пульсировали, но медленнее. Сине свечение в глазах почти погасло, остался только слабый отблеск в глубине зрачков.

— Я помню, что сделал, — сказал он, глядя на Яру. — С тобой. Я... прости. Это был не я.

— Я понимаю, — Она стояла чуть дальше от койки, чем в прошлый раз. Сжимая пальцами край своей куртки.

— Нет, не понимаешь. — Он потёр лицо ладонями. — Но я расскажу. Всё, что помню.

Джакс заговорил. Медленно. С трудом подбирая слова, как человек, который отвык говорить с окружающими.

— Кассиан... он не просто пытал меня. Он что-то искал. Что-то, связанное с Золами. О которых я вообще ранее ни-

чего не знал. Не знаю, откуда у него информация. Может, из старых архивов. Может, от кого-то ещё. Но он знал о них больше, чем кто-либо.

— Что именно он делал? — спросил Орион, подойдя ближе. Его глаза за очками блеснули, жалость смешалась с горечью, как и у всей команды. Джакс замялся, прежде чем ответить. Его пальцы сжались на коленях.

— Он вводил мне какую-то субстанцию. Чёрную. Густую. Как... как кровь, но не человеческая. Она была холодной. Когда она попадала в меня, я чувствовал... голоса. Чужие мысли. Обрывки. Как будто кто-то пытался говорить со мной изнутри. Он называл это «наследием Золов». Говорил, что пытается пробудить его во мне.

— Он пытался создать гибрида, — тихо сказал Орион. — Что-то среднее между человеком и Золом.

— Да. — Джакс кивнул. — Я слышал, как он говорил об этом со своими помощниками. «Новое поколение». Он верил, что в Золах скрыта сила, которую можно использовать. Что они не просто уничтожали цивилизации — они поглощали их. Становились ими. И он хотел заполучить эту способность.

— Но зачем? — спросила Яра. — Зачем ему становиться... этим?

— Власть. — Голос Джакса стал глуше, как будто он говорил из далёкого колодца. — Вечная жизнь. Возможность проникать куда угодно. Кассиан одержим идеей контроля.

Он хочет править. Хочет быть... везде. Он говорил, что Золы были идеальными правителями, потому что никто не знал, что они правят.

Повисла тишина. Яра вспомнила рассказ Ориона — о Золах, о том, как они уничтожали цивилизации изнутри.

— Но ему чего-то не хватало, — продолжил Джакс. — Какого-то компонента. Он постоянно связывался с кем-то. Я не видел лица — только слышал голос. Глухой. Искажённый. Как будто говорили через старый передатчик. Этот кто-то давал ему инструкции. Направлял.

— Кто-то за пределами планеты? — спросила Ирис.

— Не знаю. Но он говорил о Зене. О том, что «там всё началось». Что «ключ был там».

— Ключ? — переспросил Альтаир, и его голос стал жёстче.

— Да. Он говорил, что на Зене Основатели спрятали что-то важное. Что-то, что может завершить его исследования. И когда до него дошли слухи, что на Зене есть древний храм, он отправил туда экспедицию. Но они опоздали — мы были там первыми.

Джакс замолчал, глядя на свои руки. Тёмные вены на предплечьях пульсировали чуть быстрее. Он сделал несколько глубоких вдохов, успокаиваясь.

— Когда всё рухнуло... когда реактор взорвался... я помню обломки. Плита ударила меня. Я потерял сознание. Но перед этим... — он поднял глаза на Альтаира. — Кай. Он был

рядом. Он мог спастись сам. Но он толкнул меня. Оттолкнул в сторону. И плита, которая должна была раздавить меня, прошла мимо. А он... он остался там.

Альтаир молчал. — Ты уверен? — спросил он, старые раны дали о себе знать, в его сознании появилась снова картина, янтарные глаза Кая...

— Да. Я думал об этом всё время, пока был у Кассиана. Прокручивал снова и снова. Кай спас меня. Он оттолкнул меня и остался под завалом.

— Ты видел, как он погиб?

Джакс покачал головой. — Нет. Я потерял сознание. Но плита рухнула прямо за мной. Он был с той стороны.

Альтаир встал и отошёл к иллюминатору. За стеклом мерцали звёзды — холодные, далёкие. Здесь, на полпути к Марсу, космос был просто чернотой с россыпью огней. Таким же одиноким, как капитан.

— Я искал Кая, — сказал он слегка дрожащим голосом, не оборачиваясь. — После того, как всё рухнуло. Я вернулся на Зену. Перерыл все завалы. Ни тела. Ни следа. Я думал... я надеялся...

— Может, его не нашли, — сказал Орион. — Может, его тело всё ещё там. Или... — он промолчал...

Альтаир резко обернулся. — Ты думаешь, Кассиан мог вытащить и его?

— Я думаю, что Кассиан умеет находить то, что ему нужно. Если он искал на Зене что-то важное, он мог найти и Кая.

Живого или мёртвого.

— Но зачем ему Кай? — спросила Ирис.

— По той же причине, что и Джакс. Кай тоже был в том храме. Он тоже мог быть... материалом.

Было видно, как Альтаир сжал зубы, его лицо застыло, словно каменное.

— Я найду его, — сказал он. — Живого или мёртвого. Я найду его. Сколько бы лет не прошло.

Джакс взглянул на него; в его глазах, всё ещё отливавших синевой, читалась глубокая боль. — Я помогу. Если смогу. Вы спасли меня, Альтаир.

Альтаир встретил его взгляд. Кивнул — коротко, скупое. — Тогда вставай. Нам предстоит долгий путь.

— Куда? — спросил Джакс.

— На Марс, — ответил капитан. — Остальное расскажем позже. Всё расскажем. Но сначала — приведи себя в порядок.

Джакс медленно поднялся на ноги. Его шатало, но он стоял. Яра заметила, как он держится за край койки — пальцы всё ещё дрожали, но взгляд был ясным. — Я готов, — сказал он.

Шнырь, который всё это время наблюдал за разговором, вдруг сорвался с места. Он подлетел к Джаксу и завис прямо перед его лицом, переливаясь тёплым, радостным золотом — не суетливым, а каким-то... ласковым.

— Джакс, — сказал он, его механический голос звучал ,

очень по человечки. — Я скучал по тебе. Очень скучал. Ты даже не представляешь. Все эти циклы.

Джакс смотрел на сферу. Его глаза стали влажными.

— Шнырь, — сказал он хрипло. — Я уже забыл, что такое скучать и друзя...

— Я сохранил! Я всё сохранил! Все наши полёты, все разговоры, все твои дурацкие шутки вместе с Каем! Я ничего не удалил, Джакс. Ни единого файла.

Мужчина протянул руку, — и осторожно коснулся корпуса сферы. Шнырь прижался к его ладони и тихо загудел — тепло, успокаивающе.

— С возвращением, старый друг, — сказала сфера. — Официально. С пометкой «важно».

— Спасибо, — ответил Джакс. — Я... рад вернуться.

Яра смотрела на них и чувствовала всю теплоту момента. Эта маленькая сфера хранила память о всех, кого любила, если такое вообще можно сказать о роботе. И Джакс был одним из них.

Альтаир молча стоял у двери. Он ничего не сказал, но Яра заметила, как он смотрит на них — своих верных друзей. И в его янтарных глазах, обычно таких непроницаемых, на мгновение мелькнуло что-то тёплое и важное.

— Ладно, — сказал он наконец. — Всем быть готовыми.

Шнырь закружил под потолком, снова становясь собой — суежливым, громким, переливающимся.

— Марс! Мы летим на Марс! Джакс, ты снова увидишь

Марс! Помнишь, как мы там были? Помнишь песчаных червей? Помнишь, как капитан сказал, что больше туда не вернётся, потому что ненавидит насекомых?

— Я не говорил этого, — буркнул Альтаир.

— Говорил! Я записал! Хочешь воспроизведу?

— Нет.

Джакс посмотрел на Яру и улыбнулся — впервые за всё время. Видно было, что эта эмоция давалась ему с трудом.

«Стрела» вышла из прыжка на подлёте к Марсу.

Яра стояла у иллюминатора в главном отсеке и не могла отвести взгляд. Планета занимала уже полнеба — огромный голубой шар, окутанный белыми спиралями облаков. В этом мире у Марса было три материка. На ночной стороне, ещё невидимой отсюда, наверняка горели огни городов. Заходящее солнце подсвечивало тонкие серебристые кольца, опоясывающие планету. Они сверкали, как нить жемчуга, растянутая по орбите. А рядом с солнцем, чуть ближе к планете, висело второе светило — меньше, голубоватое, с едва заметным мерцанием. Искра.

— Это... — прошептала Яра, пытаясь подобрать слова. — Это невозможно.

Тарен, стоявший у навигационной панели, обернулся и улыбнулся, увидев её лицо.

— Красиво, да?

— Да. — Яра не отрываясь смотрела в иллюминатор. — Здесь... здесь всё живое. Слеза проскочила по щеке. Это бы-

ло завораживающее зрелище. Представить только, она первая из своего времени это видит, она первая ступит на Марс.

— Это Основатели, — сказал Орион, не поднимая головы от своих кристаллов. — Когда они пришли в эту систему, Марс был холодным и пустым. Они изменили его. Создали океаны, атмосферу, экосистему. Зажгли Искру, ядро. На всё ушло несколько тысяч циклов, но в итоге получился этот мир.

— Несколько тысяч циклов, — повторила Яра. — Они планировали на тысячелетия вперёд. А мы... мы не можем договориться даже о том, чтобы не сжигать собственный дом.

Орион промолчал. Он смотрел на неё поверх очков, и в его взгляде было что-то похожее на грусть.

Шнырь подлетел к иллюминатору, переливаясь восторженным жёлтым. — Искра, смотри! Видишь маленькое солнце? Местные называют её по-разному — кто Искра, кто Второе Солнце, кто Маяк. Но Искра — самое красивое!

— Искра, — прошептала Яра, глядя на голубоватое светило.

— Ты теперь часть этого мира, — сказал Шнырь тихо. — Нравится тебе это или нет. Ты здесь своя.

Девушка не ответила. Она смотрела на планету внизу. Это было самое красивое, что она когда-либо видела. Своей она себя еще не чувствовала, но уверенность стала зарождаться, особенно , после ежедневных тренировок с капитаном и

Ирис.

В отсек вошёл Альтаир. Он подошёл к ней. — Как тебе Марс?

— Я... не знаю, — честно ответила она. — Он прекрасен. Но я всё ещё не могу поверить, что это Марс. Что я здесь.

— Я помню, как впервые его увидел, — сказал Альтаир. — Мне было, наверное, циклов двенадцать. Я вышел из корабля и просто стоял. Долго. Не мог поверить, что такое бывает.

Яра повернулась к нему. — Ты был здесь ребёнком?

— Да. Я тогда впервые увидел два солнца. И впервые понял, что такое настоящая жара. — Он усмехнулся уголком губ. — С тех пор я не люблю Марс.

— Почему?

— Здесь никогда не темнеет по-настоящему. Слишком много света. Слишком много... насекомых.

— Он поморщился. — И слишком много туристов.

Яра невольно улыбнулась. — Ты не любишь туристов?

— Я не люблю, когда слишком много людей вокруг. На Марсе всегда много людей. Особенно в сезон.

— Какой сезон?

— Праздник Дня колонистов, — ответил Тарен, не оборачиваясь от панели. — Он как раз сейчас. Нам повезло — или не повезло, смотря как посмотреть. Города будут забиты.

— Праздник? — оживился Шнырь. — Праздник — это хорошо! Там будут танцы? Еда? Музыка? Я люблю праздни-

ки! Капитан, можно мы сходим? Хотя бы ненадолго? Искра никогда не видела марсианский праздник! Это же образовательное мероприятие! Культурный обмен!

— Шнырь.

— Молчу! Но мысли оставляю при себе! Они все про праздник!

Альтаир посмотрел на Яру. Она всё ещё смотрела на планету. — Один вечер. Но сначала — дело.

Корабль зашла на посадку. Под его брюхом проплывали бескрайние бирюзовые океаны, испещрённые белыми барашками волн. Береговая линия приближалась — белый песок, зелёные холмы, а за ними — сверкающие башни города. Было видно, как из воды выпрыгивают какие-то существа — не то рыбы, не то звери, — и снова исчезают в волнах. Как по пляжу движутся крошечные фигурки людей. А в небе, над городом, скользят летучие машины — совсем не похожие на земные.

— Мы садимся в порту Двасолнечного, — объявила Ирис, не отрываясь от штурвала. — Это главный город восточного материка. Курортная зона. Постарайтесь не привлекать внимания.

— Мы всегда привлекаем внимание, — заметил Шнырь. — Особенно капитан. Он высокий, мрачный и носит волну. Это три причины для внимания.

— Я оставлю клинок на корабле, — сказал Альтаир.

— Тогда останутся только две причины. Уже лучше!

«Стрела» мягко коснулась посадочной платформы. Двигатели затихли. Шлюз открылся, и в отсек ворвался горячий, влажный воздух, пахнувший солью, водорослями и чем-то сладким фруктовым.

Яра вышла первой.

Платформа находилась на возвышении, и перед ней открылся вид на Двасолнечный. Город раскинулся вдоль побережья на много километров. Белые башни небоскрёбов поднимались прямо из песка, увитые зеленью и сверкающие на солнце. Между ними петляли каналы с прозрачной водой, через которые были переброшены лёгкие ажурные мосты. У берега покачивались лодки — узкие, с разноцветными парусами. Дальше, в океане, виднелись прозрачные купола — подводные дома, соединённые туннелями.

А над всем этим висели два солнца. Их свет смешивался, создавая странный, переливчатый оттенок — не день и не вечер, а что-то среднее.

Люди вокруг были... разными. Яра заметила и обычных — таких же, как на Земле, высоких, с длинными волосами, явно приезжих, — и местных. У местных кожа была бледно-золотистой, с лёгким сиреневым отливом, а глаза — с вертикальными зрачками, как у ящериц. Волосы у большинства были очень короткими, белыми или светло-жёлтыми, а у некоторых — у тех, кто работал у воды, — она заметила перепонки между пальцами и тонкие линии жабер на шее.

— Это Народ двух солнц, — раздался голос Ориона за

её спиной. — Потомки первых колонистов. Они адаптировались к Марсу за тысячи циклов. Кожа защищает от избытка ультрафиолета, зрачки контролируют яркость, жабры позволяют жить под водой. Красивые, правда?

— Очень, — прошептала Яра.

— А ты заметила, что они все низкие? — спросил Тарен, спускаясь по трапу. — По земным меркам, конечно.

Яра пригляделась. Действительно — местные были ниже землян. Примерно, как она.

— Гравитация Марса ниже, — пояснил Орион. — Она влияет на рост. Но они компенсировали это генной коррекцией — укрепили кости. Иначе были бы ещё выше и гораздо более хрупкими.

Альтаир вышел последним. Он был без доспехов — только тёмно-синяя футболка и штаны. Прищурился, глядя на два солнца, и поморщился. — Ненавижу эту планету, — пробормотал он.

— Ты просто не умеешь отдыхать, — заметила Ирис, проходя мимо.

— Я умею отдыхать. Просто не здесь.

Джакс, стоявший рядом, усмехнулся.

Команда двинулась в поисках мечта встречи.

Таверна называлась «Два солнца» — просто и со вкусом. Лёгкий ветер с океана доносил запах водорослей, смешанный с ароматом цветущих кустов, которые росли вдоль набережной. Где-то играла музыка — переливы струнных и рит-

мичный бой барабанов, — и она вплеталась в шум прибора, создавая странную, успокаивающую мелодию.

Команда расселась за большим столом, сдвинутым к самому краю террасы, откуда открывался вид на океан. Напротив близнецов.

Одинаковые черты лица, острые скулы, бледно-золотистая кожа с лёгким сиреневым отливом, который становился глубже, когда свет падал под определённым углом. Одинаковые причёски — короткие белые волосы, торчащие вверх лёгким ёжиком, как свежескошенная трава. Одинаковые очки в тонкой оправе, одинаковые светлые туники с высоким воротником. Единственное различие: у одного из них из уголка рта торчала тонкая серебристая трубочка, источавшая зеленоватый дымок с запахом трав и пряностей. Он курил молча, не вынимая трубку, и смотрел на команду спокойным, изучающим взглядом.

— Меня зовут Сол, — сказал второй, тот, что без трубки. Его голос был мягче, чем у брата, с лёгкой, едва заметной улыбкой. — А это мой брат, Люм. Он больше слушает. Я — больше говорю.

Люм молча кивнул, выпустив тонкую струйку дыма, которая тут же была подхвачена ветром и унесена к океану.

— Мы — древние колонисты, — продолжил Сол. — Наша семья живёт на Марсе с первых циклов терраформирования. Мы не подчиняемся Короне. И не жалуем их патрули. Поэтому и согласились помочь. Корвус вышел на нас через

контрабандистские каналы. Сказал, что вы в бегах. Что за вами охотится Кассиан.

— А мы не любим Кассиана, — добавил Люм, не вынимая трубки. Голос у него был ниже, чем у брата, и говорил он медленнее, как человек, привыкший взвешивать каждое слово.

— Не любим, — согласился Сол.

Братья переглянулись. Без слов, одним движением глаз — но Яра заметила, как они это делают. Быстро. Привычно. Как люди, которые понимают друг друга без объяснений, потому что они — одно целое с самого рождения.

Шнырь, висевший над столом, заинтересованно переливался синим.

— Они переглянулись! Ты видел, капитан? Они только что переглянулись и обменялись информацией! Мне бы такую технологию! Я бы тогда мог общаться с тобой еще больше!

— Ты и так не умолкаешь, — заметил Альтаир.

— Это другое! Это моя суть! Я — коммуникабельный!

Сол улыбнулся — вежливо, сдержанно, с лёгким любопытством.

— Мы исследователи. Изучаем руины Первых на Марсе уже много циклов. Это семейное дело. Наш прапрадед был одним из первых картографов планеты. Он обнаружил станцию в пустыне на большом материке с воздуха, когда искал место для новой колонии. Составил карты. Но внутрь не по-

пал.

— Станция находится в скальном массиве, — подхватил Люм, вынимая трубку изо рта и постукивая ею по краю стола, стряхивая пепел. — Визуально почти не видна. Только тепловой след, который появляется на закате, когда камень остывает быстрее, чем металл. Мы пытались попасть внутрь много раз. Дальше входной двери никто не прошёл.

— Дверь испещрена рунами, — продолжил Сол. — Мы пытались расшифровать их годами. Но они... не поддаются. Словно кто-то намеренно усложнил код.

— Кто-нибудь ещё туда добирался? — спросила Яра.

— Пытались, — ответил Сол. — Экспедиции, туристы-экстремалы, королевские гвардейцы.

— Большинство вообще не дошли. — Пустыня на большом материке — это не только песок. Это твари. Черви размером с корабль. Жуки, плюющиеся кислотой, которая проедает металл за считанные секунды. Многоножки, которые светятся в темноте и могут загипнотизировать — если смотреть на них слишком долго.

— Особенно многоножки, — сказал Сол, и в его голосе послышалась давняя дрожь.

Люм выпустил дым и добавил коротко:

— Да отсохнут лапы у той, что гналась за нами в прошлом цикле. Мы потеряли двух человек.

Шнырь моргнул, и его цвет стал на мгновение тревожно-фиолетовым.

Сол активировал кристалл. Над столом развернулась голограмма — массивная каменная дверь, исписанная спиралями, волнами и точками. Она была покрыта слоями текста, и казалось, что линии движутся, если смотреть на них слишком долго. Орион, сидевший с краю, наклонился вперёд и взял кристалл в руки, осторожно, как берут хрупкую реликвию.

— Это не просто письмена. Это слои. Несколько уровней текста, наложенных друг на друга, как будто каждый новый строитель добавлял свой слой поверх старого.

— Мы пытались разделить, — сказал Сол.

— Пять циклов пытались, — сказал Люм. — Да треснут кристаллы того, кто придумал этот шифр.

— Я возьму копии, — сказал Орион, пряча кристалл в сумку. — Поработаю в тишине. У меня есть старые методы.

Братья синхронно кивнули. Потом Сол обвёл команду взглядом, задержавшись на каждом.

— А теперь — о вас. Вы очень выделяетесь. Одежда, оружие, ваши лица... вы не марсиане.

— Особенно ты, — сказал Люм, глядя на Яру поверх очков. — Твой рост. Ты ниже большинства местных. Это сразу бросается в глаза.

Шнурь, висевший над столом, резко перелился оранжевым.

— Подождите! Вы хотите сказать, что Искра выделяется больше всех? А как же капитан?! Вы серьёзно считаете, что

она выделяется, а он — нет?!

Братья переглянулись. Потом синхронно повернули головы к Альтаиру. Помолчали. Люм вытащил трубку из рта.

— Вообще-то, — сказал он, — ты прав.

— Согласен, — добавил Сол. — Твой капитан тоже... выделяется.

— Слишком грозный, — уточнил Люм, возвращая трубку на место. — Как наёмник, который пришёл собирать долги. Как будто он родился с клинком в руке и забыл, как улыбаться.

— Да! — торжествующе воскликнул Шнырь, подлетая к Альтаиру. — Капитан, я же говорил! Я всегда говорил! Это не только моё мнение! Это объективный факт! Научно подтверждённый! Двумя независимыми экспертами!

Альтаир ничего не сказал. Но Яра заметила, как он слегка закатил глаза.

Люм тем временем перевёл взгляд на Джакса, сидевшего с краю в своей тунике с длинными рукавами, скрывавшей вены. Задержался на мгновение — на шрамах, на напряжённых плечах, на том, как он сидит, сжавшись, будто пытается занять как можно меньше места. Ничего не сказал. Просто выпустил дым — медленно, задумчиво.

Сол обвёл взглядом остальных — Ирис с её вечной усмешкой и огненными волосами, которые в свете двух солнц горели, как живое пламя; Тарена с растрёпанной шевелюрой и восторженным взглядом, который метался по сторонам, впи-

тывая увиденное; Ориона в его очках и жилете с карманами, набитыми кристаллами и приборами.

— Нууу, — сказал он задумчиво, растягивая слово, — вы все... со странностями. Это хорошо. У нас странности уважают. Но в туристическом квартале лучше не привлекать внимания.

— Поэтому вам нужно переодеться, — сказал Сол. — В марсианскую одежду. И оружие спрятать. Пока вы в этом, вы как светлячки в темноте.

Альтаир помолчал, потом кивнул.

— Идёмте, — сказал Сол, поднимаясь. — У нас есть дом на окраине. Душ, одежда.

— И табак, — добавил Люм, постучав трубкой по столу.

Братья поднялись одновременно — одно движение на двоих, как будто их тела были связаны невидимой нитью. Команда начала подниматься из-за стола. Яра заметила, что Джакс остался сидеть.

— Ты не идёшь? — спросила она.

Он покачал головой, не поднимая глаз. — Я лучше на корабль.

— Почему?

— Там слишком много людей. Я не готов. — Он поднял на неё глаза, и в их глубине мелькнул синий отблеск — слабый, но живой. — Ты иди. Я подожду на «Стреле».

Альтаир подошёл ближе и остановился перед ним.

— Когда мы нашли тебя в катакомбах, ты умирал. Вены

горели чёрным, глаза светились так, что можно было освещать путь. Ты не узнавал никого. Ни меня, ни Ирис, ни себя. Но ты выжил. И сейчас ты сидишь здесь. Это уже больше, чем кто-либо мог ожидать.

— Я не хочу никому навредить, — тихо сказал Джакс.

— Знаю. И поэтому ты не останешься один. Ты идёшь с нами. Мы — твоя команда. Ты забыл, что это значит?

Джакс поднял на него глаза. Медленно, очень медленно разжал кулаки, которые сжимал под столом. Синий отблеск погас. — Не забыл.

— Тогда вставай друг.

Джакс хмыкнул — коротко, почти беззвучно — и поднялся.

Люм, наблюдавший эту сцену, выпустил облачко дыма.

— Да не смотри ты на свою кожу, — сказал он Джаксу, кивая на его руки. — У меня вон брат бледный, как брюхо дохлой рыбы, и ничего — ходит даже на праздники танцует.

— Я не танцую, — сказал Сол.

— Танцуешь. Плохо. Но танцуешь.

Они вышли из таверны в тёплый вечер.

Часть 3. Праздник.

Дом стоял на холме над океаном — старый, сложенный из белого камня, который нагревался за день и теперь источал приятное тепло. Плоская крыша смотрела на бескрайнюю водную гладь, и оба солнца — создавали двойную дорожку света, которая дрожала на волнах, как живое серебро. Вокруг росли серебристые кусты, их листья мягко позвякивали на ветру, словно тысячи маленьких колокольчиков.

Внутри было прохладно. Охлаждающие системы гудели в стенах — низкий, успокаивающий гул. Минимум мебели, но много стеллажей — кристаллы, карты, голограммы, модели тварей, которые когда-то бродили по пустыням. Чувствовалось, что здесь живут учёные-холостяки: всё было разложено в каком-то одному им понятном порядке, среди которого они ориентировались безошибочно.

Команда разошлась по комнатам. Душ здесь был с минеральной водой, пахнувшей солью и водорослями, — после долгого перелёта и прогулки по жаре это было блаженством. Яра стояла под струёй, чувствуя, как вода смывает с неё напряжение нескольких дней.

Первым вышел Тарен — в лёгкой светлой тунике и свободных брюках из ткани, которая колыхалась при малейшем движении. Он покрутился перед зеркалом, явно довольный собой, и приземлился в кресло, скрестив руки на затылке.

— Я похож на туриста, — сказал он. — На богатого туриста, который приехал на курорт и забыл про все проблемы. Мне нравится.

— Ты и есть турист, — заметила Ирис, выходя следом в свободных брюках песочного цвета и лёгкой тунике, которая открывала плечи. — Только без денег.

— Я член команды! — возмутился Тарен.

— Одно другому не мешает.

Альтаир вышел последним из мужчин. На нём была свободная рубашка пепельно-серого цвета с коротким воротником-стойкой и широкие брюки. Чувствовалось, что ему некомфортно. Он постоянно поправлял воротник, будто тот его душил, и одёргивал рубашку, которая явно была ему тесновата в плечах.

— Ну вот, — сказал Тарен. — Совсем другое дело. Капитан, тебе идёт.

Альтаир ничего не ответил. Он одёрнул рубашку и поморщился.

— Я чувствую себя голым, — сказал он наконец.

— Ты не голый, — заметила Ирис. — На тебе одежда.

— Это не одежда. Это тряпки. Я не привык ходить без доспехов. И мне это не нравится.

Шнурь, висевший под потолком, медленно перелился золотым.

— Капитан, — сказал он с явным удовольствием в голосе, — я думал, что после того, как ты снял доспехи в первый

раз, меня уже ничем не удивить. Но нет. Ты снова это сделал. — Вышел из комнаты в этой одежде. С этим воротником. И с этим выражением лица. Капитан, ты выглядишь как очень опасный человек, которого заставили надеть костюм на свадьбу дальнего родственника. Это потрясающе. Я запишу это в архив.

— Шнырь.

— Молчу! Но я записал!

Альтаир вздохнул и повернулся к Корвусу, который сидел в углу, проверяя свой планшет.

— Корвус. Мне нужно, чтобы ты кое-что достал.

Контрабандист поднял глаза. — Что именно?

— Доспехи. Для всей команды. И почини мой. Нам предстоит путь через пустыню. В этих марсианских тряпках там делать нечего — ни от жука, ни от червя, ни от песчаной бури они не защитят. А защита нам понадобится.

Корвус кивнул. — Я знаю пару мест. Местные умельцы работают с древними сплавами — облегчённые, но прочные. Достану. И твой доспех починю — там пластину на плече нужно менять.

— Сколько времени?

— К завтрашнему вечеру будет готово.

— Хорошо.

Орион, уже сидевший над голограммами рун, даже не переоделся — только снял свой жилет с карманами и остался в своей рубашке. Его волосы были распущены и часть была

собрана на затылке. Он был полностью погружён в работу и не реагировал на окружающих.

Яра вышла последней. В своём комбинезоне, который уже начал терять цвет после всех приключений. Братья переглянулись.

— Не подошло, — сказал Сол.

— Мы не учли твой рост, — добавил Люм, затягиваясь трубкой.

— Ничего, — ответила Яра. — Я привыкла.

— Нет, — сказал Сол. — Давай прогуляемся. Тут недалеко есть мастерская. Там можно подобрать готовое или подогнать под тебя. И заодно покажем тебе город.

— Я с вами! — тут же вызвался Тарен. — Я хочу посмотреть всё! И запомнить!

Альтаир шагнул вперёд.

— Я пойду с вами.

Ирис посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты же ненавидишь Марс!

Альтаир помолчал. Потом посмотрел на Джакса, сидевшего в углу с закрытыми глазами. Тот выглядел так, будто вот-вот провалится в сон.

— Ладно, — сказал Альтаир. — Я останусь. Присмотрю за Джаксом. Ирис, Орион — вы тоже здесь. Если что — Шнырь на связи.

— Я всегда на связи! — подтвердила сфера. — И я буду держать вас в курсе! Каждую минуту!

— Вот и хорошо, — сказал Люм, выпуская дым. — А мы пока покажем Яре и Тарену Марс. Настоящий Марс. Не тот, что в туристических брошюрах.

— И поможем с одеждой, — добавил Сол.

Они вышли из дома. Белый песок, вода, каналы, лёгкие мосты, перекинутые между домами. Местные жители не обращали на них внимания.

Яра шла и думала о том, как странно всё сложилось. Не так давно она была чужой — потерянной, напуганной, ничего не понимающей. А теперь она здесь, на Марсе, с этими людьми, которые стали ей почти семьёй. Она думала об Альтаире, интересно каково ему оказаться снова в тех местах, из его можно сказать прошлой жизни. О всей команде, на сколько они все разные и одновременно похожие, потерявшие надежду, нашедшие друг друга.

Она привязалась к ним. Ко всем.

А ещё здесь было красиво. Так красиво, что захватывало дух. Двойные тени на песке. Океан, сверкающий. Башни, уходящие в небо, увитые зеленью. Она никогда не видела ничего подобного.

— О чём задумалась? — спросил Сол.

— О том, как здесь красиво, — ответила она. — И о том, что я никогда не думала, что окажусь в таком месте. Я бы никогда не представила даже в самых глубоких фантазиях о таком Марсе. Пустыня - Да, но океан...

— У нас есть пустыня, — заметил Люм. — На большом

материке. Там живности больше, чем людей. Кстати, о живности.

— Да, расскажите! — подхватил Тарен, его глаза горели.

Сол начал перечислять — барханный анемон, красный кузнец, дюнный жук-носорог, стеклянный многоножек. Люм добавлял комментарии, не вынимая трубки: «У того, первого, щупальца с кислотой», «Красный кузнец плюётся огнём на полметра», «Носорог размером с дом». Тарен слушал. Яра — с тихим ужасом и восхищением одновременно.

— Почему вы нам помогаете? — спросила она, когда рассказ закончился. — Кроме того, что вы против Короны.

Братья переглянулись.

— Ну это одна из главных причин. Про Корону, — продолжил Сол, — это не просто «мы против Короля». Мы против того, что делает Кассиан. Он действует своими методами. Часто — за спиной Короля. У него есть свои связи. Очень влиятельный человек, не только на Земле. Говорят, он чем-то связан с другими Королями. Кто-то из них его поддерживает. Кто-то боится. Но он не остановится, пока не получит то, что хочет.

Они подошли к небольшой мастерской на углу — вывеска в виде золотых ножниц и серебряного гребня, лёгкие ткани в окне, освещённом изнутри мягким светом. Внутри пахло сушёными цветами, духами и благовониями.

Мастерская принадлежала пожилой марсианке. Высокая, стройная, с идеально прямой спиной, несмотря на возраст.

Её кожа была бледно-золотистой, с глубоким сиреневым отливом, который появляется только у коренных колонистов к третьему-четвёртому поколению. Длинные серебристые волосы были убраны в красивую косу, перевитую нитями с мелкими кристаллами, которые тихо позвякивали при движении, как ветер в сухих листьях. На руках — тонкие перепонки, на шее — едва заметные линии жабер. Одета она была в струящееся платье глубокого фиолетового цвета, которое переливалось при каждом шаге, как крылья стрекозы.

— Госпожа Фиа, — сказал Сол, слегка поклонившись. — У нас клиентка.

Марсианка окинула Яру взглядом — быстрым, цепким, оценивающим. Таким взглядом смотрят художники на свою картину.

— Землянка, — констатировала она. — Низкий рост. Тёмные волосы. Хорошие черты лица. Худощавая, но с сильными руками.

— Нужно превратить её в марсианку, — добавил Люм. — Частично. Одежда и причёска.

— Как у нас, — закончил Сол.

Мастер обошла Яру вокруг, рассматривая её со всех сторон. — Садись.

Яра села в кресло. Работа началась.

Мастер работала быстро, но без суеты. Её руки с перепонками двигались точно и уверенно — она подрезала волосы, наносила какой-то состав, снова подрезала. В воздухе пахло

травмами и чем-то похожим на мёд. Через час она повернула Яру к зеркалу.

Яра замерла. Из зеркала на неё смотрела другая девушка. Короткое каре — волосы стали легче, объёмнее, они обрамляли лицо мягкими прядями, открывая шею и скулы. И цвет — тёмный, но с заметным фиолетовым переливом, который вспыхивал при определённом освещении. Как будто в волосах поселилась частица марсианского неба.

Мастер тем временем принесла платье. Оно было бирюзовым — цвета мелководья у берегов Двасолнечного. Лёгкая, почти невесомая ткань струилась в руках, как вода. Платье было длинным, до щиколотки, с открытыми плечами и широкими рукавами, которые колыхались при малейшем движении. По подолу шла тонкая серебристая вышивка — узор из спиралей и волн, напоминающий древние руны.

Яра переоделась. Ткань легла идеально, будто платье было сшито специально для неё — она чувствовала, как оно касается кожи, прохладное и гладкое, как шёлк. Оно не сковывало движений, а наоборот — делало их плавными, текучими.

Она вышла из-за ширмы. Тарен, ждавший снаружи, открыл рот и присвистнул.

— Ничего себе, Яра.

— Почти своя, — добавил Люм. — Да высохнут мои водоросли, если я вру. Ты выглядишь так, будто родилась здесь. Сол молча кивнул, но в его глазах читалось одобрение.

Яра коснулась волос. Они были мягкими, незнакомыми

— но ей нравилось. Ей нравилось меняться. Становиться частью этого мира.

— Спасибо, — сказала она мастеру.

Та лишь кивнула в ответ и вернулась к своим тканям.

Они вышли из мастерской. Настроение было лёгким, почти беззаботным — до того момента, как из переулка не вышел человек в неприметной серой одежде. Он быстро подошёл к Люму и что-то тихо сказал — так тихо, что никто не расслышал.

Люм выслушал. Лицо его не изменилось, но трубка в руке дрогнула.

— Что? — спросил Сол.

— Люди Кассиана. Прочёсывают город. Ищут команду, похожую на вас. Проходят все гостиницы, все порты, проверяют списки прибывших.

Яра похолодела. — Они знают, что мы здесь?

— Нет, — сказал Сол. — Они ищут наугад. Прочёсывают все курортные зоны подряд. Двасолнечный — крупный порт, они не могли его пропустить.

— И не найдут, — спокойно добавил Люм, возвращая трубку в рот. — Марсиане никогда не выдадут беглецов. Особенно Кассиану. Его здесь ненавидят — после того, что он сделал с колонистами на большом материке. Тех, кого выслали в пустыню без воды. Тех, чьи дома конфисковали. У него здесь нет союзников. Только враги. Так что можете не переживать — никто не сдаст вас властям.

— Но осторожность не помешает, — сказал Сол. — Возвращаемся. Нужно предупредить остальных.

Они ускорили шаг. Праздничные огни набережной — гирлянды, парящие фонари, светящиеся шары над водой — больше не казались такими уж беззаботными.

Вернувшись в дом, когда первое солнце уже село, а второе — Искра — висело низко над океаном, заливая комнаты мягким голубоватым светом. Яра перешагнула порог и остановилась, чувствуя на себе взгляды.

Ирис, сидевшая у стены, пристально посмотрела. Её огненно-рыжие волосы в мягком голубоватом свете, казались почти алыми.

— Неплохо, — сказала она. — Очень неплохо. Тебе очень идёт. Ты выглядишь ... освежающе...

— Спасибо, — ответила Яра.

Шнырь подлетел ближе и замер прямо перед лицом Яры, переливаясь восхищённым розовым.

— Искра! Ты... ты сияешь! Буквально! У тебя волосы переливаются. Как у меня! Только фиолетовые! Это потрясающе! Я одобряю! Это высшая похвала! Я записал в архив!

— Шнырь, ты записываешь всё подряд, — заметила Ирис.

— Это потому что всё подряд — важно! — парировала сфера.

Капитан застыл у окна, не проронив ни слова. Его взгляд был устремлён вдаль, и Яра, поймав его глаза, уловила в них неподдельное изумление. Такой взгляд бывает, когда чело-

век сталкивается с чем-то совершенно неожиданным, что способно заставить учащённо забиться сердце. Первым от взгляда оторвался Альтаир.

— Рассказывайте, — сказал он. — Что там?

И Яра рассказала. Про мастерскую, про пожилую марсианку с её точными движениями. Про людей Кассиана, прочёсывающих город. Про то, что ищут команду.

— Но марсиане нас не выдадут, — добавил Люм.

— Это хорошо, — сказал Альтаир. — Но рисковать не будем. Сегодня остаёмся здесь. На праздник не идём.

Никто не спорил. Все понимали: безопасность важнее.

Они разошлись по комнатам. Дом затих. За окнами, где-то вдалеке, гремела музыка и взрывались фейерверки — праздник набирал обороты. Но здесь, на холме, было тихо. Только ветер шелестел серебристыми кустами и океан мерно дышал внизу.

Утром братья ушли на разведку вместе с Тареном. Вернулись через пару часов.

— Люди Кассиана покинули Двасолнечный, — сообщил Сол. — Ушли на другой материк. Прочёсывают следующий курорт.

— У нас есть время, — сказал Альтаир. — По крайней мере, на сегодня. Доспехи готовы?

— Корвус сообщил — ещё нет.

— Тогда ждём. А пока... — он обвёл команду взглядом и задержался на Яре. — Если все хотят на праздник — идём.

Но держимся вместе.

Шнырь взвился под потолок, вспыхивая золотым. — Праздник! Мы всё-таки идём на праздник! Я знал! Я верил!

Вечером они вышли на набережную. Танцы на песке, музыка, парящие фонари, дрожащие над водой. Жареная рыба, сладкие фрукты, напитки из водорослей. Смех, голоса, босые ноги на тёплом песке.

Шнырь и Тарен танцевали — точнее, Тарен танцевал, размахивая руками в такт музыке, а Шнырь кружил вокруг него, переливаясь всеми цветами радуги и выкрикивая что-то одобрителное. Ирис стояла у стойки с напитками, наблюдая за ними с улыбкой. Сол и Люм отошли проверить свои каналы связи.

Яра бродила по набережной, вдыхая солёный ветер. Ей было хорошо. Впервые за долгое время — просто хорошо.

Джакс сидел на песке у самой воды, в стороне от танцующих. Он казался тенью среди всех этих ярких огней.

Девушка направилась к нему. На мгновение она задержалась взглядом на Альтаире. Он стоял у навеса, в этой нелепой марсианской рубашке, которую постоянно одёргивал, и смотрел на море. Ветер трепал его серебристые волосы. И Яра вдруг подумала — неожиданно для себя, — что он красив. Не той красотой, которую показывают в фильмах — идеальной. А настоящей. Живой. Этот шрам через бровь, эти резкие скулы, эти руки, привыкшие держать меч. Ему было восемьдесят циклов — по местным меркам, совсем немно-

го. А по её земным, он был бы стариком. Но здесь он стоял перед ней — сильный, опасный, живой.

Она быстро отвела взгляд. Ей стало стыдно. Что за мысли? Тряхнула головой и заставила себя думать о чём-то другом. О чём угодно. Только не об этом.

Яра подошла к Джаксу и села рядом. Песок был ещё тёплым от дневного солнца, и она чувствовала его тепло через тонкую ткань платья.

— Ты как?

— Живой, — ответил он. — Почти.

— Почти?

Он долго молчал, глядя на волны, которые накатывали на берег с мерным, успокаивающим шумом.

— Знаешь, Яра, каково это — провести годы в темноте, а потом выйти на свободу? — спросил он наконец. — Сначала ты не веришь. Думаешь, что это сон. Потом — веришь, но не знаешь, что делать с этой свободой. Она слишком большая. Слишком громкая. Слишком... живая. А ты — нет. Ты — как тень. Все вокруг смеются, танцуют, едят, а ты сидишь и думаешь: «Я не такой. Я уже никогда не буду таким».

Яра слушала, не перебивая. Ветер доносил до них музыку и смех, но здесь, на краю воды, звуки были приглушёнными, словно из другого мира.

— У меня была жизнь. До всего этого. Настоящая. Я был молодым, сильным, удачливым. У меня была команда. Мы были лучшими. Мы находили то, что другие не могли. Мы

смеялись, спорили, летали от планеты к планете. Я думал, что так будет всегда. — Он горько усмехнулся. — Глупо, да?

— Нет, — тихо сказала она. — Не глупо.

— У меня была невеста. Её звали Лита. Она была... понимаешь, не просто красивая. Она была настоящая. Смеялась над моими шутками, даже когда они были идиотскими. А они часто были идиотскими. Мы хотели пожениться. Уже назначили дату. Я купил кольцо — древнюю вещь, с рубином, нашёл в руинах на Окциде. Спрятал в своей каюте на «Стреле». Думал — вернусь с Зены и сделаю предложение.

Он замолчал, смотря в даль

— А потом была Зена. Вся моя жизнь закончилась. А её — продолжилась. Прошло столько циклов, Яра. Я даже не знаю, жива ли она. Может, она вышла замуж. Может, у неё дети. Она уже наверняка забыла меня. И я боюсь узнать. Понимаешь? Боюсь. Потому что если узнаю — станет больно. А если не узнаю — всегда будет надежда. Маленькая надежда.

Яра положила руку на его плечо. Он не отдёргнулся.

— Ты не тень, Джакс. Тень — это то, что исчезает при свете. А ты — здесь. Ты сидишь на песке, на Марсе. И ты жив. Всё остальное можно исправить. Или принять. Но ты жив.

Он поднял на неё глаза. Появился синий отблеск в зрачках — слабый, едва заметный. — Ты правда так думаешь?

— Правда.

Он долго смотрел на неё, потом кивнул. Спасибо. Ты... —

ты умеешь слушать.

Они помолчали. Вода накатывала на песок, отступала, снова накатывала, словно в такт музыки.

— А Альтаир? — спросила Яра, она хотела сменить тему, чувствуя, как пульс застучал чуть быстрее. — Расскажи о нём.

Джакс повернулся к ней, и в его глазах мелькнуло понимание. Он устроился поудобнее и начал рассказывать — медленно, с паузами, доставая из своей памяти забытые фрагменты.

— Ты знаешь, что он из знатного рода? Нет, не так. Он из очень знатного рода. Его семья владела огромными землями на Ориене. Старые поместья, которые передавались из поколения в поколение. Отец был советником при дворе Короля Эридана. Мать — из древнего рода исследователей, которые знали тайны Первых. Они были... важными людьми. Влиятельными. И они погибли. Никто не знает, как и почему. Официально — несчастный случай. Экспедиция в дальний сектор, отказ систем, все погибли. Но Орион никогда в это не верил. Я слышал, как он говорил — что это не было случайностью. Что кто-то помог им... не вернуться. Но без доказательств. Альтаиру тогда было где-то одиннадцать циклов.

Джакс помолчал, взяв ракушку из песка.

— У него был младший брат. Кай. Ты про него уже слышала. На десять циклов младше. Когда всё случилось, Кай

был ещё младенцем. Его забрал брат отца — их дядя. А Альтаир... Знаешь, что он сделал? Отказался. В столь юном возрасте. Сказал: «Я хочу остаться с Орионом»

— С Орионом?! — переспросила Яра, удивившись словам Джакса.

— Да. Орион тогда был учёным. Помешанным на Первых. И очень близок с родителями. Можно сказать, когда он не был в экспедициях, он жил у них. Он скитался по всей системе. И Альтаир пошёл за ним. Представляешь? Подросток, который мог жить во дворце, выбрал жизнь в пещерах и на кораблях.

Джакс усмехнулся.

— Орион таскал его за собой везде. Альтаир учился. Читал древние тексты при свете кристаллов. Разбирал механизмы голыми руками. Тренировался с оружием по ночам, когда Орион спал. Тот был ему и отцом, и учителем, и другом. Единственным, кто остался.

Он бросил ракушку в воду.

— Потом, уже через несколько циклов, он поступил в академию. Закончил с отличием — и это при том, что до этого у него не было нормального образования. Собрал команду. Мы стали лучшими охотниками за реликвиями в этой части света. Серьёзно. Нас знали все. Когда Кай присоединился к нам, они с Альтаиром почти не виделись до этого — Альтаир был занят, Кай рос у дяди. Но Кай им гордился. Брал с него пример. Хотел быть таким же.

Джакс замолчал. Вода накатывала на песок.

— А личная жизнь? — спросила Яра, чувствуя, волнение в своих словах и почему то боялась услышать ответ. Яре становилось стыдно , когда её охватывали не понятные и неведомые до этого эмоции.

— Была невеста. — Он вздохнул. — Это было давно. Ещё до того, как он отказался от титула. Семьи договорились, когда они оба были детьми. Она с Зены — высокая, стройная, с длинными белыми волосами. Знаешь, женские женщины вообще особенные. Спокойные. Рассудительные. Она была полной противоположностью Альтаиру — он тогда был горячим, всё время в движении, вечно что-то придумывал. Но между ними действительно что-то зарождалось. Я видел их вместе пару раз.

— Что случилось?

— Её родители. Им не нравилось, что он сирота. Что его воспитывал бродячий учёный. Что он отказался от титула и наследства. Они считали его... ну, ненадёжным. Не парой для их дочери. Они встречались в тайне, а потом союз распался. Ей назначили выйти замуж за другого.

— А потом?

— Потом были женщины. — Джакс пожал плечами. — Но ничего серьёзного. Понимаешь... я много думал об этом, пока сидел в камере. Знаешь, времени было достаточно. — Он горько усмехнулся. — Альтаир не из тех, кто привязывается быстро. Он боится. С тех пор никого не подпускал близко. И

как я вижу сейчас, не ошибался , только Шныря. И Ориона.

Он помолчал.

— А дальше я не знаю. Я выпал из жизни. Очнулся уже здесь, с вами. Всё, что было после Зены — для меня тёмное пятно.

Яра слушала, переваривая услышанное. Теперь многое становилось понятнее. Почему он такой закрытый. Почему всегда держит дистанцию. Почему его глаза такие холодные, когда он смотрит на мир.

Девушка смотрела на океан, чувствуя, как солёный ветер касается её лица.

Альтаир стоял у навеса, стараясь смотреть на танцующих — но не на них. На девушку в бирюзовом платье, сидящую у воды. На Джакса рядом с ней. На то, как она положила руку ему на плечо, как он не отдёргнулся. На то, как они говорили — тихо, спокойно, по-дружески.

Он не заметил, как рядом оказался Орион.

— Давно я не видел у тебя такого взгляда, — тихо сказал старик.

— Какого?

— Ты знаешь.

Альтаир помолчал. — Она другая. Я никогда не встречал таких. Она яркая. Не зря Шнырь зовёт её Искрой. Появилась из ниоткуда и всё изменила. Ты видел её на тренировке? Схватывает всё на лету. Видел, как она с Джаком? Он едва не убил её, а она сидит с ним у воды. Без страха. Без

осуждения. Просто помогает.

Орион молчал.

— Знаешь, что странно? — продолжал Альтаир. — Я даже не знаю, хотел бы я найти путь ей домой. Если найдём — она уйдёт. А если нет... она навсегда останется чужой в этом мире. Это нечестно.

— По отношению к ней? Или по отношению к тебе?

Альтаир не ответил.

— Я знаю тебя с детства, — тихо сказал Орион. — Ты всю жизнь убегаешь — от прошлого, от чувств, от привязанностей. Может, хватит? Живи здесь и сейчас. А будущее... оно само разберётся.

Внезапно произошло нечто необъяснимое. Джакс застыл, словно статуя, а черты его лица исказились от внутреннего напряжения. В его глазах вспыхнул зловещий синий свет, тот самый, который Яра уже видела в медотсеке. Он резко схватил её за плечи, и его пальцы, будто когти, впились в её кожу.

— Ты слышишь? — шёпотом, полным отчаяния, спросил он. — Голоса... они говорят, кричат...

Яра попыталась привести его в чувство:

— Джакс! Дыши! Смотри на меня!

Но он уже был не здесь, не с ней. Вскочив, он заставил Яру отступить. В это время Альтаир устремился к ним, а за ним — Орион.

— Джакс, остановись! — крикнул Альтаир.

Но тот, словно не слыша, ринулся к Альтаиру и вцепился

в его рубашку.

— Ты! — в его голосе звучала ярость. — Ты потерял столько времени! У тебя было всё, а у меня — ничего, одна лишь пустота! Ты виноват!

Альтаир крепко держал его, не отвечая на удары, а Орион уже доставал из кармана жилета ампулу.

Но Джакс внезапно вырвался. С нечеловеческой силой, порождённой тем, что Кассиан вживил в него, он освободился из хватки Альтаира и кинулся к Яре. Она не успела отреагировать — его ладони крепко сомкнулись на её лице, пальцы впились в виски и скулы. Глаза, пылающие синим огнём, были совсем близко.

— Ты, — произнёс он голосом, который не был его голосом — глухим, чужим, словно говорило множество существ одновременно. — Теперь они знают. Они ищут не ключ, им нужна ты. Ты — то, чего они ждали. Они придут за тобой. А я... я наконец забуду всё: боль, пустоту.

— Джакс... — с трудом выдохнула Яра. Его пальцы сдавливали виски, и перед глазами всё расплывалось. — Мне больно... отпусти...

Но он не отпускал. И вдруг — вспышка. Перед глазами Яры пронеслась картина: тёмная камера, цепи, чёрная жидкость, которую вливают в вены, лицо Кассиана, склонившееся над Джаком. Его крик. Его мольбы. Его сломанные пальцы. Его слёзы.

Это не было видением. Это была его память. Она видела

то, что видел он. Чувствовала то, что чувствовал он. И слёзы — настоящие, горячие — потекли по её щекам. Она плакала, не в силах остановиться.

Орион рванулся к Яре. Он выхватил из кармана кристалл — он был уверен, что это амулет спокойствия, простой голубой камень, — и вложил его в ладонь, сжав её пальцы.

— Держи. Чувствуй. Возвращайся, — произнёс он.

И кристалл вспыхнул золотым, тёплым светом, который пульсировал в унисон с сердцем Яры. Орион замер, не отнимая руки от её ладони, и в его глазах отразилось изумление — это был не амулет спокойствия, а тот самый кристалл с голограммой двери, который им дали братья.

— Не может быть, — прошептал Орион.

Но он не успел закончить фразу. Свет окутал ладонь Яры, поднялся по руке, мягко, словно объятия, охватил плечи. Яра вздрогнула и замерла. И увидела.

Она видела космос. Чёрный, бескрайний, усыпанный звёздами. И женщину — ту самую, в струящихся светлых одеждах. Она летела сквозь пустоту. Рядом с ней был кто-то ещё — тёмная фигура, неразличимая, но знакомая. Они говорили. Слов Яра не слышала, но чувствовала: они говорили о чём-то важном.

А потом женщина оказалась перед дверью. Той самой дверью, которую Яра видела на голограмме — с рунами, с непонятными символами. Но теперь дверь была целой, новой, сияющей. Незнакомка подошла к ней, и в её руке был такой же

кристалл — золотой. Она провела им по двери, и на поверхности проступила выемка. Отпечаток ладони. Пять углублений для пальцев.

И тут Яра пришла в себя.

Девушка стояла на коленях на песке. Слёзы всё ещё текли по щекам — это были не её слёзы, и она не могла их остановить. Альтаир держал её за плечи и что-то говорил — громко, встревоженно, — но она не слышала слов. Его лицо было прямо перед ней, его руки сжимали её плечи.

— Яра! Яра, посмотри на меня! Ты меня слышишь?!

Она моргнула. Увидела его глаза. Услышала его голос. — Я здесь, — прошептала она. — Я... здесь.

Кристалл в её руке всё ещё светился — слабо, угасая.

Орион стоял рядом, и лицо его было бледным. Он перевёл взгляд с кристалла на Яру, потом на свои руки.

— Я перепутал, — сказал он тихо. — Я думал, это амулет спокойствия... Но это...

— Потом, — оборвал Альтаир.

Вокруг уже собиралась толпа. Праздничные огни дрожали над водой, но музыка стихла — люди оборачивались, перешёптывались.

— Уходим, — сказал Сол, возникая из ниоткуда. — Быстро.

Альтаир схватил Яру за руку и потянул за собой. Она подобрала подол платья и побежала следом. Ирис и Тарен подхватили обмякшего Джакса. Шнырь летел впереди, тревож-

но-красный. Вся команда неслась по ночной набережной, мимо танцующих и смеющихся, и праздник оставался позади — яркий, громкий, чужой.

«Стрела» ждала их в порту. Корвус уже был на борту — он заранее, по поручению Альтаира, собрал все кристаллы из дома братьев, забрал доспехи и остальные вещи.

Когда они забежали на корабль, братья начали возмущаться:

— Всё необходимое осталось у нас! Карты, приборы...

— Всё здесь, — спокойно сказал Корвус, кивая на контейнеры в углу. — Я забрал.

Братья переглянулись. Потом синхронно посмотрели на Альтаира.

— Предусмотрительно, — сказал Сол.

— Да высохнут мои водоросли, если это не так, — добавил Люм.

— Взлетаем, — скомандовал Альтаир. — Немедленно.

Шлюз закрылся. «Стрела» оторвалась от платформы и ушла в небо, оставляя позади Двасолнечный, праздник, два солнца и смех на набережной.

Яра сидела на полу корабля, всё ещё сжимая тёплый кристалл в ладони. Где-то глубоко внутри пульсировало эхо древней силы.

Альтаир повернулся к братьям.

— Сол. Люм. Когда закончится песчаная буря в пустыне? Братья переглянулись.

— Она уже идёт, — ответил Сол. — Началась сегодня утром. Мы проверяли сводки перед тем, как идти на праздник.

— И продлится три дня, — добавил Люм, затягиваясь трубкой. — Может, пять. Сезон. В это время всегда штормит.

— Отлично, — сказал Альтаир.

В отсеке повисла тишина. Все посмотрели на него.

— Отлично? — переспросил Тарен. — Капитан, ты сказал «отлично»? В пустыне песчаная буря, мы не можем туда лететь, а ты говоришь «отлично»?

— Именно. Буря — это прикрытие. Никто не будет нас искать в эпицентре шторма. Ни Кассиан, ни его люди, ни патрули. Мы идём на станцию Первых. Сейчас.

— Ты сумасшедший, — сказала Ирис, но в её голосе не было осуждения. Скорее одобрение.

Шнырь, висевший под потолком, медленно перелился золотым.

— Капитан снова делает то, что никто не ожидает. Я должен записать это в архив. «Капитан назвал песчаную бурю отличной новостью». С пометкой «безумие».

— Шнырь.

— Молчу! Но я записал!

И в этот момент на пульте вспыхнул сигнал входящего сообщения.

Шнырь метнулся к панели.

— Капитан! Сообщение! Анонимное! Без подписи, без кода! Я не могу отследить источник!

— На экран, — приказал Альтаир.

Над пультом развернулась голограмма — только текст, никаких изображений. Буквы были чёткими, тёмно-синими, как будто написанными от руки.

«Привет, Альтаир. Мы услышали, что вам нужна помощь. Ждите дальнейших указаний. Ждём вас на Зене».

Повисла тишина в отсеке.

— Кто это? — спросила Яра.

— Не знаю, — ответил Альтаир, не отрывая взгляда от голограммы. — Но тот, кто это отправил, знает, куда мы летим.

«Корабль» уходил в небо.

Часть. 4. Станция Первых.

«Стрела» вошла в атмосферу над большим материком, и через несколько минут за иллюминаторами не осталось ничего, кроме песка. Оранжево-коричневая стена, плотная, была в обшивку. Корабль трясло так, что зубы стучали в такт вибрации. Видимость — ноль. Только глухой, непрерывный гул, похожий на рёв зверя.

— Я не вижу поверхности! — крикнула Ирис, вцепившись в штурвал.

— Сенсоры глушит! Сплошные помехи!

— Песок заряжен, — отозвался Шнырь, мечась над пультом, его корпус тревожно пульсировал красным. — Электрические разряды! Молнии в песке! Очень красиво, но очень опасно! Я насчитал уже семь! Семь!

— Тарен! — Альтаир повернулся к механику, его голос был ровным.

Ты говорил, у тебя есть идея.

— Есть! — Тарен уже колдовал над панелью, его пальцы летали над сенсорами. — Старый считыватель плотности грунта! Я нашёл его в системах, когда перебирал архивы! Он работает на сейсмических колебаниях, а не на электромагнитных волнах! Песок ему не помеха!

— Активируй.

Через несколько секунд на экране проступил контур:

скальный массив, древняя платформа. Но платформа была слишком мала для посадки, а подлёт к ней преграждали острые скальные выступы, похожие на зубы дракона.

— Слишком близко не сяду, — прокричала Ирис, поправляя курс. — Разобьёмся.

— Садись дальше, — приказал Альтаир. — Где безопасно. Остальное пройдем пешком.

«Стрела» опустилась в полукилометре от станции, в естественном углублении между двумя дюнами, которые давали хоть какое-то укрытие от ветра. Песок скрежетал по обшивке, как тысячи наждачных бумаг. Корабль замер. Тишина наступила внезапно — после оглушительного рёва бури она казалась неестественной, почти пугающей.

— Мы на месте, — сказал Тарен, вытирая пот со лба. — До станции — около пятисот метров на северо-восток. В этой буре — как на другой конец планеты.

— Ничего, — сказал Альтаир. — Дойдём. Всем оставаться на местах. Буря не стихнет ещё два дня. У нас есть время. Отдыхайте. Готовьте снаряжение.

Яра не вышла из своей каюты. Она сидела на койке, всё ещё в бирюзовом платье, поджав ноги. Кристалл лежал на тумбочке и слабо светился — тусклым, мерцающим светом, который пульсировал в такт её сердцебиению. Слёзы текли по её щекам — она не могла остановиться. Они были горячими, солёными, и она чувствовала, как они стекают по подбородку и каплют на платье, оставляя тёмные пятна.

Перед её внутренним взором вновь и вновь возникали мучительные картины: мрачная камера, цепи, чёрная жидкость, что вливали в вены Джакса. Его крик, хриплый и полный отчаяния, разрывал ей сердце. Она ощущала его боль так ярко, словно сама подвергалась пыткам. Воспоминания, не принадлежавшие ей, терзали душу, заставляя горло сжиматься от невыносимой горечи..

Внезапно дверь отворилась, но Яра не подняла головы. На пороге появился Альтаир. Он уже почти надел доспехи, но сейчас тяжесть металла на плечах не имела значения. Он подошёл и молча присел рядом с ней на койку. Матрас слегка прогнулся под его весом, и Яра ощутила тепло его тела.

Не в силах больше сдерживаться, она уткнулась лицом в его плечо и разразилась рыданиями — такими искренними и громкими, каких не было с детских лет. Её плечи содрогались, а слёзы обильно пропитывали ткань его рубашки.

— Я видела его, — с трудом прошептала она, и голос её дрожал и прерывался. — Джакса... Я видела, что они с ним делают. Он кричал, а они не останавливались. Ему было так больно, Альтаир! Так страшно! И он был совершенно один... Я чувствовала каждую секунду его мучений, каждый удар, каждую каплю этой чёрной жидкости, словно это меня пытали в той камере.

Альтаир не произносил ни слова, но и не отстранялся. Его рука опустилась на её плечо — тяжёлая, надёжная, тёплая. Пальцы слегка сжались.

— Ты не одна, — произнёс он тихим, но необычно глубоким голосом. — Теперь ты не одна

В этот момент в дверях возник Орион. Услышав последние слова Яры, он замер на пороге, и на его лице отразилась глубокая задумчивость.

— Можно войти? — спросил он.

Яра оторвалась от плеча Альтаира, вытерла слёзы и кивнула. Орион присел на стул напротив, снял очки, тщательно протёр их краем туники и снова надел. Его взгляд был серьёзным и сосредоточенным.

— То, что ты описываешь, — произнёс он медленно, — выходит за рамки обычного видения. Ты не просто увидела воспоминания — ты их пережила, прочувствовала. Такого не может быть... для обычного человека.

— Я уже это поняла, — хрипло отозвалась Яра.

— Да, — Орион посмотрел на неё поверх очков. — И я думаю... думаю, это может быть связано с Первыми. В древних текстах упоминаются люди, способные видеть чужое прошлое — то, что отпечаталось в крови, в памяти, в самой сущности человека. Первые называли это «эхом». Они верили, что некоторые из них, особенно одарённые, могут считывать это эхо, как мы считываем информацию с кристаллов.

— Но я не Первая, — в голосе Яры прозвучало отчаяние. — Я из другого мира или... из прошлого. Если я потомок Первых, то почему именно я? Почему не кто-то из вашего времени? У вас же есть потомки Основателей — те же Ко-

роли.

— Вот в чём загадка, — ответил Орион. — Если ты действительно потомок Первых — а то, что технологии реагируют на тебя, намекает на это, — то почему ты появилась именно сейчас? Почему Кассиан, разыскивая что-то, связанное с Первыми, находит тебя? Почему Короли ничего не знают о происходящем? Слишком много вопросов...

— И слишком мало ответов, — устало добавил Альтаир. Наступило молчание. Яра не сводила глаз с кристалла на тумбочке, который по-прежнему излучал слабый свет.

— Мне страшно, — призналась она. — Я не понимаю, что со мной происходит, не понимаю, почему я здесь. Но у меня есть ощущение, будто меня куда-то зовут, будто я должна что-то совершить.

Альтаир повернулся к ней, и его янтарные глаза встретились с её взглядом.

— Ты необычная, Яра. Мы разберёмся во всём, найдём ответы.

Орион встал, поправляя жилет.

— Отдохни. Когда буря утихнет, нам предстоит добраться до станции. И, судя по тому, что кристалл всё ещё светится, — он кивнул в сторону тумбочки, — у тебя есть все шансы открыть ту дверь.

Он покинул каюту. Альтаир задержался на несколько мгновений, глядя на Яру — всё ещё в платье, с покрасневшими от слёз глазами и дрожащими руками.

— Я знаю, что тебе сейчас нужно, — сказал он.

Яра подняла на него взгляд.

— Что?

— Доспехи и тренировка.

Она удивлённо моргнула.

— Что?

— Я принёс их, — он кивнул на свёрток у двери. — Корвус раздобыл для тебя. Они лёгкие, но прочные. Ты же хотела научиться сражаться — сейчас самое подходящее время.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзен.

Яра посмотрела на свёрток, затем снова на Альтаира.

— Именно сейчас это поможет, — продолжил он. — В тяжёлые времена лучший способ вернуть контроль над ситуацией — это обрести контроль над собственным телом. Движение, дыхание, бой — это всегда работает. Я проверял.

Она помолчала, ощущая лёгкое тепло на щеках, а затем кивнула.

Альтаир вышел. Яра взяла свёрток и развернула его. Доспехи действительно были лёгкими — тёмно-серые, с матовым отливом, с усиленными пластинами на плечах и груди. На ощупь они были прохладными и гладкими, как отполированный камень. Не такие тяжёлые, как у Альтаира, но и не марсианские тряпки. Настоящая защита. Она надела их. Они сели идеально, как будто были сшиты специально для неё.

Через тридцать минут она вышла в грузовой отсек. Аль-

таир уже ждал. Достал тренировочные мечи — без импульса, с притупленными краями. Протянул один ей. Пристально, разглядывая её новый образ.

— Готова? — спросил он.

— Да, — твёрдо ответила она, и в её голосе не прозвучало ни тени сомнения.

Они тренировались несколько часов.

За стенами выла буря, песок скрежетал по обшивке, но здесь, внутри, были только они двое и ритм боя. Тренировочные мечи сталкивались с глухим стуком, отдаваясь в руках вибрацией. Яра двигалась быстрее, чем раньше — Альтаир заметил это, но ничего не сказал. Просто продолжал нападать, заставляя её уворачиваться, блокировать, контратаковать. Её дыхание стало ровнее, движения — увереннее. Она чувствовала, как мышцы начинают гореть.

— Ты стала быстрее, — сказал он наконец, когда они остановились перевести дух.

— Это всё доспехи, — ответила она, утирая пот со лба.
— В них удобнее.

— Нет. Дело не в доспехах. Ты перестала бояться.

Яра опустила меч. Она чувствовала, как сердце колотится в груди, но это был не страх — это был адреналин.

— Мне всё ещё страшно. Просто... теперь это другое. Не тот страх, который парализует. А тот, который заставляет двигаться.

Альтаир кивнул, одобряя сказанное. — Это правильный

страх. С ним можно работать.

Они снова встали в стойку. И снова мечи застучали друг о друга — ритмично, почти музыкально.

Шнырь, висевший под потолком и наблюдавший за тренировкой, переливался одобрительным золотым.

Позже, когда Яра ушла переодеваться и отдыхать, Альтаир задержался в грузовом отсеке. Он убрал тренировочные мечи в стойку, проверил снаряжение для выхода — защитные костюмы с фильтрами для песчаной бури, фонари, верёвки. Всё было на месте. Корвус постарался.

Яра вышла из душа. Горячая вода смыла остатки слёз, но усталость осталась — глубокая, зыбучая, как песок за бортом. Она надела комбинезон, собиралась лечь и наконец уснуть, когда заметила свет.

Кристалл лежал на тумбочке рядом с кроватью и горел. Не слабо, как раньше, а ярко — золотым, тёплым, живым светом. Он был горячим на вид, и воздух вокруг него казался чуть дрожащим.

Яра замерла. Она помнила, что случилось в прошлый раз, когда кристалл загорелся у неё в руке. Помнила космос, дверь. Но сейчас кристалл звал её сам — без прикосновения, без чужой руки. Просто лежал и светился.

Девушка колебалась несколько секунд, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Потом подошла. Протянула руку. Пальцы сомкнулись на тёплой грани.

И мир исчез. Она стояла в пустоте. Вокруг неё был кос-

мос — чёрный, бескрайний, усыпанный звёздами, которые не мерцали. Они горели холодным, ровным светом. Она была одна. Или нет? Где-то вдалеке она чувствовала чьё-то присутствие — знакомое, но далёкое.

Потом она увидела Землю.

Но незнакомую ей планету. Эта Земля была серой. Мёртвой. Океаны обмелели и превратились в солёные пустоши, покрытые трещинами. Лесов не было — только пепел, который ветер разносил по пустынным равнинам. Города стояли пустыми — идеальные, безмолвные памятники тем, кто когда-то здесь жил. Их стеклянные башни отражали тусклый свет умирающего солнца.

И рука. Чья-то рука прижималась к иллюминатору изнутри космического корабля. Пальцы были тонкими, дрожащими. Кто-то смотрел на умирающую планету и прощался. Яра чувствовала его боль — острую, как лезвие. По её щекам потекли слёзы, и она не могла их остановить.

Потом всё исчезло. И началось заново.

Земля — снова живая. Снова города. Снова леса и океаны. Зелёные, синие, шумные. И снова — смерть. Война? Белезнь? Катастрофа? Она не могла понять. Она видела только, как планета умирает во второй раз. Как небо становится серым, как океаны превращаются в болота, как города рушатся, погребая под собой миллионы. И снова — рука на иллюминаторе. Та же? Другая? Она не знала.

А потом — третий раз. И снова рука. И снова прощание.

Та же боль. То же бессилие.

Три цикла. Три гибели. Три раза, когда кто-то смотрел на это из космоса и не мог ничего сделать.

Яра упала на колени. Она не знала, где её колени — в этом пустом космосе не было пола, — но она чувствовала, как слёзы текут по лицу, как горло сжимается от крика, который не может вырваться наружу. Она хотела закрыть глаза, но не могла, хотелось убежать, но некуда было бежать.

И голос — знакомый, мягкий, женский — прозвучал в её голове:

— Помни. Помни. Ты должна остановить это. Ты должна помнить. Кто забудет, тот повторит...

Видение погасло. Яра открыла глаза. Она сидела на полу, прижимая кристалл к груди. Дышала тяжело, как после долгого бега. Её тело дрожало, и она чувствовала, как слёзы всё ещё текут по щекам.

Девушка вышла в главный отсек. Орион всё ещё сидел над своими кристаллами, но поднял голову, едва она появилась, и сразу всё понял по её лицу. Он отложил кристалл и жестом пригласил её сесть.

— Снова? — спросил он.

Яра села напротив и рассказала. Про умирающую Землю. Про три цикла. Про руку на иллюминаторе. Её голос дрожал, когда она говорила о боли и бессилии, которые чувствовала.

Орион внимательно слушал. Когда она умолкла, он снял очки, задумчиво потёр переносицу и устремил взгляд в пу-

стоту.

— Это не простое совпадение, — произнёс он спустя некоторое время. — Кристалл вновь активировался. Но отчего именно сейчас?

— У меня нет ответа, — тихо отозвалась Яра.

— После Джакса, — сказал Орион. — Ты видела его боль, прожила её. А потом — это. Как будто что-то пробило барьер. Эмоции... — он задумался. — Первые верили, что их технологии отзываются на сильные чувства. Не на логику. Не на приказы. На живое, настоящее переживание. Ты пропустила через себя его боль, а потом — свою. Эмоции переполнили тебя. И кристалл почувствовал. Если только такое объяснение можно предположить.

— Я не просила об этом, — тихо сказала Яра. — Я не хочу этого. Это слишком тяжело.

— Знаю, — сказал Орион мягко. — Знаю.

Дверь открылась. Вошла Ирис. Лицо её было усталым и озабоченным, под глазами виднелись синяки.

— Джакс, — сказала она без предисловий, и голос её был напряжённым. — Ему хуже. Он не хочет ни с кем говорить. Вены пульсируют быстрее, чем раньше. Ничего не помогает — ни препараты, ни режим покоя. И этот свет в глазах... он стал ярче. Я не знаю, что делать. Мы пока оставили его в медотсеке.

Альтаир, стоявший у пульта, повернулся. Его лицо было непроницаемым, но Яра чувствовала его волнение от проис-

ходящего.

— Я пойду к нему, — сказал он.

— Он не хочет тебя видеть. И меня. И Ориона. Он вообще никого не хочет видеть, — ответила Ирис. — Он сказал, чтобы мы оставили его в покое. Все.

Повисла пауза. Яра поднялась, чувствуя нарастающую решительность. — Я пойду, — сказала она.

Альтаир покачал головой, в его глазах мелькнула тревога.

— Нет. Ты уже пострадала. Ты не должна...

— Я знаю, — перебила она. — Но я должна попытаться.

Если я могу помочь ему — я должна это сделать.

Она выбежала, прежде чем кто-то успел её остановить.

В медотсеке было темно. Только слабый синий свет пульсировал в такт венам Джакса, сидевшего на койке и глядевшего в стену. Его лицо осунулось, шрамы казались глубже, резче. Он выглядел как человек утонувший в боли.

Яра подошла тихо, села напротив него. Пахло антисептиком, потом и страхом.

Он поднял голову. Его глаза горели синим — тем самым, страшным светом, который она видела на пляже. Но голос, когда он заговорил, был таким же чужим: низким, многоголосым, как в прошлый раз, словно говорили сразу несколько существ.

— Так ты всё-таки пришла, — произнёс он с насмешкой в голосе.

— Джакс, — сказала Яра, стараясь держать себя в руках,

хотя внутри всё трепетало. — Что с тобой произошло? Почему ты не можешь одолеть эту тёмную сторону?

Он усмехнулся — но это была не его усмешка. Его губы скривились в злой, презрительной гримасе.

— Что ты можешь знать. Ты слабая. Никчёмная. Думаешь, силой воли можно победить то, что живёт в крови?

Он схватил её за лицо — быстрее, чем она ожидала. Ладони сжали виски, как в тот раз на пляже. Его пальцы были холодными, как сталь. И снова — чужая боль. Камера. Цепи. Чёрная жидкость, холодная и густая, которая вливалась в вены. Его крик, его страх, его бесконечное одиночество. Она чувствовала, как он тонет в этой тьме, как он отчаянно пытается выплыть на поверхность, но его тянут вниз.

— Хватит! — закричала Яра, сама не понимая, что кричит. — Отстаньте от меня!

— Нет, — прошептал голос, — Ты нам нужна. Ты — ключ. Скоро мы увидимся. И ты испытаешь то же, что этот человек.

Слёзы текли по её лицу. Она пыталась вырваться, но хватка была сильной. Где-то далеко, за дверью, раздался глухой удар — Альтаир бил по заблокированной двери.

— Яра! ЯРА! Отчаянно кричал он.

Сквозь мучительный вихрь боли до неё донёсся его голос. Она сомкнула веки, и неожиданно вместо того, чтобы отбиться от наваждения, позволила страху рассеяться. Перестала противостоять видениям и погрузилась в воспомина-

ния.

Перед мысленным взором развернулась картина прежней жизни — до всех этих событий. Она увидела лес, вспомнила поход и ту поляну, где когда-то прилегла на траву и впервые закрыла глаза.

А когда вновь распахнула их, то увидела два лунных диска в небе.

В памяти всплыл момент, когда она укусила Альтаира за руку и бросилась прочь. Вспомнила, как заливалась смехом, слушая остроумные реплики Шныря. В голове закружились образы танца на Марсе — она кружилась в бирюзовом платье под двумя солнцами.

Вспоминала, как Альтаир вручил ей доспехи и с уверенностью произнёс: «Ты справишься». И тут же эхом отозвался мягкий, знакомый женский голос: «Помни. Земля помнит. И ты помни».

И тут всё переменялось.

Мучительная боль испарилась, чужая тьма отползла, уступая место иным воспоминаниям — не её, а Джекса. Но это были не мрачные образы, а картины из его прошлой жизни.

Она видела его молодым — таким, каким он был до всего. Как он впервые попал в команду Альтаира, как стоял навытяжку перед капитаном, стараясь выглядеть уверенным. Видела Альтаира — молодого, весёлого, со смехом во взгляде. Видела Ирис — без этой вечной усталости, с огнём в глазах. Видела Кая — совсем мальчишку, но с очень характерными

чертами старшего брата.

Видела невесту Джакса. Её улыбку. Её смех. Кольцо с рубином, которое он прятал в каюте «Стрелы». Тёплые воспоминания. Светлые. Настоящие. Как лучи солнца, пробивающиеся сквозь тучи.

Хватка на её лице ослабла. Синий свет в глазах Джакса начал тускнеть. По его щекам потекли слёзы — настоящие, его собственные. Тьма рассеивалась светлыми лучами воспоминаний, любви и дружбы.

— Яра... — прошептал он своим, хриплым, уставшим голосом. — Прости меня...

Его пальцы разжались. Яра покачнулась и упала на колени, теряя сознание.

В тот же момент дверь с грохотом распахнулась — Альтаир выбил замок. Он влетел в медотсек, увидел Яру на полу и Джакса, склонившегося над ней, — и замер на долю секунды, оценивая ситуацию. Клинок "Зари" сверкал в руках, глаза горели янтарным огнем.

— Она... — прошептал Джакс, поднимая на него глаза. Глаза, в которых больше не было синего света. Только чистая, человеческая боль. — Она сделала это. Я не знаю как. Но боль и голоса ушли.

Альтаир опустился на колени рядом с Ярой, подхватил её на руки. Она была без сознания, но дышала ровно, спокойно. Её лицо было бледным.

Орион, вошедший следом, покачал головой, и на его лице

было написано изумление.

— Она обратила тьму. Этого не может быть. Это невероятно!

Яра лежала на койке в медотсеке. В теле чувствовалась слабость, но не боль — скорее, приятная усталость после долгого, глубокого сна. Она помнила, что случилось ночью. Джакс. Тьма. Воспоминания. И голос: «Помни». Повернула голову и замерла.

Рядом, на стуле, сидел Джакс. И он улыбался. Не криво, не через силу — а по-настоящему, тепло, как давно не улыбался никто в этой команде. Его глаза были ясными, без синего отблеска.

— Джакс? — прошептала она. — Ты... в порядке?

— Благодаря тебе, — ответил он. — В полном. Ну, почти. — Он пошевелил пальцами, глядя на свои руки. — Вены ещё пульсируют, но свет ушёл. И голоса ушли. Я не слышу их. Впервые за долгое время я слышу только себя.

Яра села на , чувствуя, как тревожность сменилась облегчением. — Как ты себя чувствуешь?

— Живым. По-настоящему живым. — Он чуть наклонил голову. — Ты проспала всю ночь. Орион проверил тебя — сказал, что ты просто истощена. Эмоционально и физически. Никаких повреждений, никаких последствий. Просто усталость накопилась.

Яра обвела медотсек взглядом. Кроме них, здесь никого не было. — А где все?

— Готовятся к выходу. Альтаир сейчас в грузовом отсеке, тренируется. — Джакс помолчал, потом добавил, и в его голосе появилась тёплая нотка: — Он просидел здесь всю ночь. Рядом с тобой. Ушёл только под утро, когда ты задышала ровнее.

Яра удивлённо посмотрела на него. — Всю ночь?

— Всю. Я тоже не спал — сидел напротив. Так что видел. Он не говорил ничего. Просто сидел. Но с места не сдвинулся.

Девушке не нашлась, что ответить. Она помнила его голос сквозь удар по двери. Помнила, как он звал её. Помнила тепло его рук. И вот снова сердце забилось чаще.

— Я хочу посмотреть, — сказала она.

Джакс кивнул. И загадочно улыбнулся.

Яра поднялась, накинула куртку и тихо вышла в коридор. Подошла к грузовому отсеку, но остановилась в дверях, не заходя внутрь.

Альтаир сражался.

Это были голограммы — тренировочная программа, которую она никогда раньше не видела. Огромные твари, похожие на многоножек, атаковали его со всех сторон. Они были серыми, с длинными телами, и их глаза горели красным. Он двигался среди них, как танцор — точнее, как хищник, который стал частью танца. Клинок Зари в его руке светился золотым, оставляя в воздухе светящиеся дуги, которые мгновенно гасли. Он уклонялся, уходил в сторону, пропус-

кал атаки в миллиметрах от тела и отвечал — быстро и точно. Каждое движение было выверенным, как у человека, который знает, что лишнее движение может стоить жизни.

Это был танец смерти и мастерства.

Яра замерла. Не в силах отвести взгляд. В каждом его движении была такая уверенность, такая сила, такая... красота? Её сердце билось быстрее, и она чувствовала, как по коже пробегает дрожь. Она смотрела на него и не могла понять — почему никогда раньше не замечала, как он двигается? Как его плечи напрягаются, когда он наносит удар? Как его глаза сужаются, когда он оценивает противника?

Заходить девушка не стала. Ей не нужны были слова. Достаточно было этого мгновения.

Через час команда собралась на мостике.

Альтаир вошёл последним. Он был в доспехах. Лицо — собранное, жёсткое, капитанское. Он обвёл команду взглядом и задержался на Яре.

В его глазах мелькнуло что-то. Яра не сразу поняла, что это. А когда поняла — внутри всё сжалось. Гнев. Он злился. На неё.

Она отвела взгляд.

— Итак, — начал Альтаир, и голос его был холодным. — Обсуждаем план.

Обсуждение было коротким и деловым. Станция в пятистах метрах. Буря всё ещё бушует, но ждать ещё два дня они не могут — неизвестно, когда люди Кассиана вернутся на

материк. Идти придётся в защитных костюмах с фильтрами прямо сквозь бурю. Это опасно, но возможно.

— Кто идёт, кто остаётся, — сказал Альтаир. — Я, Яра, Орион, Сол и Люм. Тарен, Ирис, Джакс и Корвус остаются на корабле. Если что-то пойдёт не так — вы наш запасной план. Корвус следит за обстановкой снаружи.

— Нет, — сказал Тарен.

Все повернулись к нему.

— Нет, — повторил он, и в его голосе послышалась обида, которой никто раньше не слышал. — Я иду. Если там есть технологии Первых — целые, работающие, — вы не справитесь без меня. Вам нужен механик. Вам нужна моя помощь. Я не останусь.

Альтаир помолчал, глядя на него. Потом кивнул.

— Хорошо. Идёшь.

Обсуждение закончилось. Все разошлись готовиться — одеваться, проверять снаряжение.

Яра впервые увидела всех в полном боевом облачении. Альтаир в своих доспехах, с Клинком Зари на поясе, его лицо было сосредоточенным. Орион в лёгком защитном костюме, с сумкой, набитой кристаллами и приборами, которые тихо позвякивали при каждом движении. Тарен в таком же костюме, с инструментами на поясе и волной — он всё ещё держал её немного неуверенно, но решимость в его глазах была настоящей. Сол и Люм в своих защитных плащах с фильтрами, Люм с трубкой, зажатой в зубах. Шнырь висел

над ними, переливаясь собранным синим.

Капитан обошёл строй. Каждому на плечо лёг небольшой датчик связи — тонкая пластина, которая крепилась к доспеху.

— Связь работает через "скалу", — сказал он. — Если кто-то потеряется — говорите. Не молчите.

Он остановился напротив Яры. Прикрепил датчик к её наплечнику. Его пальцы задержались на секунду дольше, чем нужно. Всё тот же гнев в глазах, но теперь она видела в нём беспокойство.

— Никто никуда не идёт без моего ведома, — произнёс он громко, обращаясь ко всем, но глядя на неё. — Все слушаются меня. Потому что только я из вас знаком с тварями, что тут живут. И Орион. Волна должна быть у всех наготове. Если со мной что-то случится — все слушают Ориона.

Шнурь тихо переливался синим, не произнося ни слова. Даже он притих.

Яра встретила взгляд Альтаира. — Я не отступлю, — сказала она.

Он смотрел на неё ещё секунду, потом кивнул. — Тогда вперёд.

Шлюз открылся. В лицо ударил горячий ветер, полный песка. Буря ревела, завывала, швыряла песок в открытый проём. Видимость — метров пять, не больше. Небо было оранжево-коричневым, сплошной стеной, в которой мелькали вспышки электрических разрядов.

Они вышли в бурю.

Ветер бил в грудь с такой силой, что приходилось наклоняться вперёд, чтобы не упасть — порывы швыряли песок, и каждый шаг давался с трудом, как будто они шли по пояс в воде. Песок скрежетал по защитным костюмам и шлемам, царапал стёкла фильтров, оставляя на них мутные разводы. Видимость — метров пять, не больше, лишь силуэты друг друга, колеблющиеся в оранжево-коричневой мгле. Даже голоса в переговорниках звучали глухо, с помехами — буря глушила сигнал, превращая слова в обрывки.

Альтаир шёл первым. За ним — Яра, Тарен, Орион. Сол и Люм замыкали цепочку.

— Двести метров, — раздался голос Шныря в наушниках, прорываясь сквозь треск и шипение. — Сто пятьдесят. Сто. Капитан... я фиксирую... фиксирую... там что-то есть! Прямо по курсу! Под землёй! Оно движется! Большое! **ОЧЕНЬ** большое!

— Всем остановиться! — скомандовал Альтаир.

Он включил датчик движения — древний прибор, который Орион когда-то нашёл в руинах и приспособил для работы в песчаных бурях. Датчик улавливал сейсмические колебания и преобразовывал их в контуры на маленьком экране. В такую бурю, когда видимость была почти нулевой, а связь работала с перебоями, этот прибор был единственным, чему можно было доверять. На экране запульсировала алая точка — прямо под ними.

— Оно глубоко, — сказал Альтаир, вглядываясь в экран. — Но поднимается. Всем приготовиться. Орион — в центр. Яра, Тарен — прикрываете его с флангов. Сол, Люм — за мной. Фильтры на максимум.

Яра сжала рукоять волны. Сердце колотилось. Она помнила рассказы братьев о барханных анемонах — пятнадцать метров щупалец, аммиачное облако. Но одно дело — слышать рассказы за столом в таверне, и совсем другое — стоять в эпицентре бури, чувствовать, как песок скрипит на зубах даже сквозь фильтр, и знать, что эта тварь сейчас поднимется из-под земли прямо перед тобой. Руки дрожали. Она сжала рукоять сильнее, пытаясь унять дрожь.

— Не бойся, Яра, — раздался голос Альтаира в наушниках, ровный и спокойный. — Делай, что умеешь, я помогу.

Она кивнула, хотя он не мог этого видеть. Песок перед ними взорвался.

Из-под земли вырвались щупальца — алые, толстые, с присосками. Они хлестали во все стороны, поднимая тучи песка, которые тут же подхватывал ветер и швырял в лица. Одно из щупалец ударило по тому месту, где только что стоял Тарен. Он отскочил, упал, перекатился — песок забился в шлем, на мгновение ослепив его. Он яростно тёр стекло перчаткой, пытаясь улучшить видимость.

Ещё одно щупальце метнулось к Яре.

Она замерла. Это было не как на тренировке. Не как голограммы в грузовом отсеке. Это было живое. Огромное. Чу-

жое. Щупальце несло на неё, и она видела каждую при-
соску на его поверхности, каждую каплю зеленоватой слизи,
стекающую по алой плоти. Ветер дёрнул её в сторону, песок
ударил в шлем, и на секунду она потеряла ориентацию — где
верх, где низ, где враг, где свои.

Альтаир возник из ниоткуда. Одно движение — и он ока-
зался между Ярой и щупальцем. Клинок Зари рассёк воздух,
оставляя золотой след, который почти сразу поглотила пес-
чаная мгла, и отсёк отросток одним ударом. Щупальце отва-
лилось, задёргалось на песке, затихло.

— Не стой! — крикнул он, не оборачиваясь. — Двигайся!

И Яра очнулась. Страх не ушёл — но теперь поверх него
был голос Альтаира, его приказ, его присутствие. Она отсту-
пила на шаг, потом ещё, выставила волну перед собой, гото-
вая защищаться. В груди горело, все перемешалось, страх и
решимость.

Из песка поднялось основное тело — огромное, с щупаль-
цами, расходящимися в стороны, как лепестки чудовищно-
го цветка. Их было не меньше дюжины. В центре открылась
пасть — круглая, усаженная мелкими зубами, похожими на
иглы. В воздухе поплыло облако зеленоватого газа — густо-
го, тяжёлого, который ветер не мог развеять, а лишь растя-
гивал в длинные полосы.

— Барханный анемон! — крикнул Сол. — Не дышите над
ним! Аммиак! Если концентрация станет выше — фильтры
не спасут!

— Я знаю! — отозвался Альтаир.

Он двинулся вперёд — но буря делала каждое движение в несколько раз труднее. Песок бил в лицо, ветер сбивал с ног. Альтаир уклонялся от щупалец — не плавно, как на тренировке, а резко, с усилием, преодолевая сопротивление стихии. Клинок Зари засветился золотым, но свет почти тонул в оранжевой мгле, лишь изредка вспыхивая яркой дугой, когда меч сталкивался с плотью.

Одно щупальце хлестнуло его по плечу — доспех выдержал, но удар был такой силы, что Альтаир пошатнулся и упал на колено. Второе щупальце метнулось к нему, целясь в голову. Он перекатился — песок забился в доспехах, — и отсёк его ответным ударом. Третье зашло с фланга. И тут в бой вступили Сол и Люм: Сол отвлёк тварь, размахивая фонарём, а Люм выстрелил из импульсника прямо в основание щупальца. Оно дрогнуло, и Альтаир использовал этот момент, чтобы прорваться дальше.

Яра не подвела. Она отбила одно щупальце, потом второе — не атакуя, просто защищаясь, отгоняя их от Ориона. Каждый удар волны отдавался в руку, и она чувствовала, как вибрирует рукоять — живая, будто подбадривая её. Она двигалась, уклонялась, блокировала, и каждое движение давалось легче, чем предыдущее. Тарен стрелял из импульсника, целясь в те отростки, что пытались зайти с фланга. Он действовал собранно и точно, хотя пальцы всё ещё дрожали.

Альтаир прорывался к центру. Три щупальца прегражда-

ли путь. Одно он отсёк наотмашь. От второго уклонился, пропустив его над головой. Третье хлестнуло его по ноге — он не удержался на ногах, упал. Ветер тут же толкнул его в спину, засыпая песком. Но он встал. И сделал последний рывок.

— Нервный узел! — крикнул Орион. — Под пастью! Бей туда!

Капитан вонзил Клинок Зари в центр, туда, где сходились алые отростки. Меч вошёл глубоко, и он нажал на кнопку импульса — клинок послал кинетический заряд прямо в нервный узел. Анемон заревел — низкий, вибрирующий звук, от которого завибрировал песок под ногами и задрожали стёкла шлемов. Щупальца опали на песок — все разом, как перерезанные верёвки. Тело начало оседать, растворяясь, превращаясь в зеленоватую слизь, которая дымилась на ветру. Из пасти вырвался последний, утробный вой — и тварь затихла.

Альтаир стоял над ней, тяжело дыша. Ветер всё ещё бил песок в его доспех, но он не двигался. Потом повернулся к команде.

— Все целы?

— Да, — ответила Яра, чувствуя, как отпускает дрожь в руках. Ноги всё ещё были ватными, но она стояла.

— Вроде... да, — выдохнул Тарен. — Только песка наелся. И адреналина.

— Фильтры держат, — подтвердил Сол. — Но нам лучше

уйти отсюда. Аммиак разъедает ткань. Через десять минут проест защиту.

В наушниках раздался голос Шныря — громкий, радостный, с помехами, но живой:

— Капитан! Вы победили! Я зафиксировал! Барханный анемон повержен! Это войдёт в историю! Тарен, ты стрелял! Искра, ты махала волной! Сол и Люм отвлекали! Это была командная работа! Я всё записал! Я покажу Джаксу и Ирис! Они будут гордиться! Капитан, ты как всегда мрачный и героический! Я поставлю эту запись на повтор! Три раза! Нет, пять!

— Шнырь, — сказал Альтаир, и в его голосе слышалась усталость пополам с облегчением.

— Молчу! Но я записал!

Яра невольно улыбнулась — насколько это было возможно с фильтром на лице. Даже сейчас, посреди мёртвой пустыни, после схватки с чудовищем, Шнырь оставался Шнырём. И от этого становилось чуть легче.

— Вперёд, — скомандовал Альтаир. — До станции — сто метров.

Они двинулись дальше. Буря не утихала.

Дверь станции выступала из скалы — массивная, из светлого материала, покрытая паутиной рун и спиралей. Песок почти полностью занёс её за сотни циклов, и им пришлось расчищать вход — Тарен и братья работали быстро, отгребая песок руками и подручными инструментами. Даже сквозь

бурю было видно, что дверь не пострадала. Она ждала.

Яра достала кристалл. Он светился — ярче, чем когда-либо. Тёплый золотой свет пульсировал в её ладони, разгоняя оранжевую тьму бури. Она подошла к двери и медленно, повторяя движение из видения, провела кристаллом по поверхности.

Руны вспыхнули. Свет пробежал по линиям, как вода по руслу, и на двери проступил контур — отпечаток ладони. Пять углублений для пальцев.

— Она точь-в-точь как в видении, — прошептала Яра. Вложив руку в углубление. Дверь открылась бесшумно. — Открыла, — выдохнул Тарен. — Просто... открыла. — Да высохнут мои водоросли, — тихо произнёс Люм.

Шнырь по связи разразился новой волной комментариев — «Искра открыла дверь! Древнюю дверь! Которую никто не мог открыть! Я записал! Это лучший день! После того, как капитан убил анемона! Два рекорда за один выход!» — но Альтаир отключил громкую связь. Он молча смотрел на Яру.

Внутри станция оказалась огромным круглым залом. Стены покрывали барельефы и руны, и когда они переступили порог, свет загорелся сам — мягкий, золотистый, словно станция просыпалась после долгого сна. Песок, проникший внутрь за тысячи циклов, тонким слоем лежал на полу, но само помещение не пострадало. Древние механизмы работали. Воздух был сухим и прохладным — совсем не таким, как

снаружи. Пахло древностью, камнем и сыростью, как после грозы.

В центре зала стояли пять колонн, расположенных по кругу. На каждой — углубление в форме ладони.

Четыре колонны были отмечены символами. Пятая — пустая.

— Смотрите, — сказал Орион, подходя ближе. Его голос эхом разнёсся по залу. Глаза старика загорелись, который Яра уже видела раньше — огнём учёного, нашедшего сокровище. — Эти символы — не просто знаки. Это звёздные системы.

Он указал на первую колонну. Символ представлял собой спираль с тремя лучами.

— Андромеда. Галактика, из которой пришли одни из Основателей. Говорят, они были первыми, кто ступил на Землю.

Вторая колонна была отмечена символом, похожим на двойную звезду.

— Сириус. Двойная система. Основатели оттуда славились своими технологиями.

Третья — символ в виде концентрических колец.

— Вега. Их цивилизация была древнее всех остальных. Они первыми научились путешествовать между звёзд.

Четвёртая — символ, напоминающий семь точек, соединённых в созвездие.

— Плеяды. Семь сестёр. Их представители были самыми

искусными дипломатами. Четыре системы. Четыре великие цивилизации. Четверо Королей-Основателей.

— А пятая? — спросила Яра, глядя на пустую колонну. Орион снял очки и протёр их.

— В том-то и вопрос. Кто должен был занять пятую? Какой системы не хватает?

Яра подошла к пустой колонне. Она ничем не отличалась от остальных — тот же материал, та же форма. Только символ отсутствовал. И углубление для ладони было таким же, как на других. Она приложила руку. Ничего не произошло.

Они рассредоточились по залу.

Тарен, забыв обо всём, возился с приборами у дальней стены. Некоторые из них, невероятно, всё ещё работали — слабо светились, отзывались на прикосновения. Он аккуратно складывал их в сумку, бормоча технические термины и время от времени издавая восхищённые возгласы. Один прибор — что-то вроде древнего навигационного модуля — загудел, когда Тарен коснулся его, и механик едва не выронил его от неожиданности.

— Он работает! — воскликнул он. — Спусти столько циклов! Я не знаю, что это, но он работает!

— Бери, — сказал Альтаир. — Разберёмся на корабле.

Сол и Люм изучали барельефы на стенах. Люм, не вынимая трубки изо рта, водил пальцем по древним символам, а Сол подсвечивал фонарём. Время от времени они переглядывались — без слов, одним движением глаз, — и двигались

дальше.

Орион склонился над кристаллами с записями. Он брал их один за другим, активировал, читал. Его лицо то хмурилось, то озарялось пониманием.

— Здесь всё, — сказал он наконец. — Все их исследования. Но многие записи повреждены. Или... стёрты.

— Стёрты? — переспросила Яра.

— Кем-то намеренно. Целые фрагменты удалены. Как будто кто-то не хотел, чтобы эта информация сохранилась. — Он активировал ещё один кристалл. — Но кое-что уцелело.

Он начал читать вслух — не потому, что это было нужно, а потому что не мог молчать. Слишком многое становилось на свои места.

— Золо. Древняя раса. Они не просто проникали в цивилизации — они сливались с ними. Вступали в браки. Рожали детей. Их потомки веками не знали, кто они. Гены настолько перемешивались, что внешних отличий не оставалось. Только кровь. Кровь Золов чернела при контакте с определённым веществом — и начинала светиться синим. Но самое страшное не в этом. Кровь Золов активировалась при контакте с... представителями их расы. Кто были эти «представители»? Откуда они взялись? Текст обрывается. Кто-то стёр.

Он перешёл к следующему кристаллу.

— Здесь говорится о ком-то ещё. О ком-то, кто не был ни Основателем, ни Золом. Так же тут встречается имя иссле-

дователя.

Он повернулся к Яре.

— Лира. Это имя встречается в каждой уцелевшей записи. Она была учёным. Одним из ведущих исследователей. Это она изучала Золов. Это она искала способ распознавать их и противостоять им. И это она писала о важности памяти.

Орион активировал ещё один кристалл.

— Слушайте. «Если мы не сохраним знание, оно будет утеряно. Если мы не запомним, кто мы, мы повторим ошибки прошлого. Земля помнит. И я помню. Пусть помнят те, кто придёт после нас».

Яра вздрогнула. Эта фраза. Она звучала в её снах. Она слышала её с самого первого дня.

— А дальше — о войне, — продолжил Орион. — На Земле началась большая война. Кто с кем воевал — неясно, данные стёрты. Но Лира пишет, что на Марсе оставаться опасно. Все исследования переносятся на Зену. Последняя запись: «Мы уходим. Да поможет нам память предков».

Он замолчал.

Яра подошла к небольшому постаменту у одной из стен. Там лежал маленький кристалл — не такой, как другие. Он был прозрачным, с золотистой искрой внутри. Она взяла его в руки, и он засветился. Перед ней возникла голограмма — женщина. Высокая, с длинными светлыми волосами, в светлых струящихся одеждах. Тёплый взгляд. Лёгкая улыбка.

— Это она, — прошептала Яра. — Я видела её во сне. И

в видении. Та самая женщина.

Альтаир подошёл ближе. Посмотрел на голограмму.

— Теперь мы знаем, как её зовут.

— Но кто она? — спросила Яра. — Учёный? Одна из Основателей? Почему я вижу её? Почему она говорит со мной?

— Ответы, возможно, там, — сказал Орион, указывая на последний кристалл. — На Зене. Все исследования были перенесены туда. Если где и есть информация о том, кто такая Лира и почему ты с ней связана, — то только там.

Тарен, закончив сбор приборов, подошёл к дальней стене и вдруг замер.

— А вот это интересно, — пробормотал он.

На небольшом постаменте лежали несколько маленьких металлических дисков. Они были тонкими, с крошечными шестерёнками внутри, и напоминали заводные механизмы. Яра подошла и взяла один в ладонь.

Диск закрутился. Вспыхнул свет — и Яра исчезла.

— Где она?! — крикнул Тарен.

— Я здесь, — раздался голос у Альтаира за спиной.

Он резко обернулся. Яра стояла в трёх метрах от того места, где только что была. Вид у неё был ошарашенный.

— Я просто взяла его, — сказала она. — Он закрутился, и...

Орион осторожно, двумя пальцами, поднял диск с пола. Покрутил в руках. Его лицо выражало крайнюю степень научного интереса.

— Механизм для мгновенного перемещения. Древняя технология. Очень редкая. Очень опасная — если не знать, как пользоваться. — Он бережно собрал остальные диски и убрал в сумку. — Я изучу их позже. А пока — не трогайте без необходимости. Особенно ты, Яра. Ты только что телепортировалась на три метра и даже не заметила как. Это впечатляет и пугает одновременно.

Они провели на станции целый день. Незаметно для себя. Записи, кристаллы, приборы, колонны, голограмма Лиры — всё это затянуло их. Тарен возился с механизмами, Орион читал и перечитывал тексты, Яра не могла оторваться от лица женщины на голограмме.

А снаружи буря начала стихать. Ветер всё ещё нёс песок, но уже не с той яростью. Небо из оранжевого становилось мутно-серым. Ещё час-два — и буря утихнет совсем.

Альтаир заметил это первым. Он стоял у входа и смотрел на меняющееся небо.

— Буря стихает, — сказал он. — Нужно уходить. Сейчас.

— Мы ещё не всё изучили, — возразил Орион.

— Изучим на корабле. Берём самое важное — кристаллы, записи, приборы. Остальное — оставляем. Если буря закончится, нас будет видно со всех радаров. А люди Кассиана всё ещё на материке.

Орион, Сол и Люм ушли первыми — нагруженные кристаллами, приборами и копиями записей, они двинулись сквозь стихающую бурю к «Стреле». Тарен задержался: он

нашёл в дальнем углу станции какой-то древний механизм — не то генератор, не то преобразователь энергии, — и теперь, забыв обо всём, возился с ним.

Яра стояла у голограммы Лиры. Женщина с серебристыми волосами улыбалась ей — тепло, почти ободряюще. Яра не могла оторвать взгляд. Она знала это лицо. Она видела его во сне. Слышала его голос. И теперь у этого лица было имя.

Альтаир подошёл и встал рядом. Он молча смотрел на голограмму, потом перевёл взгляд на Яру.

— Ты когда-нибудь думала о том, что будет, если ты не найдёшь путь домой?

Яра не ожидала этого вопроса. Она повернулась к нему и вдруг поняла, что он стоит очень близко. Ближе, чем обычно. Ближе, чем требовала ситуация. Она чувствовала его тепло, видела, как его глаза смотрят на неё.

— Я... думала, — ответила она. — Но не нашла объяснения. Совершенно никакого. Как выбираться из этой жизни — я не знаю. Может быть, я никогда не вернусь. Может быть, это... это и есть мой дом теперь.

Она замолчала. Альтаир смотрел на неё. Он не отодвинулся. И она не отодвинулась. Время замерло.

И тут в наушниках раздался голос Шныря:

— Капитан! Группа добралась до корабля! Орион, Сол и Люм на борту! Ждут вас! Тарен ещё с вами? Капитан, я фиксирую... фиксирую... что-то не так... Капитан, связь с группой... я не...

Связь оборвалась.

Альтаир мгновенно стал собранным. — Шнырь? Шнырь! Тишина. Только ветер за дверью.

— Нам пора уходить, — сказал он. — Тарен! Заканчивай!

И тут из темноты, из-за колонн, раздался голос — мягкий, вкрадчивый, с лёгкой насмешкой:

— Ну вот вы и тут. Старые друзья.

Альтаир выхватил волну и заслонил Яру собой. Из тени вышел человек. Высокий, худой, в тёмном плаще, который развевался от сквозняка, проникающего через открытую дверь. Чёрные волосы, уложенные назад. Лёгкая щетина. И глаза — безумные, горящие холодным синим светом.

Кассиан.

— Ох, Альтаир, на тебя же это не похоже — чтобы ты кого-то пропустил. Неужели так отвлёкся?

— Он перевёл взгляд на Яру, и его губы растянулись в усмешке. — Впрочем, я понимаю.

— Что тебе нужно? — голос Альтаира был холодным, как сталь.

— Мне? Ты так сбежал, охотник, а мы даже не договорили. Невежливо.

Из-за его спины выступили стражи — десять, может быть, двенадцать человек в тёмных доспехах, с импульсниками наизготовку. Они рассредоточились по залу, отрезая путь к выходу.

— Ты же даже не знаешь, кто она, — продолжал Кассиан,

кивая на Яру. — Что она видит. На что способна.

— А ты, значит, знаешь? — Альтаир не опускал Зарю.

— О, у меня есть сюрприз. Всё это время я знал практически всё. Исключая момент, когда эта девчонка оборвала связь с моим подопытным. — Он поморщился. — Это было... неприятно. Но поправимо. — Он махнул рукой стражам. — Схватить их.

Охрана бросилась вперёд. Двое схватили Тарена, прежде чем он успел достать импульсник — он кричал и вырывался, но его прижали к полу. Остальные двинулись на Альтаира.

Клинок Зари запел.

Альтаир двигался как вихрь — быстрее, чем Яра когда-либо видела. Он отсек ствол импульсника у первого стража, ударил второго в шлем рукоятью, ушёл от выстрела третьего. Но их было слишком много. Они навалились на него, прижали к колонне. Он всё ещё сражался, но свободы движений уже не было.

Кассиан не спеша подошёл к Яре. Он навис над ней — высокий, худой, с этим безумным блеском в глазах. Его длинный плащ шуршал от ветра, задувающего в открытую дверь.

— Кем ты себя возомнила? — тихо спросил он. — Подумать только: я искал ключ, а это оказалась никчёмная девчонка. Букашка. Которой здесь не место. — Он протянул руку к её горлу. — Но теперь тебя ждёт участь пострашнее, чем у Джакса. Ты даже не представляешь, с чем связалась.

Яра не отступила. Кристалл всё ещё был зажат в её ладо-

ни. Она смотрела Кассиану прямо в глаза.

— Я знаю о твоих экспериментах, — сказала она. — О Золах. О чёрной крови. Я знаю, что ты делал с Джаксом.

В этот момент Альтаира прижали к полу. Четверо стражей держали его, пятый заламывал руку с мечом. Кассиан перевёл взгляд на него, потом снова на Яру и рассмеялся — сухо, неприятно.

— Ты глупа. Ваш друг Джакс не так прост. Ну, эту тайну я могу вам открыть. Конечно, ты думаешь, что я издевался над ним, вливал чёрную кровь? — Он покачал головой. — Я лишь слегка хотел его усовершенствовать. А чёрная кровь и так была в нём. Да, да. Он — потомок Золов. Но вот незадача: он сам этого не знал. Ему помогли вспомнить. А ты... ты как-то это заглушила.

Он снова шагнул к ней, схватил за горло — длинные пальцы сомкнулись на шее, холодные, как сталь.

— Поэтому теперь ты будешь подопытным экземпляром. Ты помешала моим исследованиям, мерзкая девчонка.

Альтаир рванулся, но стражи держали крепко.

— Король знает о том, что ты делаешь?! — крикнул он. — Зачем тебе всё это?!

Кассиан замер. Медленно, очень медленно он повернул голову к Альтаиру. И отпустил Яру.

— Тебя это не касается, капитан. У каждого Короля есть свои слабости. И свои союзники. А теперь...

Он снова шагнул к Яре, протягивая руку.

И тогда Яра ударила.

Кристалл — тот самый, влетел Кассиану прямо в глаз. Он взвыл и отдёргнул руку, схватившись за лицо.

— Яра! — крикнул Тарен. — СЕЙЧАС!

Тарен, которого держали двое стражей, дотянулся и ударил ногой по древнему механизму, возле которого работал всё это время. Механизм загудел — низко, мощно, — и по залу прокатилась волна энергии. Свет мигнул. Стражи на мгновение потеряли ориентацию.

Тарен вырвался. Он подбежал к Яре, схватил её за руку и потащил к Альтаиру.

— Прыгаем вместе до Альтаира! — крикнул он. — Коснись, и я активирую диск!

Яра в прыжке дотянулась до Альтаира — её пальцы сомкнулись на его запястье. Тарен нажал на диск.

Вспышка. И они исчезли.

Их выбросило в песок — туда, где они сражались с анемом. Тело твари уже почти полностью растворилось, только зеленоватая слизь ещё дымилась на ветру. Буря почти стихла, но песок всё ещё кружил в воздухе. Видимость стала лучше.

В наушниках, прорываясь сквозь треск, раздался голос Шныря:

— Капитан! Яра! Тарен! Если вы слышите... подмога идёт к вам! Ирис с Джаксом выдвигаются! Капитан, ответьте!

— Шнырь! — рявкнул Альтаир. — Готовь корабль к взлё-

ту! Немедленно!

— Капитан! Ты жив! Я знал! Я верил! Искра! Тарен! Вы все живы! Я сейчас! Я всё готовлю! Ирис уже в пути! Держитесь!

Яра лежала на песке, тяжело дыша. Горло болело от хватки Кассиана. Альтаир помог ей подняться. Тарен стоял рядом, сжимая в руке погасший диск.

— Ты активировал его, — сказала Яра. — Ты... ты нас спас.

— Я просто нажал на кнопку, — ответил он. — Ты ему в глаз кристаллом. Вот это было круто.

Из бурой мглы вынырнули две фигуры — Ирис и Джакс, в защитных костюмах, с оружием. Ирис подняла забрало.

— Вы целы?!

— Да! — ответил Альтаир. — Уходим!

Они побежали к «Стреле». Корабль уже гудел двигателями. Шнырь, не дожидаясь команды, открыл шлюз и опустил трап.

Последними на борт забежали Ирис и Джакс. Шлюз захлопнулся.

— Взлетаем! — скомандовал Альтаир.

«Стрела» рванулась в небо. Песок, оставшийся от бури, закружился под днищем и опал.

Первое, что сделали на борту — короткий, быстрый бросок к Двасолнечному. Нужно было вернуть братьев домой, пока Кассиан не начал прочёсывать город в поисках тех, кто

помог беглецам.

«Стрела» зависла над окраиной в ночном небе — благо, сейчас над городом висела только Искра, а её мягкого голубоватого света было недостаточно, чтобы разглядеть корабль без приборов. Модуль отделился и пошёл на посадку.

Сол и Люм вышли на посадочную платформу возле своего дома на холме. Вокруг всё ещё пахло праздником — остывшие фонари, увядшие цветы, тишина после трёх дней веселья. Люм сунул трубку в рот, затянулся и выпустил облачко зеленоватого дыма.

— Значит, Зена, — сказал он.

— Зена, — подтвердил Альтаир.

— Опасное место.

— Я знаю.

Люм помолчал. — Да не подведите там. А то я себе не прощу, если с вами что-то случится, пока меня нет рядом. И за брата переживаю — он же бледный, как брюхо дохлой рыбы, без меня совсем пропадёт.

— Я не бледный, — сказал Сол.

— Бледный. — Люм вытащил трубку изо рта.

Яра обняла их обоих. Сол чуть смутился, Люм — нет.

— Берегите себя, — сказала она. — Этот кристалл пусть останется у вас, двери не запечатали, может со временем вы найдете что-то нужное.

— Ты тоже, Яра. Да не погаснет твой свет.

Они вернулись на борт. Модуль пристыковался. Шлюз за-

крылся.

— Курс — на Зену, — сказал Альтаир.

Корабль рванулась вверх и через минуту уже уходила в открытый космос. Два солнца Марса — золотое и голубое — остались позади.

А на пульте мигнул сигнал. Шнырь метнулся к панели.

— Капитан! Ещё одно сообщение! Снова анонимное! Но на этот раз... тут данные! Я не могу... тут какой-то старый код!

— На экран, — приказал Альтаир.

Над пультом развернулась голограмма. Не просто текст — целый пакет данных. Схема какого-то здания. Координаты на Зене. И короткая приписка внизу — не подпись, а фраза, которая заставила Альтаира замереть.

«Спокойная вода. Жду в старом порту».

Яра видела, как изменилось его лицо. Сначала — недоверие. Потом — узнавание. Потом — что-то глубокое, чего она не могла назвать. Его пальцы сжались на краю пульта.

— Не может быть, — произнёс он тихо.

— Что? — спросила Яра.

Альтаир не ответил. Он смотрел на голограмму, и в его глазах отражались строки послания. Его дыхание стало глубже, и она видела, как он борется с собой.

— Кто это? — спросила она снова, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

Альтаир медленно повернулся к ней. Его глаза были пу-

стыми, как у человека, который увидел призрака.

— Это значит, что нас кто-то ждёт на Зене, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.